

ИСТОРИЯ

УДК 947.085.2

СТАЛИНГРАДСКИЙ ПЕРЕЛОМ: КРАХ 6-й АРМИИ ВЕРМАХТА

Н.А. Болотов

Аннотация

В статье дана характеристика этапов оборонительного и наступательного периодов Сталинградской битвы, приводятся данные о потерях 6-й армии вермахта, раскрываются причины её краха.

2 февраля 2013 г. в Волгограде состоялись масштабные торжества, посвященные 70-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. На празднование приехало свыше 1200 человек из 62 различных регионов России и 16 государств ближнего и дальнего зарубежья. В Волгограде такого количества гостей не было ещё ни разу. Среди почётных гостей торжественных мероприятий – Президент России В.В. Путин, а также многочисленные государственные, политические и общественные деятели России и зарубежья.

Боевые действия на Волге в 1942–1943 гг. являются яркими страницами советского военного искусства в период Второй мировой войны. Весной 1942 г. немецкое военное руководство продолжало считать главным Восточный фронт, где решалась судьба Германии, где еще не было решено большинства задач по реализации плана «Барбаросса». Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер записал в марте 1942 г. в своем дневнике такую фразу фюрера: «Судьба войны решается на Востоке». На этот момент личный состав вермахта насчитывал 8 млн. 672 тыс. человек, в том числе 5 млн. 388 тыс. человек, или 76%, находилось на советско-германском фронте. Из шести немецких воздушных фронтов четыре действовали на Восточном фронте. Немецкая группа армий «Юг» была самой мощной из всех группировок врага, воевавших на Восточном фронте, насчитывала в своем составе до 37% пехотных и кавалерийских дивизий и более 50% танковых и моторизованных соединений [1].

Готовясь к летней кампании 1942 г., штаб вермахта разделил группу армий «Юг» на две: группу армий «А» для наступления на Кавказ и группу армий «Б» на Сталинградское направление. Из состава войск группы армий «Б» для захвата Сталинграда была выделена 6-я полевая армия, в которой насчитывалось 14 дивизий. К 17 июля 1942 г., к началу наступления на Сталинград, в ней насчитывалось 270 тыс. человек и около 3,4 тыс. орудий и минометов.

Необходимо отметить, что германское командование тщательно готовилось к походу на Сталинград. Были произведены необходимые перегруппировки воинских соединений, подтянуты резервные формирования, согласованы взаимодействия фронтов. Роль ударной силы германского наступления была отведена 6-й полевой армии, одному из элитных мощнейших пехотных объединений вермахта. 6-я полевая армия вермахта – оперативное объединение, была сформирована 5 октября 1939 г. путем переименования 10-й армии. Ее боевая репутация

ция была безупречной. Она успешно провела польскую кампанию, участвовала в покорении Франции. Именно 6-я армия громила английский экспедиционный корпус на французской территории и поставила его на грань катастрофы у Дюнкерка. Этой армии предназначалась ведущая роль в планировавшейся высадке немцев на Британских островах. Всю осень 1940 г. она тренировалась в высадке на английском побережье. В апреле 1941 г. армия была переброшена к границам СССР для участия в реализации плана «Барбаросса». Переброшенная на Восточный фронт, 6-я армия, обладавшая накопленным опытом современных боевых действий и хорошо оснащенная в материально-техническом отношении, не знала поражений в июне – октябре 1941 г. в сражениях с частями Красной Армии на Украине (Киев, Черкассы, Богуслав, Харьков). К середине июля 1942 г. вышла в излучину Дона в районе населенных пунктов: Боковская, Морозовский, Миллерово, Кантемировка. 6-ю армию поддерживали 350 танков 4-й танковой армии. Воздушную поддержку этой мощной группировке оказывали 700 самолетов 8-го авиационного корпуса люфтваффе, одного из лучших соединений 4-го воздушного флота.

Командовал 6-й армией генерал-полковник Ф. Паулюс. Это назначение он получил 5 января 1942 г. Фридрих Вильгельм Эрнест Паулюс родился 23.09.1890 г. в городе Брейтенад, земля Гессен. 52-летний генерал считал Гитлера гением, обожал Бетховена, был профессионалом в своем военном ремесле, гордился своей элитной армией, ему сопутствовала удача, ветераны Первой мировой войны признали его полководческий талант (особенно за Харьковскую операцию – окружение более 200-тысячной группировки Красной Армии). В личном поведении он отличался беспримерной чистоплотностью: носил перчатки даже летом (от пыли), принимал ежедневно душ и дважды в день менял мундир. Паулюс придавал войне оттенок расовой войны на выживание, считая главной целью восточной кампании уничтожение «еврейско-большевистской» системы, ведение войны «не по правилам, а согласно национальной концепции рейха». Солдаты 6-й армии помогали зондеркомандам, участвовали в массовых экзекуциях мирного населения, любили позировать на фоне рвов, заваленных трупами казненных гражданских лиц [2].

Генерал Паулюс ждал своего звездного часа, жаждал настоящего боя. Солдаты верили в него. Талант самого Паулюса был еще помножен на эффективный штаб его армии, которым руководил генерал-лейтенант А. Шмидт, неутомимый, находчивый, обладающий опытом участия в Первой мировой войне.

С учетом решаемых задач, Сталинградская битва включает два периода: оборонительный – с 17 июля по 18 ноября 1942 г. и наступательный – с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 года. На огромном пространстве в полосе 400 – 450 км. и в глубину до 120-150 км. в большой излучине между Доном и Волгой развернулось ожесточенное и кровопролитное сражение между противниками. По целям, размаху и напряженности боевых действий Сталинградская битва превзошла все предшествующие ей сражения в мировой истории.

К 18 августа 1942 г. в составе группировки немецких войск, наступавших на Сталинград, было уже 35 дивизий, почти в 2,5 раза больше, чем в начале сражения. 19 августа Паулюс подписал приказ «О наступлении на Сталинград». Фюрер категорически приказал взять город к 25 августа, не считаясь ни с какими потерями. 23 августа – самый трагический день для города. Немцы прорвали на севере в районе рынка средний обвод города и вышли к Волге. Одновременно с этим на город была совершена мощнейшая бомбардировка, за один день было сделано более 2 тыс. самолетов-вылетов. За всю войну не было авианалетов такой силы. Огромный город, растянувшийся на 50 километров, был в огне. По словам очевидцев, ночью в 70 километрах от города можно было читать газету – такой масштабности и силы были пожары.

Противник в первых числах сентября прорвал внутренний обвод города и захватил отдельные его районы в северной части. Задачей противника было прорваться к центру города, чтобы перерезать Волгу. Наступление стоило немцам больших потерь: с 18 августа по 12 сентября

авиация врага потеряла более 600 самолетов, а за 10 дней боев в сентябре – 24 тыс. убитых, уничтожено около 500 танков и 1850 орудий [3].

С 12 сентября 1942 г. наступила новая фаза в обороне города, закончились оборонительные сражения на дальних подступах и начались бои в самом городе. В этот же день фюрер вызвал в свою ставку под Винницей командующего 6-й армией Паулюса. Гитлер был крайне недоволен тем, что Сталинград до сих пор не пал. Паулюс получил приказ от фюрера захватить Сталинград в ближайшие дни. Для решающего штурма города Паулюсу были выделены дополнительные силы, группировка наступающих на город сил выросла до 50 дивизий.

13 сентября 1942 г. начался первый штурм города. Части 6-й армии превосходили советские войска в силах и средствах в 1,5-2 раза, а в танках даже в 6 раз. Во время этого штурма упорные бои шли за элеватор, железнодорожную станцию Сталинград-II, Мамаев Курган. Особенно яростная борьба развернулась за овладение железнодорожным вокзалом, который 13 раз переходил из рук в руки. Противник сумел потеснить к 26 сентября советские войска, но это продвижение стоило 6-й армии больших потерь: свыше 6 тыс. убитых, более 170 танков, 100 орудий и минометов, около 200 самолетов.

Второй штурм Сталинграда фашистские войска предприняли с 28 сентября по 8 октября 1942 года. Гитлер требовал от Паулюса взять город любой ценой и в самое ближайшее время, счет шел на дни. За время второго штурма противник занял часть территории города, но не смог захватить центральную набережную с переправами, через которые оборонявшиеся части 62-й армии получали подкрепление, вооружение, продовольствие, топливо и вывозили раненых. Обе стороны несли большие потери.

Гитлер мечтал быстрее овладеть Сталинградом, для этого в течение первой половины октября из Германии для усиления 6-й армии было переброшено 200 тыс. человек нового пополнения, 30 артдивизионов (около 1000 орудий), 40 инженерно-штурмовых батальонов, предназначенных для штурма города и ведения уличных боев. Паулюс получил превосходство над частями 62-й армии в силах и средствах в 4-5 раз.

14 октября 1942 г. начался самый ожесточенный штурм города. Войска 6-й армии применили большое количество огневых средств. Бои шли за каждый дом, за каждый метр земли. Небольшой гарнизон знаменитого «Дома Павлова» держался 58 дней, отбивая атаки врага. Войска 6-й армии понесли огромные потери, но так и не сумели овладеть прибрежной частью города. Но фюрер требовал нового наступления.

Четвертый штурм города-защитника начался 11 ноября. Бои шли непрерывно. Две дивизии армии потеряли почти весь личный состав. Сталинград для немцев стал своеобразной «мельницей», перемалывавшей живую силу и технику врага. В письмах солдаты 6-й армии образно и реально описывают происходящее в городе: «Сталинград – это ад на земле». В борьбе за Сталинград враг потерял около 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов [4]. Враг был втянут в затяжные, изнурительные бои в Сталинграде. Очередной блицкриг в Сталинграде провалился. 12 ноября немцев остановили в 70 метрах от Волги. В своем дневнике простой русский солдат резюмирует происшедшие события: «Это уже не те немцы, с которыми мы дрались в августе. Да и мы уже другие». Обстановка в Сталинграде в корне менялась.

Стратегический замысел советского Верховного командования строился на двух ударах. Первый – со стороны среднего течения Дона в южном направлении. Второй – со стороны левого крыла Сталинградского фронта (к югу от города) в северо-западном направлении к излучине Дона. Задача – зажать в кольцо 6-ю армию и 4-ю танковую, более 300 тысяч элитарных германских войск. В конце октября 1942 г. этот план контрнаступления получил название «Уран» [5].

19 ноября в 7 часов 30 минут по кодовому слову в эфире «Сирена» по врагу ударили 3500 стволов советской артиллерии. Канонада длилась 80 минут. Паулюс воспринял советское наступление спокойно, вместе со своим штабом разрабатывал контрмеры. Лишь к концу дня

19 ноября ему стало ясно, что речь идет не о рядовой операции, а 21 ноября он осознал всю сложность положения. 24 ноября 1942 г. утром в 8 часов 38 минут в 6-ю армию пришел приказ фюрера: «Перейти к обороне, занять круговую оборону, запрещается ориентироваться на уход и прорыв». Паулюс подчинился, отменив прорыв и возложил надежды на авиаснабжение и наземную поддержку.

Шеф люфтваффе маршал Геринг заверил фюрера, что армии Паулюса по воздуху ежедневно будет предоставляться по 500 тонн различного снабжения. Гитлер из-за своих амбиций не думал о спасении 6-й армии, для него важно было удержаться на волжских берегах. Советское командование в это время разрабатывало операцию «Сатурн». Цель – развитие сталинградского успеха силами Воронежского и Юго-Западного фронтов в направлении линии Миллерово – Ростов, замкнуть германскую группировку на Северном Кавказе и в целом отрезать Южный фронт вермахта в России.

23 ноября 1942 г. войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, ломая сопротивление врага в районе пос. Советский, в 16 часов замкнули кольцо окружения войск 6-й армии вермахта. Советское командование рассчитывало окружить в котле около 85 тысяч человек. Однако из показаний главного квартирмейстера 6-й армии полковника фон Куловского, наши генералы узнали, что в кольцо попали 250 тысяч человек [6]. В советской историографии длительное время фигурировала цифра 330 тысяч пленных. На основе анализа отечественных и зарубежных источников по истории Сталинградской битвы, общая численность окруженной группировки составляла примерно 284 тысячи человек, включая и две румынские дивизии. Всего в окружение попало 22 дивизии и 160 отдельных частей, входивших в состав 6-й полевой и 4-й танковой армий. Такого окружения немецких войск за Вторую мировую войну еще нигде не было [7].

На боеспособности немецких войск сказывалось все ухудшающееся снабжение продовольствием. Еще 6 октября 1942 г. командование 6-й армии сообщило главному командованию сухопутных войск (ОКХ), что войска не получают полного рациона уже с августа: «условия жизни во всем радиусе действий 6-й армии одинаково плохие». Войска получали рацион, содержащий в сутки от 1800 до 2500 калорий, вместо фронтового довольствия в 3500 – 4000 калорий. С 26 ноября по 15 декабря суточная порция хлеба уменьшилась с 350 г. до 50-100 г. 20 декабря из 4-го армейского корпуса поступило первое сообщение о смерти от голода двух солдат, к 24 декабря их число достигло 64 человек, а к 7 января – 120 случаев смерти [8]. Обещания рейхмаршала Геринга полностью провалились. Причиной этого было резкое сокращение количества прилетающих в Сталинград самолетов. Потеря аэродрома в Питомнике, а к 24 января последних аэродромов Гумрак и Сталинградский, свидетельствовали о полной безысходности.

Важную роль в ликвидации окруженных войск сыграли авиация и зенитная артиллерия Сталинградского района ПВО: около тысячи самолетов и 400 зенитных орудий. Впервые силами авиации и зенитной артиллерии была осуществлена столь масштабная воздушная блокада окруженной группировки врага. На воздухе и на земле было уничтожено около 1200 самолетов (до 30% всех авиасил Германии в этом районе), в том числе более 950 транспортной и бомбардировочной авиации (80%). Все это ускорило ликвидацию группировки [9].

28 января 1943 г. южная группа врага была расчленена на две части. Таким образом, в Сталинграде образовалось три изолированные группы противника. Близилась развязка. В ночь на 31 января Паулюс получил телеграмму от фюрера: «Поздравляю Вас с производством в генерал-фельдмаршалы». Это была последняя телеграмма. Гитлер хорошо знал военную историю Германии, еще ни один фельдмаршал в плен не сдавался. Это был призыв к самоубийству, но через несколько часов новоиспеченный фельдмаршал сдался в плен, нарушив старую прусскую традицию.

Сопротивление продолжала лишь Северная группа войск 6-й армии генерала Штреккера, окруженная в Заводском районе. 1 февраля советское командование отдало приказ нанести

по противнику мощный огневой удар. До 1000 орудий и минометов было сосредоточено на 6-километровом участке. Через 3 – 5 минут артподготовки немцы стали массово сдаваться в плен, 40 тыс. солдат 6-й армии сложили оружие. На наш взгляд, это была уже бравада советского командования: хотелось показать немцам всю мощь советских войск, мщение за летние и осенние бои 1942 г., за страх и беспомощность. Но при этом забыли, что в развалинах заводов и домов, в подвалах, в землянках на берегу Волги прятались сотни сталинградцев, которые также приняли на себя эту огненную лавину смерти.

В 16 часов 2 февраля 1943 г. боевые действия в городе Сталинграде и районе прекратились. Сталинград стал полной катастрофой не только для 6-й армии вермахта, но и для 4-й танковой, двух румынских и одной итальянской армии. Это была катастрофа и для немецкой нации, общие потери составили 1,5 млн. человек убитыми, ранеными, пленными и умершими, то есть более четверти сил рейха на Востоке. Сталинградская катастрофа имела своим следствием тяжелое потрясение всей сферы германского владычества в Европе.

Выдающаяся победа под Сталинградом – это победа нашего народа. Наш долг всегда помнить об этом великом подвиге и передавать память другим поколениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. Волгоград, 2008. С. 10-11.
2. Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2002. С. 391.
3. Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. С. 18.
4. Там же. С. 22.
5. Уткин А.И. Указ. соч. С. 470.
6. Там же. С. 566.
7. Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. С. 26.
8. Уткин А.И. Указ. соч. С. 174-175.
9. Сталинградская битва. Энциклопедия. Волгоград, 2007. С. 156; Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. С. 32.

УДК 947.02

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРИВИЧЕЙ**М.И. Жих****Аннотация**

Предпринятый анализ показывает, что письменные источники (русские летописи и Константин Багрянородный) чётко относят кривичей к славянам. Их этноним, безусловно, является славянским, а ещё одно славянское «племя» кривичей проживало на Пелопоннесском полуострове. Материалы археологии, лингвистики и популяционной генетики также свидетельствуют о славянском происхождении кривичей. Серьёзной аргументации в пользу «балтской» гипотезы их происхождения не имеется.

В последнее время, как в российской, так и в белорусской историографии [1] и публицистике [2] стала набирать популярность идея о неславянской, а точнее, балтской этнической атрибуции упоминаемого в древнерусских летописях этнополитического союза *кривичей*. В этой связи имеет смысл вернуться к вопросу об этнической принадлежности летописных *кривичей* и попытаться верифицировать аргументацию сторонников «балтской» гипотезы.

Первым аргументом в её пользу с подачи Д.А. Мачинского [3] обычно называется то обстоятельство, что летописцами *кривичи* ни разу не отнесены прямо к *словенам*. Из этого учёный и его последователи заключают, что под именем *кривичей* в летописях выступает какая-то протославянская или балто-славянская группировка, оставшаяся на территории «лесной прародины» и ассимилированная «настоящими» славянами, кристаллизовавшимися при продвижении на юг, в Подунавье, а затем расселявшимися оттуда, согласно Повести временных лет (ПВЛ). Не всё, однако, так просто. Да, прямо «славянами» *кривичи* в летописях не названы, но точно также не названы ими там, к примеру, *вятичи* и *радимичи*. Значит ли это, что их тоже можно не считать славянами? Сам Д.А. Мачинский по этому поводу констатирует, что согласно ПВЛ *радимичи* и *вятичи* происходят «от ляхов» [4], а *ляхи* «по ПВЛ тоже потомки дунайских славян» [5], соответственно, в представлении летописца эти два «племени» также являлись славянскими. Теперь посмотрим, что ПВЛ говорит о происхождении *кривичей* и как их место на этнической карте Восточной Европы видят летописцы.

ПВЛ, рассказывая о расселении славян с Дуная, говорит, что (цитирую ПВЛ по Ипатьевской летописи) «от техъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именемъ Мораве и прозвашася моравы, а друзии чесе нарекошася, а се ти же словене: хорвати белии, серпь, и хутане. Волохомъ бо нашедшимъ на словены на дунайские и седшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне ляхове. Друзии лютице, инии мазовшане, а нии поморяне. Тако же и те же словене пришедше, седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речькы ради, еже втечетъ въ Двину именемъ Полота, от сея прозвашася полочане (здесь и далее курсив мой. – М.Ж.). Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и нарекошася северо. И тако разидеся словенескъ языкъ» [6].

В этом летописном рассказе *полочане* и *северяне* однозначно причислены автором к славянам и упомянуты в числе разных расселявшихся с Дуная славянских «племён».

Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива. – М.Ж.) почаша держати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрьговичи свое, а словене свое въ Новегороде, а *другое на Полоте, иже и полочане, от сихъ же и кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седять кривичи, также северо от них* (курсив мой. – М.Ж.)» [7]. Как видим, согласно летописцу, *кривичи* происходят от *полочан*, а *северяне* происходят от *кривичей*. Данное обстоятельство не оставляет никаких сомнений в том, что в представлении летописца *кривичи* – это, безусловно, одно из славянских «племён», часть обширной славянской ойкумены. К сожалению, Д.А. Мачинский, хотя и отмечал, что *полочане* летописцем причислены к «собственно славянам» [8], проигнорировал принципиально важное летописное свидетельство, согласно которому ***кривичи* происходят от *полочан***. В летописном повествовании о расселении славян предлог «от» имеет однозначное значение происхождения: «от техъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, кде седше на которомъ месте»; «словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне ляхове»; «радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата в ляхехъ: Радимъ, а другыи Вяткоъ. И пришедша, седоста Радимъ на Съжю и прозвашася радимичи, а Вятко седе своимъ родомъ по Оце, отъ него прозвашася вятичи».

Что касается происхождения *северян* от *кривичей*, то оно, судя по совокупности всех данных, которыми располагает наука, не является достоверным [9], однако это никоим образом не умаляет его значения для понимания этнокультурной карты летописца, в рамках которой *северяне*, чётко отнесённые им к славянам, происходят от *кривичей*, которые в этом случае также являются в его представлении славянами. Тожество же *полочан* и *кривичей* подтверждается и другими летописными известиями:

- в процитированном фрагменте ПВЛ сказано, что *кривичи* живут в верховьях Западной Двины, то есть там, где находится Полоцк;

- в легенде о призвании варягов сказано, что «перви наследници... въ Полотьске кривичи» [10];

- В Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) летописях полоцкие князья названы кривичскими, на что справедливо обращал внимание В.В. Седов [11]. По всей видимости, *полочане* представляли собой одну из локальных кривичских группировок.

Из сказанного очевидно, что для древнерусских летописцев *кривичи* представляли собой часть славянского мира. Это же подтверждается и «от противного» – в ПВЛ содержится перечень неславянских народов, платящих Руси дань: «се суть инии языце, иже дань даютъ Руси: чюдь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимегола, корсь, нерома, либь. Си суть свои языкъ имуще от колена Афетова». Здесь последовательно перечислены сначала 9 финно-угорских «племён», а затем 4 балтских, которые чётко сгруппированы летописцем, что говорит о том, что его представления об этногеографии Восточной Европы имели отнюдь не произвольный характер (после балтских «племён» в конце списка названа финская либь, несколько выпадающая из общей системы, что, очевидно, связано с тем, что жила она в балтском окружении). Среди последних *кривичи* не названы.

О славянской принадлежности *кривичей* ясно говорит и сам их этноним, имеющий чисто славянскую природу и стоящий в ряду других славянских этнонимов с суффиксом *-ичи*: *вятичи*, *радимичи*, *дреговичи*, *лютичи* и т.д. Балтская этнонимия не знает патронимических этнонимов и подобного суффикса [12]. Типологически этноним «кривичи», имеющий очевидный патронимический характер (потомки Крива), аналогичен таким славянским «племенным» названиям как «радимичи» (потомки Радима) и «вятичи» (потомки Вятко), которые соответствующим образом осмыслены уже в ПВЛ.

На Пелопонесском полуострове зафиксирован топоним *Kryvitsani*, который со всей очевидностью связан со славянским этнонимом *кривичи* (не случайно Константин Багрянородный практически тождественной пелопонесскому *Kryvitsani* формой именует восточноевропейских кривичей) [13]. Соответствующая пелопонесская параллель не оставляет никаких сомнений в славянской принадлежности рассматриваемого этнонима. По всей видимости, в ходе бурных событий эпохи великого славянского расселения одна часть праславянского «племени» *кривичей* оказалась в Восточной Европе, а другая – далеко на юге Греции. В этой связи немаловажно, что латыши и поныне называют русских *krievi*, а Россию – *Krievija* – именами, производными от названия «кривичи» [14].

Теперь рассмотрим археологические данные о *кривичах* и их этнической принадлежности. Ныне большинство археологов согласно с тем, что *кривичи* археологически представлены культурой длинных курганов, чего не отрицают и сторонники балтской их атрибуции, «отдавая» *кривичам*, как минимум, культуру смоленско-полоцких длинных курганов [15].

Кривичская культура (или культуры, если разделять псковские и смоленско-полоцкие длинные курганы) длинных курганов занимает одно из ключевых мест в работах В.В. Седова. Все её материалы, бывшие в распоряжении науки на начало 1970-х гг., были им монографически опубликованы [16]. Эта сводка сохраняет своё значение по сей день, так как, несмотря на то, что впоследствии был раскопан ряд новых памятников, качественных сдвигов в наших знаниях об этой культуре не произошло и новая более полная сводка её материалов пока никем не составлена.

В период своего расцвета в VIII–IX вв. культура длинных курганов занимала огромную территорию: Псковщину, часть Новгородчины, Верхнее Поднепровье и Подвинье с сопредельными регионами. Имя своё культура получила по характерному типу погребальных памятников – удлинённым курганам от 10 до 100 и более метров длиной, в которых содержится иногда весьма значительное число захоронений (от одного-двух до двадцати с лишним) по обряду трупосожжения, которые в большинстве своём являются безурновыми и безынвентарными, или содержат весьма незначительный инвентарь (бронзовые бляшки, пряжки, ножи, кресала, глиняные пряслица, стеклянные бусы и т.д.). Жители культуры длинных курганов преимущественно на открытых селищах, хотя постепенно появляются и городища (например, Изборск), дома строили преимущественно наземные, посуду делали вручную, без гончарного круга. В развитии культуры длинных курганов наблюдается два этапа: на первом (V–VII вв.) она охватывала преимущественно современную Псковщину и значительную часть Новгородчины (псковские длинные курганы), а с конца VII в. начала распространяться на юг, охватив будущие Полоцкую и Смоленскую земли (смоленско-полоцкие длинные курганы), что, очевидно, отражало процесс расселения её носителей. При этом культура длинных курганов в Смоленско-Полоцких землях имеет ряд отличий от Псковщины, в частности, там нет очень длинных курганов, превышающих 30 метров. В IX–X вв. длинные курганы постепенно сменяются полусферическими, культура длинных курганов исчезает и занятый ею регион становится частью древнерусской культуры.

В.В. Седов убедительно обосновал принадлежность культуры длинных курганов известному по летописям восточнославянскому этнополитическому союзу *кривичей*, приведя в её пользу следующие аргументы:

- сопоставление длинных курганов с пришедшими им на смену полусферическими, славянская принадлежность которых уже вне всяких сомнений, показывает, что они совершенно идентичны в устройстве и в особенностях погребального ритуала;
- длинные курганы и полусферические обычно находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения. На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с полусферическими, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда;

- керамические материалы IX–X вв. генетически связаны с керамикой культуры длинных курганов;

- никакого притока нового населения в конце I – начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера, не фиксируется. Некоторые предметы материальной культуры выходят в этот период из обращения, но, во-первых, происходит это постепенно, а во-вторых, далеко не только на территории культуры длинных курганов, поэтому говорить о каком-либо сломе культурной традиции невозможно;

- ранние памятники культуры длинных курганов на Псковщине, занятой до этого финно-угорской культурой текстильной керамики, не обнаруживают с ней никакой преемственности, свидетельствуя о приходе в регион крупных масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры;

- ареал культуры длинных курганов полностью совпадает с тем ареалом, который летописи отводят *кривичам*: в ПВЛ в легенде о призвании варягов среди призывающих названы *кривичи* и один из братьев Рюрика Трувор садится на княжение в Изборске [17], а в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде Изборск прямо назван городом кривичей [18];

- лингвистические материалы показывают родственность смоленско-полоцких и псковских говоров [19]. Единственный период, когда эти два региона были охвачены единой культурой – это время культуры длинных курганов;

- лингвистически древнейшие контакты славян с предками эстонцев относятся ко времени до образования древнерусского языка и датируются временем, начиная с VI в. (Э.Н. Сетяля), что полностью соответствует археологически фиксируемым контактам носителей культуры длинных курганов с предками эстонцев;

- культура длинных курганов не имеет местных корней и генетически никак не связана с предшествующими балтскими и финно-угорскими культурами. Отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и носят региональный характер. Они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения.

Все эти аргументы [20] никем не опровергнуты, но, несмотря на это, периодически выдвигаются гипотезы о неславянской этнической атрибуции культуры длинных курганов и её балтской либо даже финно-угорской принадлежности (С.К. Лаул, Г.С. Лебедев, А.Н. Башенькин, В.Я. Конецкий, Е.А. Шмидт и др.) [21]. Однако все эти предположения не имеют серьёзной комплексной аргументации. Они, в отличие от концепции В.В. Седова, основаны не на всём комплексе археологических, исторических и лингвистических данных, а только на каких-то отдельных частях его, которые абсолютизируются, а все остальные моменты при этом игнорируются. Добавим несколько исторических аргументов в пользу правоты В.В. Седова и кривичской принадлежности культуры длинных курганов:

- если предположить финское происхождение культуры длинных курганов, то это означает, что накануне формирования Древнерусского государства имела место мощная экспансия финского населения в Верхнее Поднепровье и Подвинье. Никаких исторических, лингвистических или топонимических подтверждений этому нет;

- если предположить балтское происхождение культуры длинных курганов, то непонятно, почему возникла она вне балтского культурного и гидронимического ареала на Псковщине и Новгородчине. Балтская экспансия в этот регион неизбежно оставила бы сильные следы в гидронимии, но их практически нет;

- если предположить любое неславянское происхождение культуры длинных курганов, то неясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз *кривичей* (летописная локализация которого идеально совпадает с ареалом распространения рассматриваемой культуры), так как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Предположение о разном происхождении и разной этнической сущности культур псковских и смоленско-полоцких длинных курганов не имеет достаточного обоснования, так как в этом случае непонятен механизм распространения единого специфического погребального обряда на соответствующей территории. Тезис Е.Р. Михайловой, согласно которому «сложный комплекс погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов, распространившийся по огромной территории, следует трактовать скорее как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур» [22] ничего не проясняет, а только запутывает проблему. Каким образом единый «сложный комплекс погребальной обрядности» мог распространиться среди разнотнического населения на огромных территориях в условиях отсутствия государственных институтов и социально-политического единства, если не было тех, кто его распространял в ходе своей миграции?

По мнению этой исследовательницы, постепенная смена культуры длинных курганов древнерусской культурой означала смену населения соответствующих регионов [23], с чем невозможно согласиться, так как процесс нивелировки культур отдельных славянских этнополитий охватил в то время всю Восточную Европу, что, однако, не говорит о том, что там произошла смена населения. Просто в условиях становления древнерусской народности и формирования Древнерусского государства стирались локальные различия между культурами вошедших в его состав «племён», вырабатывалась единая древнерусская культура. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» восточнославянских культур как смену этнического лица соответствующих регионов.

К этому можно добавить то, что именно ареал **всей** культуры длинных курганов (как псковских так и смоленско-полоцких) соответствует территории *кривичей*, как очерчивают её летописи и данные языкознания.

Таким образом, тезис В.В. Седова о кривичской принадлежности культуры длинных курганов является наиболее фундированным и учитывающим всю совокупность фактов, а не какие-то отдельные из них, как это имеет место быть у его оппонентов. На данный момент, на наш взгляд, нет никаких серьёзных оснований сомневаться в правоте В.В. Седова в этом вопросе.

Более сложный характер имеет проблема истоков кривичской культуры длинных курганов. Уже в ранних своих работах В.В. Седов выдвинул гипотезу о приходе её носителей в середине I тыс. н.э. из Центральной Европы [24], но тогда в её пользу не было прямых оснований, она вытекала из того факта, что В.В. Седов не обнаруживал иных её истоков: до формирования культуры длинных курганов её будущие земли были заселены финнами и балтами, древности которых не имеют с ней генетической связи, а каких-либо существенных импульсов с юга В.В. Седов не видел в имеющихся материалах. Все местные культуры, предшествующие или синхронные культуре длинных курганов, в том числе и тушемлинскую, он рассматривал как дославянские [25].

В своих последних работах В.В. Седов привёл новые веские аргументы в пользу своей позиции. Он собрал и обобщил данные о находках вещей провинциально-римских типов, массово появившихся в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э. (шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленные пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т.д.). Учитывая стремительность и массовость их распространения, а также то, что в этот период собственно провинциально-римские культуры (пшеворская и черняховская) уже прекратили своё существование, невозможно говорить о распространении в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы провинциально-римских артефактов вследствие торговых или культурных связей.

Оно, безусловно, отражает мощную миграцию населения из центральноевропейского пшеворского ареала [26], которое только и могло быть создателем культуры длинных курганов.

Причины, побудившие большие массы среднеевропейского населения к миграции, состоят в гуннском нашествии и резком похолодании, вызвавшем подъём уровня рек и озёр, увеличение болот, что вело к затоплению плодородных почв. Вследствие этого Среднее Повисленье опустело и есть основания полагать, что значительная часть его обитателей отправилась на северо-восток, в лесную зону Восточной Европы [27]. В.В. Седов сделал в этой связи одно весьма тонкое наблюдение относительно топографии поселений культуры псковских длинных курганов: «создаётся впечатление, что переселенцы на прежних местах пострадали от наводнений и переувлажнённости почвы и поэтому на Северо-Западе выбирали для своего местопребывания участки, не подверженные подобным процессам, – песчаные возвышенности в сухих борových лесах, при сухопутных дорогах, очевидно бывших в то время основными путями миграционных передвижений» [28].

При этом на основе новых материалов В.В. Седов пересмотрел свой взгляд на тушемлинскую культуру, будучая территория которой также оказалась затронута миграцией пшеворского населения, которая и дала импульс к её возникновению. Таким образом, ядро создателей тушемлинской культуры было родственным носителям культуры псковских длинных курганов, а её создание стало первым этапом славянизации балтов Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, влившихся в состав тушемлинского населения [29], которое впоследствии, при расселении на юг носителей культуры псковских длинных курганов, вошло в состав *кривичей*.

В.В. Седов вполне убедительно аргументировал решающую роль мигрантов из Центральной Европы в формировании культуры длинных курганов, а также тушемлинской и сомкнутых височных колец [30]. Правоту выводов В.В. Седова подтверждают данные других наук: лингвистики, топонимики, антропологии и генетики.

А.А. Зализняк показал родственность древненовгородского диалекта западославянским (в первую очередь – лехитским) языкам, а также особую черту, выделяющую его на фоне всех славянских языков средневековья – отсутствие в нём второй палатализации [31], а поскольку датируется она временем до или около середины I тыс. н.э. (не позже VI–VII вв.) [32], то носители соответствующего диалекта должны были оторваться от остальных славян не позднее этого времени, что идеально согласуется с археологическими данными, которые, по мнению В.В. Седова, датируют приход славянских мигрантов на север будущей Руси из Средней Европы именно серединой I тыс. н.э. При этом «западные» черты древненовгородского диалекта имеют наибольшее соответствие в псковских говорах, что указывает на их кривичскую природу [33]. Это прекрасно стыкуется с тем, что в последнее время выяснилось, что культура псковских длинных курганов охватывала не только Псковщину, но и значительную часть Новгородчины, соответственно, именно *кривичи* были первыми славянскими насельниками региона [34].

Ю. Удольф на основе гидронимических данных выявил в своё время один из путей славянской миграции: из Повисленья через Среднее Понеманье в Новгородско-Псковские земли [35], а Р.А. Агеева выделила в Новгородско-Псковской земле ряд славянских гидронимов, соответствующих, по С. Роспону, зоне «А» – славянской прародине в Повисленье, где сосредоточены славянские гидронимы наиболее архаичных типов [36]. Причём, выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси, совпадают с районами скопления ранних длинных курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой). Эти гидронимические данные указывают на очень раннее расселение славян в указанном регионе, происходившее тогда, когда были ещё продуктивны праславянские модели водных названий.

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производном от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «Знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов» [37].

Антропология свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю [38]. Наконец, собранные Б.А. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки – при этом важно подчеркнуть, что население Сувалок отличается генетически как от населения остальных частей Польши, так и от остальных групп балтов), что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских [39].

Совокупность рассмотренных данных свидетельствует о том, что сложение культуры длинных курганов, которая не имеет местных корней и становление которой ознаменовано распространением в соответствующем регионе ряда провинциально-римских артефактов, отражало приход в район Чудского озера и реки Великой, на Навгородчину, а затем и в верховья Западной Двины, Волги и Днепра нового, очевидно, славянского, населения и этим населением были *кривичи*, которые в представлении древнерусских летописцев, безусловно, являлись частью славянской ойкумены. Об этом же говорит и само их имя.

Подводя итоги, можно сказать, что никаких серьёзных оснований сомневаться в славянской этнической принадлежности летописных *кривичей* нет, что, разумеется, не отменяет того, что определённую роль в становлении и развитии этого славянского этнополитического объединения сыграло и автохтонное балтское население региона, постепенно ассимилированное пришедшими в Среднерусские земли славянами-*кривичами* [40].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Последняя по времени и наиболее обстоятельная в научной литературе попытка обосновать балтскую атрибуцию *кривичей* принадлежит Е.А. Шмидту: Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.

2. См., напр., материалы, выложенные на сайте Tverža: <http://tverzha.ru/>

3. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 39-51; Его же. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; Его же. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Л., 1986; Давидан О.И., Мачинская А.Д., Мачинский Д.А. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII–IX вв. (по данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.

4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М., 1997. Стб. 12; т. II. М., 1998. Стб. 9.

5. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44.

6. ПСРЛ. Т. I. Стб. 5-6; т. II. Стб. 5.

7. ПСРЛ. Т. I. Стб. 10; т. II. Стб. 8.

8. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44. В рассказе о славянских языческих обычаях летописец тоже чётко причисляет *кривичей* к славянам, упоминая их в одном словесном ряду с другими «племенами», о которых он писал в связи с расселением славян с Дуная: «Имеяхуть бо обычаи свои и законы отець своихъ и предания, кождо свой норově. Поля-

не бо своихъ отецъ обычаи имяху тихъ и кротококъ... а деревляни живяху зверьскимъ образомъ, живуще скотьскы... а радимичи и вятичи и северо одинъ обычаи имяху... И аще кто оумряше творяху трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику и възложить на кладу мертвеца и съжигаху и по семъ, събравше кости, вложяху въвъ ссудъ малъ и поставляху на столпе на путехъ, иже творять вятичи и ныне. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона Божиа, но творяху сами себе законъ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 14; т. II. Стб. 10).

9. Некоторые соображения относительно тех реалий, которые могли стоять за этим летописным известием см.: Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25-26 ноября 2011 года. Пенза-Белосток-Прага, 2011. С. 27-28.

10. ПСРЛ. Т. I. Стб. 20; т. II. Стб. 14.

11. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. С. 36.

12. Трубачёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 55.

13. Там же. С. 62. Важно и то, что Константин Багрянородный в середине X в. также относил восточноевропейских *кривичей* именно к славянам: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава (Киева. – М.Ж.) и отправляются в поллюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов (древлян. – М.Ж.), другивитов (дреговичей. – М.Ж.), кривичей, севериев (северян. – М.Ж.) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. – М.Ж.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои монокилы (ладьи. – М.Ж.), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию. – М.Ж.)» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51).

14. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 426.

15. Шмидт Е.А. Указ. соч. С. 60-63. Периодически выдвигается и предположение о финно-угорской принадлежности культуры длинных курганов, или, как минимум, псковских длинных курганов (см., напр.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 61-85).

16. Седов В.В. Длинные курганы кривичей.

17. ПСРЛ. Т. I. Стб. 19-20; т. II. Стб. 14.

18. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 18; 57.

19. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230-234; Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.

20. Седов В.В. Кривичи // Советская археология. 1960. № 1; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 91-124; Его же. Длинные курганы кривичей. С. 36-41; Его же. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166; Его же. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; С. 46-58; Его же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 211-217; 229-238; Его же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 117-128; 140-145; Его же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 354-364. К этому можно добавить, что женщины культуры длинных курганов носили височные кольца – типично славянские украшения (Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 89-100). Балтские и финские женщины не носили височных колец.

21. Историографию см.: Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Российская археология. 1996. № 1.

22. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореф... дис... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 15.

23. Там же.
24. Седов В.В. Кривичи. С. 54-59; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 195-108; Его же. Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 58.
25. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 29-45.
26. Седов В.В. Славяне в древности. С. 298-301; Его же. Древнерусская народность. С. 91-117; Его же. Славяне. С. 348-354.
27. Седов В.В. Славяне в древности. С. 296-304; Его же. Древнерусская народность. С. 115-117; Его же. Славяне. С. 348-354.
28. Седов В.В. Древнерусская народность. С. 124.
29. Седов В.В. Древнерусская народность. С. 128-140; Его же. Славяне. С. 372-388. По мнению В.В. Седова, в рамках этого же славянского миграционного потока пришли в Восточную Европу предки *словен* ильменских и славян, заселивших будущую Ростово-Суздальскую землю (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 218-229, 238-246; Его же. Древнерусская народность. С. 145-165; Его же. Славяне. С. 364-372, 388-397).
30. Иная концепция генезиса культуры длинных курганов, восходящая к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы не центральноевропейскими переселенцами, а расселявшимися на север потомками «зарубинцев», развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что начиная с III в. потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сформируются культуры длинных курганов и тушемлинская (Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9; их же. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М., 2007). Однако сторонниками южного, «киевского», происхождения культур длинных курганов и тушемлинской выводы В.В. Седова об их возникновении в условиях и в результате расселения выходцев из Средней Европы, пока не опровергнуты. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев указывают, что часть (но далеко не все и не в таком количестве. – !) вещей среднеевропейских типов была известна в Восточной Европе и ранее середины I тыс. н.э., в частности, на памятниках киевской культуры, как и браслетообразные височные кольца (Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 11). Но это не может поколебать построений В.В. Седова по существу, так как никоим образом не отменяет факта «взрывного» распространения в лесной зоне Восточной Европы не известных здесь ранее провинциально-римских артефактов в середине I тыс. н.э., отражавшего миграцию среднеевропейского населения. Но для нашей темы главное даже не в этом, а в том, что и в случае «киевского» происхождения культуры длинных курганов она не имела местных балтских корней и явилась результатом притока иноэтничного населения, коим были, очевидно, славяне, ведь принадлежность киевской культуры одной из крупных группировок предков исторических славян ныне практически общепризнанна. Возможно, культура длинных курганов сложилась как результат синтеза культурных традиций среднеевропейских мигрантов, сыгравших в её становлении ключевую роль, и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры при участии автохтонного населения. Если предположить, что и мигранты из Центральной Европы и носители древностей круга Заозерье-Узмень были представителями разных группировок славянства, а для такого вывода есть основания, так как, в конечном счете, и те и другие ведут своё начало от культуры подклёшевых погребений, то нет ничего удивительного в том, что они относительно легко ассимилировались друг с другом и ассимилировали местных балтов и финно-угров.
31. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
32. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 2006. С. 342; Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro

VIII. Mezinárodní sjezd slavistů. 1978. С. 145; Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 302; Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005. С. 68.

33. Николаев С.Л. Указ. соч. С. 54.

34. Вопрос о происхождении сопочной культуры *словен* ильменских остаётся открытым: в ранних работах В.В. Седов полагал, что возникновение культуры новгородских сопок связано со второй, более поздней миграционной волной из Повисленья (Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 66), однако затем пересмотрел свой взгляд на эти древности и присоединился к И.В. Ислановой, полагающей, что их генезис связан с памятниками типа Юрьевской Горки в Удомельском Поозерье (Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22-56, 126-129). По мнению В.В. Седова, предки создателей культуры сопок изначально проживали небольшими островками в среде носителей культуры длинных курганов, сохранив при этом, в отличие от последних, традиции пашенного земледелия, бытовавшего на их висленской прародине. В VII в. происходит потепление климата и снижение увлажнённости, что способствовало распространению пашенного земледелия, ставшего основой экономики культуры сопок, о чём говорит топография её поселений. В этой связи в регионе Приильменя жители поселений типа Юрьевской Горки стали основой становления новой культуры и соответствующей ей этнокультурной общности, известной из русских летописей под именем *словен*, ассимилировав живших здесь носителей культуры длинных курганов (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 238-246; Его же. Древнерусская народность. С. 158-165; Его же. Славяне. С. 364-372).

35. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien, 1981. Bd. 29. S. 321-336.

36. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153-185. Ср.: Rospond S. Prasłowianie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. На совпадение между ареалами распространения архаичных славянских гидронимов и длинных курганов обратил внимание В.В. Седов (Седов В.В. Славяне в древности. С. 301).

37. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Т. 26. М., 1948. С. 93.

38. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 260.

39. Малярчук Б.А. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1.

40. О вкладе балтского субстрата в культуру славян Верхнего Поднепровья и Подвинья см.: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 162-190.

УДК 947.032.5

**«ДЖАГФАР ТАРИХЫ» О ВЗЯТИИ МОСКВЫ ТОХТАМЫШЕМ:
ВЕРСИЯ НЕПРИЗНАННОГО ИСТОЧНИКА
(к 630-летию исторического события)**

И.А. Гагин

Аннотация

В статье, посвященной 630 годовщине сожжения Москвы полчищами золотоордынского хана Тохтамыша, рассматриваются русские письменные источники, с разных позиций раскрывающие нюансы этого важного события, а также представляется версия непризнанного источника, известного под названием «Джагфар Тарихы» («История Джагфара»). Дается краткая историческая справка появления этого источника, известного также как «Булгарские летописи», характеристика его в российской и зарубежной историографии.

О трагедии 1382 г., когда полчища Тохтамыш-хана разорили страну и сожгли Москву, мы знаем из сказаний, включенных в состав русских летописей. Наиболее известны обширные повести о Тохтамышевом нашествии, помещенные в Никоновской и Воскресенской летописях. По мнению исследователей, они представляют собой позднейшие переработки более ранних сказаний [1]. Две повести ближе по времени возникновения к событию и помещены – одна в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, другая – в Ермолинской летописи [2]. В их основе лежит Московский летописный свод XIV века.

По версии первого сказания, которое одинаково начинаются и в Симеоновской летописи, и в Рогожском летописце [3], Тохтамыш пошел внезапным набегом на Русскую землю, причем суздальский князь Дмитрий Константинович, по всей видимости, опасаясь разорения, послал к нему своих сыновей, Василия и Семена, которые догнали татар у Рязани. Олег Рязанский обвел Тохтамыша вокруг своей земли и указал ему броды на реке Оке. Взяв Серпухов, татарские полчища устремились к Москве. Дмитрий Иванович отъехал в Кострому, а в Москве затворился литовский князь Остей, внук Ольгерда. Подойдя к городу 23 августа, в понедельник, татары безрезультатно осаждали его 3 дня. На четвертый, 26 августа, рано утром, вызвав Остея из города хитростью, убили его перед крепостными воротами и, начав общий штурм, ворвались в город. Горожане попытались укрыться в каменных церквях, но татары разбили церковные двери, перебили людей и разграбили церковное имущество. Не ограничившись Москвой, татары повоевали другие русские города. Потерпев поражение у Волоколамска от Владимира Андреевича Серпуховского, Тохтамыш двинулся восвояси, на обратном пути взяв Коломну и разорив Рязанскую землю.

Рассказ изобилует такими подробностями, как, например, точная дата взятия Москвы, 26 августа в 7 часов дня [4], по которым можно судить, что автор был хорошо знаком с событиями. Отталкиваясь от того, что летописец проявляет особую сдержанность по отношению к Тохтамышу, а также исходя из объяснения причины, по которой Дмитрий Донской не выступил против него: «...ни подня руки противу царя» [5], М.Н. Тихомиров приходит к выводу, что рассказ написан еще при жизни московского князя, т.е. до 1389 г. [6].

Второе сказание, помещенное в Ермолинской летописи, резко отличается от предыдущего. Автор его говорит, что Дмитрий Донской «...нача полки совокупляти и поиде с Москвы,

хотя противу татар, и бысть разнo в князех русских: овии хотяху, а инии не хотяху, бяху бо мнози от них на Дону избиты» [7]. Только тогда великий князь «иде за Волгу, въ градъ свои Кострому, а во граде Москве мятежь бе велик: овии бежати хотяху, а инии в граде сидети» [8]. Между тем татары подошли к Москве и начали осаду. Осажденные стойко оборонялись, лили на врагов кипящую воду, стреляли из «тюфяков» и пушек.

Стоял Тохтамыш у города три дня, а на четвертый нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи убедили горожан, что царь не будет наказывать своих подданных, так как виновным считает только их князя, Дмитрия Ивановича [9]. По версии автора сказания, виновниками взятия города были суздальские князья. Они поклялись, что Тохтамыш ограничится получением даров, если горожане выйдут к нему и откроют городские ворота. Татары напали на вышедших из ворот с дарами горожан, влезли на стены по лестницам, ворвались в город и перебили людей. И произошло это не только в Москве, но и в других городах. После того как Владимир Андреевич отбил набег ордынцев на Волоке, Тохтамыш предпочел отступить, разорив по пути рязанские земли.

Как мы видим, несмотря на фактически общую канву повествования, разница между двумя сказаниями вполне очевидна. Уклончивая характеристика поведения Дмитрия Донского, не желавшего якобы поднять руку против царя, заменена точным указанием на разность среди князей. Связана она с определенной растерянностью в их среде, так как на Русь шел не темник Мамай, узурпировавший власть в Орде, а прирожденный царь, являвшийся прямым потомком Джучи, старшего сына Чингиз-хана. В данной ситуации столкновение Дмитрия Донского с Мамаем можно понимать как выступление против узурпатора, приведшее к власти «законного» царя. Но в последующем московский великий князь повел себя непочтительно по отношению к властелину, и этот законный царь, разгневавшись на своего «улусника», шел его карать. Поэтому можно понять князей, которые два года назад единодушно сражались на Куликовом поле, а теперь глубоко засомневались. Одно дело воевать с узурпатором, другое – с истинным царем. Не добившись единства, Дмитрий Донской уходит в Кострому, возможно, надеясь на то, что в его отсутствии Тохтамыш не станет разорять Москву, так как наказывать шел не город, а его, великого князя.

Не было единодушия и среди москвичей. Одни предлагали сдать город, другие – защищать его. Нелицеприятно показана роль митрополита Киприана, выехавшего из Москвы. Все это привело к народному волнению. «И бывши мятежи и распре велице, и паки народъ, совокуплыся, позвониша въ все колоколы и сташа суимомъ, а инии по вратомъ, а инии на вратехъ на всехъ, не токмо пущати хотяху изъ града крамолниковъ и мятежниковъ, но и грабяху ихъ» [10]. Обратим внимание на тот факт, что автор сказания именно тех, кто пытался малодушно покинуть город и предлагал сдаться, называет крамольниками и мятежниками.

Интонация меняется в поздних редакциях сказания. Уже в Воскресенской летописи «народы, мятежницы, крамольницы» те, кто удерживает беглецов, стремившихся бросить родной город. Таким образом, крамольниками делаются не беглецы, а защитники Москвы [11]. Такая тенденция получила развитие в редакции Никоновской летописи [12]. Как считал М.Н. Тихомиров, сводная повесть возникла поздно, когда воспоминания о событиях стерлись, а московские горожане постепенно теряли свои прежние вольности. Поэтому главной причиной гибели Москвы признано несогласие среди горожан, «упившихся вином и постыдным образом дразнивших со стен татарские полчища» [13].

Мы видим, как постепенно происходило искажение смысла московской трагедии 1382 г. в поздних летописных сводах. Но совсем иначе о событии рассказывает мало известный источник, дающий совершенно неожиданную версию событий. Речь идет о «Джагфар Тарихы» – непризнанных официальной исторической наукой болгарских летописях. Прежде чем продолжить нашу тему, есть необходимость уделить внимание истории их открытия и рассмотреть причины нешуточной полемики, вокруг них развернувшейся.

До 90-х гг. прошлого столетия о письменных болгарских источниках ничего не было известно вообще. И это казалось странным. Трудно поверить в то, что в Волжской Булгарии, стране с развитой для своего времени экономикой и уникальной культурой, не существовало отлаженной летописной традиции. Мы знаем, что до монгольского нашествия 1236 г. во всех болгарских городах действовали религиозные центры, создавались медресе, в которых обучали основам письменности и риторики [14]. Благодаря сочинению арабского путешественника ал-Гарнати, два года прожившего в Булгарии, известно имя историка, последователя известного среднеазиатского ученого ал-Джувейни, Йакуба ибн-Нугмана. Он написал «Историю Булгарии», отрывки из которой дошли до нас благодаря сочинению ал-Гарнати [15]. Эта книга погибла в горниле жестокой монголо-булгарской войны, также как и тысячи других неизвестных сочинений.

Высшей ступенью мусульманского образования в Волжской Булгарии была учеба в научных и культурных центрах Востока. Так, братья Тадж ад-дин и Хасан ибн-Йунус ал-Булгари учились в Ираке в Мосульском медресе, ученый-энциклопедист Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари, а также кади Булгара Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари приобретали знания у бухарских и нишапурских ученых. Возвратившись на родину, они писали свои труды по образцу сочинений своих восточных учителей, составляли к их трудам комментарии, распространяли их научные идеи в Волжской Булгарии [16]. Как видно из их нисбы «Булгари», все они были выходцами из города Булгара. Также любопытна нисба Сулеймана ибн Дауд ас-Саксини-Сувары. Это был болгарский ученый, богослов, писатель, уроженец города Сувары, живший в Саксине [17]. Из сообщений ал-Гарнати видно, что в г. Саксине жило много выходцев из Булгара и Сувары. «...А в середине города, – пишет ал-Гарнати о Саксине, – живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют “жители Сувары”, она тоже многочисленна» [18].

Все эти ученые, богословы, путешественники писали, переписывали, сочиняли литературные произведения, которые, надо думать, не в одном экземпляре расходились по болгарским городам, оседали в частных библиотеках и библиотеках медресе. Даже если во время монголо-булгарской войны 1235–1236 гг. практически все подверглось тотальному уничтожению (что, впрочем, сомнительно), должны были сохраниться устные предания, передаваемые из поколения в поколение, которые затем записывались и неоднократно переписывались книжниками, чтобы сохранить эпос, поэзию, историю болгар. Если помнить, что город Булгар-на-Волге своего наивысшего расцвета достиг в XIV в., будучи золотоордынским улусом, то можно быть стопроцентно уверенным в том, что болгарская литература этого периода также была на высоте.

Но факт остается фактом. Историки разводят руками, потому что изучение истории возникновения, становления и развития Волжской Булгарии происходит исключительно по археологическим материалам, письменным памятникам арабской и персидской литературы, довольно скупом данным русских летописей. Собственно татарских письменных памятников, основанных на преданиях болгарской старины, очень мало [19]. Поэтому интерес к появлению такого источника по болгарской истории как «Джагфар тарихы», огромен и довольно противоречив. Большинство историков не только Татарстана и Башкортостана, но России в целом, а также зарубежных исследователей древней и средневековой истории Восточной Европы, отнеслись к появлению «Джагфар тарихы» довольно холодно, квалифицировав его как фальсификат [20]. Меньшая их часть приняла Свод очень сдержанно, предполагая, что какие-то достоверные сведения все-таки лежат в основе этого сочинения. Тех, кто сразу воспринял «Джагфар Тарихы» как подлинник, единицы, но и они предлагают относиться к «Булгарским летописям» осторожно, потому что в неопределенном прошлом очень талантливые

беллетристы вплели в его канву толику вымысла, который теперь очень сложно отделить от первозданного текста [21].

По данным, которые приводит в кратком предисловии к публикуемым текстам свода Ф.Г.-Х. Нурутдинов, свод Джагфара был составлен в 1680 г. по повелению башкирского сеида Джагфара секретарем его канцелярии – бахши Иманом. Свод был собран в Башкирии на «булгарском тюрки» болгаро-арабским шрифтом. Бахши Иман включил в него несколько болгарских летописей: «Гази-Барадж тарихы» (1229–1246 гг.) Гази-Бараджа, «Праведный путь, или Благочестивые деяния болгарских шейхов» (1483 г.) Мохаммед-Амина, «Казан тарихы» (1551 г.) Мохаммедьяра Бу-Юргана, «Шейх Тали китабы» (1605 г.) Иш-Мохаммеда и некоторые другие. Считается, что причиной появления свода была подготовка башкирского восстания и необходимость подъема боевого духа его участников [22].

Башкирские восстания XVII в., обычно совпадавшие с осложнениями отношений России с Турцией и Крымским ханством, были не стихийным порывом угнетенных масс, но продуманной акцией верхов башкирского общества [23]. Идеи идентификации с булгарами неоднократно возникали в немногочисленных татарских и башкирских литературных памятниках. Например, анонимная история «Дафтар-и Чингиз-наме», составленная в конце XVII столетия в Башкирии, описывает первых казанских ханов не как потомков Чингиз-хана, что должно следовать из содержания повествования, а последнего хана Булгарии – Абдуллы [24]. Батырша, будучи одним из организаторов башкирского восстания 1755–1756 гг., в воззваниях к мусульманскому населению ссылается на булгар как предков волго-уральских мусульман [25]. Поэтому данные Ф.Г.-Х. Нурутдинова о составлении свода Джагфара накануне восстания 1681–1683 гг. кажутся вполне убедительными. Джагфару удалось поднять в Башкирии освободительное движение с целью восстановления независимого Булгарского государства. Но после поражения от царских войск под Мензелинском в 1683 г. он отступил вглубь Башкортостана, где был схвачен изменившими ему феодалами и выдан русским властям [26].

Имя предводителя башкирского восстания 1681–1683 гг., исходя из интерпретации разных версий, имеет различную огласовку, хотя, скорее всего, под ними подразумевается один и тот же человек. Сайид-Джагфар известен из анонимного сборника «Дафтар-и Чингиз-наме», сообщающего о нем в одном из своих последних известий. Историк А.П. Чулошников, согласно своим источникам, называет его Сеид Садиир [27]. Н.В. Устюгов, опираясь на архивные материалы – Сеид Сафар-хан [28]. «Дафтар-и Чингиз-наме» сообщает следующее: «В 1091 году (названный год хиджры соответствует 1680/81 г. – И.Г.)... среди башкирского народа появился один мусульманский хан, который призвал народ к вере. В нем самом были свойственные святым чудотворения. Именовали этого хана Сайид-Джагфар-ханом. Напоследок весь людской [и] весь башкирский народ перестали его считать ханом; не действовали по его указаниям; изменили [в пользу] иноверцев-русских, проявляя к ним любовь, опять перешли к этим неверным. Наконец, по изволению грозного гнева всевышнего Бога, [башкиры] оказались связанными и обессиленными у русских, которыми были и истреблены, а [оставшиеся] лишились истиной веры. Участь изменников всегда такова» [29].

Если составление свода было предпринято предводителями башкир, по всей видимости, считавших себя потомками болгарской элиты, то его дальнейшая судьба связана с определенной частью казанских татар. Поскольку летописи свода освещают, в частности, историю древних булгар, ее текстами заинтересовались те слои татарской интеллигенции, которые придавали особое значение болгарским предкам и даже называли себя не татарами, а булгарами. Согласно версии Нурутдинова, чуть ли не единственный оригинал списка свода, переписанный с более древнего варианта в XIX в., в начале XX столетия оказался в казахском городе Петропавловске (по-булгарски Кызыл-Яр). По Нурутдинову, сюда еще в XIX в. переселилось большое число булгар, «поддерживавших тесные связи с Казахстаном с незапамятных времен. Кроме этого через Кызыл Яр пролегал печально знаменитый

Сибирский тракт, по которому прошло на поселения и каторгу немало ссыльных [30]. Нурутдинов не исключает, что кто-нибудь из них мог оставить на хранение в Кызыл Яре список свода «Джагфар тарихы».

С этого момента можно говорить о существовании двух версии дальнейшей интерпретации «свода». По одной, изложенной в предисловии к первому тому изданной в 1993 г. «Истории Джагфара» «неизвестно, у кого этот список был на хранении», но в 1939 г. дядя Нурутдинова И.М.-К. Нигматуллин, «изложил в нескольких тетрадах на русском языке его текст» [31]. Что понимается под словом «изложил» – перевел или переписал, не объясняется, но причина найдена очень серьезная. Дело в том, что в 1939 г. по инициативе Совнаркома проводился перевод башкирской и татарской письменности на кириллический алфавит – «основы русской графики» [32]. В процессе шло уничтожение древних рукописей на арабском языке или тюрки, сопровождавшееся репрессиями тех лиц, которые их хранили. Поскольку тексты, написанные русским алфавитом, уничтожению не подлежали, Нигматуллин переводит поэму Микаэля «Шан кызы дастаны» (865–882 гг.), эпос XII в. «Барадж дастаны» и свод летописей сеида Джагфара.

Вторая версия, освещенная в «Заключении о степени достоверности сообщений летописного свода Бахши Имана», изложенная в третьем томе «Джагфар Тарихы» [33], связывает судьбу свода с вайсовцами [34]. Здесь появляются имена хранителей рукописей, имена целой группы людей, участвовавших в переводе свода. По всей видимости, Нурутдинов пришел к выводу, что одному человеку, пусть даже блестящему переводчику и знатоку ряда тюркских языковых диалектов, арабского, как минимум иврита и русского языков, причем в совершенстве, очень сложно за короткое время сделать такой титанический труд. Трудно сказать, нашел ли он новые материалы, проливающие свет на этот вопрос, или что-то ему рассказали вдруг объявившиеся свидетели событий, но Нурутдинов обходит эту тему молчанием.

По новой версии Свод, также как и другие болгарские источники, хранился в культурно-просветительском центре вайсовцев в Казани. В конце XIX в. хранителями летописей становится семья Нигматуллиных, высланная за связь с вайсовцами в казахстанский город Кызыл Яр. В 1920-е гг. перевод болгарских летописей на русский язык организовал некто Сайфуллин. Переводили их два русских учителя, а также семь болгар-вайсовцев. Перечисляются их имена, якобы сохранившиеся благодаря семейному преданию Нурутдиновых [35]. Заметим, что в первом варианте версии никаких преданий не существует. В 1930-е гг. Нигматуллин переписал сделанные переводы в свои тетради.

В дальнейшем обе версии сходятся в единую канву. «Оригинал» таинственно исчезает в горниле революционных событий той неоднозначно воспринимаемой историками эпохи. Нурутдинов считает, что он был похищен чекистами во время ареста его дяди и уничтожен [36]. В 1941 г. Нигматуллин погибает на фронте; его мать, Латыфа-аби, долго хранит тетради, ожидая возвращения сына. После ее смерти Нурутдинов забирает архив дяди в Казань [37]. В начале 80-х он пишет письмо в АН СССР, в котором просит оказать ему материальную помощь для издания «Джагфар тарихы», но получает отрицательный ответ [38]. Тогда он принимает решение самостоятельно написать и издать конспект изложения текстов всех трех памятников: «Шан кызы дастаны», «Барадж дастаны» и «Джагфар тарихы». Для этого, что совершенно непонятно, Нурутдинов перевозит тетради и часть своих выписок на дачу отца. Видимо, хотел работать вдали от городского шума, не отвлекаясь на посторонние раздражители, но при этом, по всей видимости, с кем-то поделился информацией о своих дальнейших действиях. Вскоре все тетради Нигматуллина с дачи похищают. Уцелели лишь некоторые выписки, хранившиеся дома. Другими словами, значительная часть материалов пропала.

Именно это в большой степени подпитывает скепсис тех, кто считает «Джагфар тарихы» вымыслом. Как отмечают исследователи, авторы фальсификаций, чтобы объяснить отсутствие подлинников «открытых» ими источников, чаще всего указывают на несчастные случаи,

типа пожаров (кражи, по всей видимости, попадают в разряд подобных казусов), в результате которых эти источники, являющиеся оригиналами чудом сохранившихся у них выписок или конспектов, исчезают [39]. Случай Нурутдинова как раз подходит под указанную схему, что делает памятник уязвимым. На основе сохранившихся фрагментов, а также благодаря восстановленным по памяти сюжетам, Нурутдинов издает в 1993 г. первый том «Джагфар тарихы». Во второй и третий тома (1994, 1997 гг.) издания свода вошли статьи и заметки Нурутдинова, написанные им на основе якобы утраченных материалов.

Сразу отметим, что решивший изучить содержание «Джагфар тарихы» столкнется с совершенно оригинальной точкой зрения на историю Восточной Европы и, скорее всего, первое испытанное им впечатление будет связано с удивлением и, возможно, неприятием. Для этого у него найдутся веские основания. В частности, он узнает, что одним из первых мировых государств было царство Идель, охватывающее территорию от современного Подмосковья до Енисея. Правили в нем разные болгарские династии: в период с VIII в. до н.э. до I в. н.э. династия Сармат и соответственно страну называли Сарматией, а болгар – сарматами, в I–II вв. н.э. во главе государства стояла династия Алан, следовательно, болгар в это время называли аланами; во II–V вв. правила Гуннская династия, с VI по VII – Суварская [40]. Согласно версии Свода в раннем средневековье болгары сыграли значительную роль в европейской истории и оказали влияние на развитие многих европейских народов. Например, они будто бы приняли непосредственное участие в создании ряда древнейших государств Восточной Европы, таких как Аварский каганат, Литовское государство, Дунайская Болгария, Венгрия. В первый период существования Хазарского каганата, во главе которого стояли среднеазиатские болгары из рода Ашина, центром болгарской политической жизни становится город Башту (Киев). Основанный братом болгарского хана Курбата Шамбатом, Киев являлся экономическим центром болгар в их борьбе как с хазарами, так и с варягами. Однако, вытесненные последними, они основывают на Средней Волге новую столицу. И еще много нового узнает для себя читатель «Джагфар тарихы». И то, что Русь долгое время платила Болгарии дань за спорные территории Волго-Окского междуречья, и то, что на Куликовом поле булгарами сыграна чуть ли не ключевая роль [41]. Можно приводить нескончаемую вереницу примеров, которые удивят и шокируют первооткрывателя данного источника.

Как отмечено выше, появление «Джагфар тарихы» было встречено с долей иронии и скептицизма. Во-первых, издание не отвечает академическим требованиям. Публикация свода Джагфара только в переводе без подлинника вызывает у исследователей вполне понятные сомнения. Во-вторых, не способствует доверию к своду и то, что переводчик счел возможным перевести принятое в подлиннике летоисчисление на даты григорианского календаря от Рождества Христова. Преобразовать автоматически все даты хиджры досовременных исламских текстов на христианское летоисчисление видится очень сложным даже для крупного специалиста. Следует помнить, что один год хиджры часто соотносится с двумя григорианскими годами, а этот аспект перевода никак не отражен в издании. В-третьих, недоверие к публикуемым летописям вызывает проводящаяся в них непомерно амбициозная оценка роли болгар в истории Евразии.

В то же время, определенные сюжеты повествования, как считают Р.Х. Бариев, Ю.К. Бегунов, З.А. Львова, И.Р. Мусина, могут отражать подлинные фрагменты болгарской истории. По мнению З.А. Львовой, на это указывает большая информированность автора. В текстах свода упоминается более пятисот древних географических и этнических наименований, даны родословные и жизнеописания многих исторических лиц. Сравнение части текста летописи, сделанное З.А. Львовой (речь идет о летописи Гази-Бараджа в описании истории хана Куврата), с переводами Иоанна Никиусского, патриарха Никифора, Феофана Исповедника и с данными Именника болгарских царей свидетельствует о ее подлинности. Но самые поразительные выводы делаются исследователем при сопоставлении данных Гази-Бараджа и археологических источников [42]. Этого не могли знать ни составитель свода Бахши Иман,

живший в XVII столетии, ни Нурутдинов, так как археологические исследования И.А. Баранова проводились несколькими годами позже опубликования «Джагфар тарихы», а материалы исследования были апробированы только в 1998 г. [43].

Следует обратить внимание на коррекцию взглядов некоторых исследователей по проблеме Свода. Так, Ю. Шамильоглу в статье, опубликованной в 2001 г., пишет буквально следующее: «I will argue that this work is clearly an elaborate forgery, perhaps continuing in the tradition of earlier fabrications of histories of the Bulgars» («Я буду утверждать, что эта работа – явно тщательно продуманная подделка, возможно продолжающаяся в традиции более ранних фальсификаций историй булгар» (перевод мой. – И.Г.) [44]. Позднее данная категоричность уступает место более сдержанному подходу: «Я не согласен с тем, что данная работа является *несомненной сплошной фальсификацией* (курсив мой. – И.Г.). Возможно, это продолжение традиций более ранних фальсификаций истории булгар» [45].

Более определенно изложил свои взгляды по данному вопросу академик И.Р. Тагиров. Выступая на расширенном заседании коллегии Главного архивного управления при Кабинете Министров республики Татарстан, он отметил, что в процессе реконструкции прошлого татар не следует игнорировать такие сочинения, как «Шан кызы дастаны» и «Джагфар тарихы». «Они не могли возникнуть на пустом месте и, несомненно, имеют реальные корни. Другое дело, что происхождение данных материалов сомнительно. Нередко даже утверждается, что все это фальшивка. Если так, то фальшивку трудно не признать гениальной» [46].

Таким образом, мы видим, что далеко не все исследователи исходят из признания полной фальсифицированности свода, предполагая, что в основе его, возможно, лежат подлинные источники, переплетенные с выдумкой составителей. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Ю. Шамильоглу, что «Джагфар тарихы» есть продолжение более ранних фальсификаций, но только с одной поправкой – эти фальсификации покоятся на подлинной основе.

Вполне возможно, что причиной возникновения подделок явилась ситуация, побудившая секретаря Сеида Джагфара Бахши Имана приступить к составлению свода. Он собрал реально существовавшие «осколки» булгарских летописей, присовокупил устные предания, добавив в них то, что, по его мнению, должно было поднять дух башкирского народа, пробудить в нем волю к борьбе и победе в восстании. А таким стимулом могло стать убеждение, что башкирские мусульмане являются потомками «великих булгар», государство которых простиралось «на полмира», перед которыми трепетали соседи, и главная цель борьбы – сбросить зависимость от русского царя и восстановить булгарскую государственность. Вполне созвучно с высказыванием Н. Макиавелли, утверждавшего, что для достижения цели все средства хороши.

Могли ли булгары участвовать в походе на Москву в 1382 г.? Если исходить из ордынской тактики привлекать в походы воинские контингенты подвластных народов, то – несомненно. Русские летописи показывают, что Тохтамыш «посла в Болгары и повеле христианския гости руския грабити, а ссуды их и с товаром отнимати и провадити к себе на перевоз» [47]. По версии «Казан Тарихы» Мухаммеда Бу-Юргана Тохтамыш решил покарать московского князя за мятеж. В помощь хану (по просьбе Тохтамыша) булгарский эмир дал трехтысячный отряд бека Буртаса с тремя пушками мастера Раиля. Вначале Тахтамыш хотел взять Москву сам, но потерпел неудачу и стал отступать. В это время Буртас, узнав от пленных о бегстве великого князя [48] из Москвы и об оставлении им вместо себя своего родственника Остея, подъехал с тремя сотнями казаков к одной из башен города и стал осыпать литовского князя [49] оскорблениями. Большая часть его отряда расположилась в это время в засаде у города. Остей, видевший уход хана, решил лично расправиться с булгарским беком и выехал из Москвы из двух других ворот с тысячью своих дружинников и казаков и 4 тысячами москвичей. «Буртас один чудом вырвался и погнал коня к месту засады. Астей и две тысячи неверных помчались за ним и в засаде были расстреляны пушками Раиля и поражены саблями и стрелами бахадиров» [50].

После этого булгары бросились к воротам, где две тысячи москвичей бились с тремя сотнями булгар, и погнали врага в город. Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами. После этого Буртас ворвался в ворота и захватил их. И дальше самое интересное. «Посланный им гонец догнал ушедшего в Сарай хана в одном из пригородных сел и новостью о захвате ворот заставил повернуть назад. Буртасу, однако, несколько часов пришлось жарко, ибо русские со всего города попытались отбить у него башню, и только пушки Раиля спасли его. Тахтамыш подоспел в тот момент, когда неверные прорвались уже к самой башне и в ярости били по пушкам саблями. Кук-ордынские кыргызы с ходу и с отчаянными криками ворвались в город через ворота Буртаса и, убив всех бывших на улицах, взяли его» [51]. Хан, однако, не позволил громить Москву за ее сопротивление Мамаю и, взыскав с московских бояр лишь неуплаченную Кыпчаку и Булгару дань, покинул Русь.

Такова версия Свода болгарских летописей о Тохтамышевом нашествии. Все узнаваемо. Однако нет того чудовищного разорения Москвы, которое показывают русские летописи. Наличие пушек у булгар не вызывают какого-либо скепсиса. Судя по летописям, во время похода Дмитрия Боброка Волынского на Среднюю Волгу, булгары при осаде русскими войсками их столицы пугали коней громами и верблюдами [52]. Значит, пушки у них уже действительно были. Единственно, что может заставить усомниться, так это их ведущая роль, по «Джагфар Тарихы», как в Куликовском сражении [53], так и здесь, при взятии Москвы Тохтамышем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. // Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. / Под ред. С.О. Шмидта М., 2000. С. 222; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Воскресенская летопись. Т. VIII. М., 2001. С. 42–48; ПСРЛ. Никоновская летопись. Т. XI. М., 2000. С. 71–80.

2. ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV. М., 2000. Стб. 143–146; Ермолинская летопись // Русские летописи (РЛ). Т. VII. Рязань, 2000. С. 170–173.

3. «Того же лета царь Токтамышь посла в Болгары и повеле христианския гости русския грабити, а ссуды их и с товаром отнимати и провадити к себе на перевоз» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 143).

4. «...на 4 день оболга Остея лживыми речми и миромъ лживымъ, и вызва его изъ града и уби его предъ враты града, а ратемъ своимъ всемъ повеле оступить градъ весь съ все страны, и по лествицамъ възлезше на градъ на заборолы, ти тако взяша градъ месяца аугуста 26 день, на память святого мученика Андреяна и Наталии, въ 7 часъ дни» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 144).

5. Там же.

6. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 223.

7. РЛ. С. 171.

8. Там же.

9. «...и на 4 оболга ихъ князя Остея сице: приехаша бо подъ градъ въ полъ обеда повелениемъ вси князи ордыньстии и съ ними шюрья великого князя, Василеи да Семень Дмитреевичи, суздальского князя, глаголюще: “вась, людеи своихъ, хочеть жаловати царь, неповинни бо есте, не достоини смерти, а ополчился есть на великого князя, а отъ вась ничего же иного требуетъ, но токмо изыдете въ стретение его со княземъ вашимъ, съ легкими дары, хочеть бо градъ сеи видети, а вамъ всемъ даетъ миръ и любовь”. А князи суздальстии правду хрестьяномъ даша, яко не блюстися ничего. Они же, емше сему веры и отверзьше врата, выидоша прежде со княземъ лучышии люди с дары многими, а по нихъ чинъ священничьскы» (РЛ. С. 172).

10. Там же. С. 171.

11. «...и бывши распре межи ими велице, овии съ рухлядию вметающесе въ градъ, а друзии изъ града бежаху ограблени суще; и сътвориша вече, позвониша въ все колоколы, и сташа суймомъ народи мятежницы, крамолницы: иже хотяху изыти изъ града не токмо не пуцаху изъ града, но и грабляху, ни самого митрополита не стыдешася, [ни бояръ великихъ не устыдешася], но на вся угрозишася, и сташа на всехъ воротехъ градскихъ и сверху каменiemъ шибаху, а доле на земли съ оружиemъ стояху съ обнаженнымъ, не попускающе вылести изъ града, и едва умолени быша, *позде некако* выпустиша ихъ изъ града, и то ограбившее» (ПСРЛ. Т. VIII. С. 43).

12. «И бывши мятежи и распри велицей, и восташа злыя человецы другъ на друга и сотвориша разбои и грабежи велии; людие же хотяще бежати изъ града вонъ, они же не пуцаху ихъ, но убиваху ихъ и богатство и имение ихъ изимаху. Киприанъ же митрополитъ всея Руси возпрещаше имъ; они же не стыдяхуся его и небрежаху его, и великую княгивю Евдокию преобидеша. Митрополитъ же и великая княгиня начаша у нихъ проситися изъ града, они же не пуцаху ихъ, ниже бояръ великихъ устрашишася, но на всехъ огрозишася и во всехъ градныхъ вратехъ съ обнаженными оружии стояху, и со вратъ градныхъ камениемъ метаяще, не пуцающе никогоже изыти изъ града. Таже потомъ великимъ молениемъ умолени быша, едва выпустиша изъ града Киприана митрополита всея Руси и великую княгиню Евдокию и прочихъ съ ними, но и сихъ ограбиша, и бысть мятежъ великъ во граде МоСКВЕ» (ПСРЛ. Т. XI. С. 73).

13. Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 227.

14. Давлешин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань, 1990. С. 113.

15. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу в 1131–1153 годах / Публ. А.Л. Монгайта и О.Г. Большакова. М., 1971. С. 32 (далее: Ал-Гарнати).

16. Гагин И.А. Система образования в домонгольской Волжской Булгарии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1 (15). С. 160.

17. Давлешин Г.М. Указ. соч. С. 123.

18. Ал-Гарнати. С. 28. На сегодняшний день местонахождение Саксина точно не установлено. Есть все основания предполагать, что город находился где-то в низовьях Волги. Летописец сообщает под 1229 г.: «...Того же лета саксини и половцы възбегоша из низу к болгаромъ передъ татары» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 453).

19. О причинах исчезновения болгаро-татарской литературы см.: Гагин И.А. Рукописи не горят? (о причинах исчезновения болгаро-татарских письменных источников) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7 (88). С. 38–43.

20. Подробнее о дискуссии см.: Гагин И.А. Идеи булгаризма и свод «Джагфар Тарихы» в российской и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 164–170.

21. Львова З.А. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246) и ее данные о древних булгарах // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 105–110; Ее же: «Гази-Барадж тарихы» (1229–1246 гг.). Вопрос о подлинности летописи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2003. № 36; Ее же: «Именник» болгарских царей и Куврат, каган Великой Булгарии // Л.Н. Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Материалы конференции. Т. I. Посвящается 90-летию со дня рождения выдающегося евразийца XX века – Л.Н. Гумилева. СПб., 2002; Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Ч. 1. Казань, 1998; Мусина И.Р. История древней Руси – в болгарских летописях Бахши Имана «Джагфар тарихы». – Йордан Табов. Когда крестилась Киевская Русь. СПб., 2003; Бегунов Ю.К. Ханы Кубрат и Аспарух в своде болгарских летописей XVII в. // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14. Седьмые Державинские чтения «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Часть I. 11–16 марта 2002 г. СПб., 2002.

22. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Несколько слов о своде // Бахши Иман Джагфар тарихы. Т. 1. Свод болгарских летописей 1680 г. / Издание подготовлено Ф.Г.-Х. Нурутдиновым. Редакция вестника Болгария. Оренбург, 1993. С. 5-6.
23. Булыгин И.А. Башкирские восстания // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 120.
24. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972. С. 120.
25. Frank A.J. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden: Brill. 1998. P. 44.
26. Усманов М.А. Указ. соч. С.122.
27. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М., 1936. С. 38-39.
28. Очерки по истории СССР. Феодалный период (XVII в.) / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. Т. VI. М., 1955. С. 811.
29. Цит. по: Усманов М.А. Указ. соч. С. 122.
30. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Несколько слов о своде. С. 5.
31. Там же.
32. Усманов А.Н., Юлдашбаев Б.Х. Башкирская автономная советская социалистическая республика // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 187.
33. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Заключение о степени достоверности сообщений летописного свода Бахши Имана «Джагфар Тарихы» о времени основания города Казани в свете данных русских исторических источников. – Бахши Иман. Джагфар тарихы. Т. 3. Оренбург, 1997. Расширенную интерпретация изложенных событий см.: Бегунов Ю.К., Нурутдинов Ф.Г.-Х. Князь Владимир Святославович – автор «Слова о полку Игореве» // Сокровища болгарского народа. СПб., 2007. С. 171-173.
34. Ваисовское движение возникло в 1862 г., когда одна из староверческих сект начала проповедовать возвращение к исконному исламу, якобы искаженному мусульманским духовенством, продавшимся русской администрации. Начало движению положили проповеди Багаутдина, который объявил себя последователем сподвижника Мухаммеда, святого Ваиса, и основал в Казани автономный молитвенный дом. Оппозиция мусульманскому духовенству привела к открытой вражде и преследованиям, закончившимся полицейским погромом и судом в 1884 году. Багаутдин скончался в 1893 г. в сумасшедшем доме, ближайших сподвижников сослали в Сибирь. По возвращении из ссылки в 1905 г. сын Багаутдина Гинан (Гейнан) восстановил общину. В этот второй период существования идеология ваисовцев становится более радикальной, что привело к новому столкновению с властями, суду и ссылке Гинана в 1910 году. Гинан вернулся в Казань в апреле 1917 г., созвал I съезд волжских болгар-мусульман и начал проповедовать нечто вроде мусульманского социализма.
35. После октября 1917 г. ваисовцы действовали в союзе с большевиками: они сыграли определенную роль в разгроме Забулачной республики (февраль-март 1918 г.), во время этих событий Гинан погиб. Позднее ваисовцы участвовали в действиях Красной армии по подавлению контрреволюции и мятежей в разных районах страны, после чего движение сошло на нет. Ваисовцы открыто противопоставляли себя татарам, объявив себя истинными мусульманами и потомками древних болгар, живших в Среднем Поволжье в домонгольский период. По их учению, ислам, полученный непосредственно от арабов, сохранился в чистом виде только в роде болгарских ханов, прямым потомком которых якобы и являлся Багаутдин Ваисов. Именно на этом основании его сын Гинан присвоил себе и своим сторонникам титул аль-Булгари, т.е. «потомок волжских болгар», и выдвинул лозунг «обратно в Булгарию». После окончания Гражданской войны большевистское руководство приходит к убеждению, что ваисовское движение таит в себе угрозу для целостности РСФСР. В результате в 1923 г. имя «булгары» было запрещено, лидеры движения репрессированы. О ваисовском движении см.: Батыров У.Ф., Собянин А.Д. Булгары: неизвестная история очень известного народа // Профи. 1999. № 6-7. С. 61-68; Шнирельман В.А. От конфессионального к этниче-

скому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. М., 1998. № 1-2 (4-5). С. 139-149; Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009.

36. Бегунов Ю.К., Нурутдинов Ф.Г.-Х. Указ. соч. С. 173.

37. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Несколько слов о своде. С. 6.

38. Там же.

39. Там же. С. 7.

40. См., напр.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 11-12. См. также: Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D.C., Baltimore, 1996; Шамильоглу Ю. «Джагфар тарихы». Как изобреталось болгарское самосознание // Родина. 2007. № 8. С. 46.

41. Бариев Р.Х. Древние и средневековые государства болгар // Сокровища болгарского народа. СПб., 2005. С. 94.

42. Подробнее см.: Гагин И.А. Версия участия волжских болгар в Куликовском сражении // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 475-482.

43. Львова З.А. «Гази-Барадж тарихы»; Ее же. «Именник» болгарских царей...

44. Баранов И.А. Великая Болгария и Крым: итоги и проблемы изучения // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6-11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь, 1998.

45. Schamiloglu U. We Are Not Tatars! The Invention of a Bulgar Identity. – Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szerkesztette: Károly László és Kineses Nagy Éva. Szeged, 2001. P. 143.

46. Шамильоглу Ю. Указ. соч. С. 46.

47. Тагиров И.Р. Источники по истории татарского народа: направления поиска // Гасырлар Авазы. Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 6.

48. ПСРЛ. Т. XV. Стб. 143.

49. В своде великий князь называется балынским беком. Если следовать краткому словарю болгарских географических названий, Балын – Московская Русь. См.: Джагфар Тарихы. С. 352.

50. В тексте «Артанца». Артания – Литва. Там же. С. 350.

51. Джагфар Тарихы. С. 220.

52. Там же.

53. ПСРЛ. Т. XI. С. 25.

54. См. подробнее: Гагин И.А. Версия участия волжских болгар... С. 475-481.

УДК 947.045.6

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ ОТ ПОЛЯКОВ И ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 ГОДА

В.А. Волков

Аннотация

Статья посвящена произошедшему четыре столетия назад освобождению Москвы от польских интервентов и восстановлению государственной власти под скипетром нового царского рода Романовых, первый представитель которого Михаил Федорович был избран государем на Земском соборе 1613 года. Подробно разобраны действия осаждавших Москву ополченских войск, капитуляция польского гарнизона, деятельность Земского правительства по подготовке избирательного Собора и ход ожесточенной борьбы, происходившей на его заседаниях.

«Очистить» захваченную поляками в сентябре 1612 г. Москву пыталось Первое ополчение, организованное рязанским воеводой Прокопием Ляпуновым в начале 1611 г. (после гибели Ляпунова сформированное им правительство и войско возглавили бывшие тушинцы И.М. Заруцкий и Д.Т. Трубецкой). Затем ту же цель поставили перед собой вожди Второго ополчения Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин. Намечившееся в конце августа 1612 г. во время боев с поляками Ходкевича сближение двух земских ратей завершилось их объединением лишь в октябре 1612 года. До этого момента воеводы, по точному выражению летописца, «в несоветии быти» [1]. Преодолев, мешавшую успеху земского дела преграду, Трубецкой и Пожарский в разосланных по городам в октябре 1612 г. грамотах извещали местные власти о «прекращении между ними всех распрей, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освободить государство от врагов». Факт примирения земских вождей зафиксирован подписями В. Бутурлина, Д. Головина, князя А. Сицкого, князя В. Туренина, И.И. Шереметева, князя В.Т. Долгорукова, Н. Плещеева, И. Зыбина, М. Дмитриева, Л. Новокшенова, Б. Блудова, М. Бутурлина, Ф. Плещеева, И.В. Измайлова, Д. Микулина, М. Плещеева, И. Ефанова, И. Козлова, П. Соковнина [2].

По-видимому, соглашение об объединении было достигнуто на переговорах, в которых участвовали представители сторон, уполномоченные начальниками двух ратей, иначе трудно понять отсутствие на посланной в Белоозеро грамоте сообщения о примирении Пожарского и Трубецкого подписей самих ополченских «начальников». В образовавшемся из двух самостоятельных полков освободительном подмосковном войске воссоздавались общеземские, фактически общегосударственные органы власти – центральное приказное управление. Было образовано коалиционное правительство с участием «начальников» и приказных дельцов обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем: князь Д.Т. Трубецкой, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли: князь Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, князь Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов [3].

Во внешней политике новое Земское временное правительство [4] попыталось решить новгородскую проблему, а заодно и вопрос престолообладания. Многие, особенно на оккупированном северо-западе страны, полагали, что преодолеть династический кризис можно и нужно призвав на российский трон шведского принца Карла-Филиппа. Любое иное решение

грозило отделением от Русского государства не только Новгородской земли, но и других территорий в Поморье. Учитывая это обстоятельство, вожди ополчения избрали тактику затягивания династического вопроса, заявив, что непременными условиями признания шведского королевича государем должны стать его скорейшее прибытие в Новгород и единодушное избрание на Земском соборе, созванном в очищенной от врага Москве [5]. Такую, несколько уклончивую, политику нельзя понять без учета взглядов руководителей войскового правительства. Выработанные в драматических условиях разрушения привычных устоев русского общежития, когда всякое новшество оказывалось хуже отвергнутого, они должны были действовать и действовали с большим разбором. Перед созывом избирательного Собора и в начале соборных заседаний Трубецкой и Пожарский готовы были обсудить и поддержать кандидатуру шведского королевича, но при полной гарантии сохранения веры и традиционного порядка в стране. Объяснялось это, на наш взгляд, не только стремлением приобрести поддержку соседней северной державы, давно уже враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами – глубоким убеждением вождей земского дела в том, что избрание новым государем кого-то из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса, к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства.

Актуализации этих расчетов и замыслов способствовало слабеющее сопротивление польского гарнизона, после разгрома Ходкевича державшегося из последних сил и рассчитывавшего лишь на приход нового королевского войска. Эти расчеты оказались тщетными. Объединение двух ополченских армий в октябре 1612 г. позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы.

Все время переговоров об объединении продолжалась осада Кремля и Китай-города. С каждым днем положение осажденных становилось все хуже. Еще в сентябре воины Трубецкого возвели в Замоскворечье батареи, поставили на них осадные пушки и стали обстреливать Кремль и Китай-город. В том числе и калеными ядрами. После слияния ополчений батареи были поставлены у Пушечного двора, на Ивановском лужку в Кулишках и у Девичьего монастыря на Дмитровке [6].

5 октября «русские со стороны [позиций] Пожарского» начали вести подкоп, но неудачно. Поляки, обнаружив ведущих минную галерею подкопщиков, смогли перебить их, а одного из них пленили. Неудача не обескуражила осаждающих. 8 октября они поставили еще одну батарею напротив Водяных ворот Кремля [7].

22 октября казаки с батареей Трубецкого, обстреливающих Китай-город, пошли на приступ и захватили эту часть Москвы [8]. Немногие уцелевшие поляки ушли в Кремль. Положение их стало безвыходным. Начатые еще до штурма переговоры о сдаче пошли быстрее и 26 октября польский гарнизон Кремля капитулировал. На следующий день отряды ополчения вступили в эту внутреннюю крепость – сердце Москвы и России.

Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого объявили руководители Земского правительства в ноябре 1612 года.

Несмотря на разгром армии гетмана Я.К. Ходкевича и освобождение Москвы от поляков, в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти интервентов, военные действия не прекращались даже в центральных уездах страны. В конце ноября – начале декабря 1612 г. подошедшие к Москве передовые отряды польского короля Сигизмунда III (сам он с армией оставался под Волоколамском) предприняли попытку штурмом овладеть освобожденной русской столицей, но вынуждены были отойти от стен разрушенного и выжженного города после неудачного приступа [9].

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность – незаживающий след междоусобий первых лет XVII в. и тесно связанного с ним противостояния в среде участни-

ков антипольского освободительного движения 1610–1612 годов. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеса и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого. Боляре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху» [10]. Заключенный в октябре 1612 г. компромисс не устранил противоречий, разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что после одержанных под Москвой побед в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества, наиболее радикальной силы русского общества того времени. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении» земли.

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной для людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» – по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками освободительного движения. Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей-участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий [11].

В отличие от предшествовавших земских советов, Избирательный собор 1613 г., как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей») [12]. Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича.

Первоначальную дату начала работы Собора – 6 декабря 1612 г. (осенний Николин день) из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения – 6 января 1613 года. Соборные заседания происходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Сниидошася изо всех градов власти и бояре, – записал летописец, – митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...» [13].

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «Ворёнок» (Иван Дмитриевич – двухлетний сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских князей и бояр, не все из которых соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: князь Федор Иванович Мстиславский (*Гедиминович*), князь Иван Михайлович Воротынский (*Рюрикович*), Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (*Гедиминович*), князя Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские (*Идаровичи кабардинские*), князь Иван Васильевич Голицын (*Гедиминович*), Иван Никитич и Михаил Федорович Романовы, князь Петр Иванович Пронский (*Рюрикович*) и князь Дмитрий Михайлович Пожарский (*Рюрикович*) [14]. Шереметев и Романовы не принадлежали к потомкам княжеских родов, ведя свое происхождение от Андрея Кобылы служившего Ивану Калите и Семену Гордому – имя его упоминается в документах, относящихся к 1347 г. [15].

Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе, как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611–1612 гг. [16]. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование немногочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского Ворёнка. Сомнительным выглядит вывод И.О. Тюменцева о противостоянии двух группировок – стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, в котором исследователь без должного на наш взгляд основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол [17].

Как отмечалось выше, в Москве в тот период самой влиятельной общественной силой становится «самовластное» казачество. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей по отечеству, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах». Красочно, хотя возможно и несколько преувеличено, описал доминирование казаков автор «Повести о Земском соборе 1613 года». Он отметил, явно завышая их численность, что «Донских же и польских (со степных, «запольных» границ. – В.В.) казаков въехавше в Москву тогда сорок тысяч, а поборники по царствующему граду Москве и по православной вере христианской. И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь – человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны, а меньши человек 15 или десяти никак же не двинутся. От боярска же чина никто же с ними вопреки глаголету не смеюще и на пути встречающе и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще» [18].

Немногочисленные противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителями склонялась на первых порах к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. В этой связи уместно будет отметить, что, вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова, вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» – временному Земскому правительству, возглавляемому Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и, лишь номинально Дмитрием Михайловичем Пожарским, бывшим больше воином, чем политиком, а тем более представителем пусть и княжеского, но захудавшего рода, не имевшего высокопоставленных представителей. Не случайно герой августовских битв за Москву сразу же оказался на втором месте, уступив более молодому, но высокородному Трубецкому.

О временном полномочии ополченских воевод достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князя, – князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им» [19].

Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. смоленский сын боярский Иван Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К. Минина: «А делает всякие дела князь Дмитрей Трубецкой, да князь Дмитрей Пожарской, да Куземка Минин» [20]. Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось, могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настаивая на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем – келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском» [21]. На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами» [22].

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: князь Иван Васильевич Голицын, Иван Никитич Романов, князь Борис Михайлович Лыков, князь Иван Борисович Черкасский, Борис Михайлович Салтыков, князь Афанасий Васильевич Лобанов, Константин Иванович Михалков, Владимир Вешняков, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки Иван Третьяков и Герасим Мартемьянов. Сына ростовского митрополита поддержало высшее православное духовенство – Освященный собор. Против планов сторонников дома Романовых выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали: князь Д.Т. Трубецкой, князь Д.М. Пожарский, князь Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), князь И.С. Куракин (знаменитый воевода, но известный полонофил) и некоторые другие князья и бояре. Находившийся в Новгороде шведский полководец Якоб Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс – московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя» [23].

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «... Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим вооружением поставили государем Московского государства Михаила Романова» [24].

Вполне согласуется с этим и изложение событий автором «Повести о Земском соборе 1613 года». По его словам, «приидоша атаманы казачьи и глаголеша к бояром: “Дайте нам на Росию царя государя, кому нам служить”. Бояря же глаголеху: “Царския роды минушася, но на бога жива упование возложим, и по вашей мысли, атаманы и все войско казачье, кому быти подобает царем, но толико из вельмож боярских, каков князь Федор Иванович Мстиславской, каков князь Иван Михайлович Воротынской, каков князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой”. И всех по имени и восьмаго Пронскаго.

Казаки же слушая словес их, изочтоша же всех. Казаки же утвержая бояря: “Толико ли ис тех вельмож по вашему умышлению избран будет?” Бояря же глаголеша: “Да ис тех выберем и жеребьем, да кому бог подаст”. Атаманы же казачей глагола на соборе: “Князи и бояря и все московские вельможи, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христолубиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Руси князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает

по божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федоровичь и всея Руси”. И многолетствовали ему, государю.

Бояра же в то время все страхом одержими и трепетни трясущися, и лица их кровию пременяющися, и ни единого никакже возмозе что изрещи, но токмо един Иван Никитичь Романов проглагола: “Тот князь Михайло Федоровичь еще млад и не в полном разуме, кому державствовать?” Казаки же глагоleshа: “Но ты, Иван Никитичь, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будещи”» [25].

После этих драматических событий, уступая энергичному нажиму снизу, соборный люд 21 февраля 1613 г. провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков проживавшего с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Узнав об избрании, 16-летний Михаил долго колебался, но все же согласился принять царский венец и государство и был благословлен на это чудотворной иконой Федоровской Божией Матери [26]. В воскресенье 11 июля 1613 г., на память святой мученицы Евфимии, состоялось венчание Михаила Федоровича на царство. Началось 300-летнее правление в России Дома Романовых и славное, и трагическое...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 228. № 179. Л. 431. Сейчас высказано предположение, что совместное управление государственными делами воеводы стали осуществлять с 6 сентября 1612 года. Эта дата содержится в ввозной грамоте данной Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским Роману Михайловичу Ближевскому. Признавая данный документ и его датировку бесспорным фактом, исследователи делают ссылку на следующий указатель актов: Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М. 2002. № 322. С. 48. Однако обозначенная дата вызывает определенные сомнения. В тот же день, 6 сентября, была дана ввозная грамота Федору Михайловичу Извольскому, но от имени одного лишь князя Трубецкого (Антонов А.В. Частные архивы. № 1105. С. 143). Чуть позже, 25 сентября 1612 г., таким же странным образом были даны грамоты от одного Трубецкого (Никону Поляновскому // Там же. № 2566. С. 322) и от Трубецкого и Пожарского (Федору Лихачеву // Там же. № 1638. С. 209). Исходя из сказанного, можно осторожно предположить, что если исключить вполне возможные ошибки при датировке, то мы имеем акты, отразившие согласованное решение вождами двух ополчений некоторых частных дел. Их задача стала прелюдией к будущему объединению властных структур, существовавших в собравшихся у стен Москвы ратях.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 215. С. 274-275.

3. Семин А.А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. Ч. 2. М., Л., 1980. С. 243.

4. Большинство историков называет сформированное в октябре 1612 г. под Москвой Земское правительство правительством Объединенного ополчения, однако такое обозначение не соответствует роли и значению мероприятий, целенаправленно проводимых этим органом в масштабах почти всей страны.

5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. № 166. С. 294.

6. Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2011. С. 266-267.

7. Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 351-352.

8. Там же. Стб. 352.

9. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 667-668.

10. НИОР РГБ. Ф. 299. № 557. Л. 239об.

11. Акты подмосковных ополчений. М., 1911. № 82. С. 99; № 89. С. 107; Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (Записки ОР ГБЛ). М., 1957. Вып. 19. С. 187–188.
12. Записки ОР ГБЛ. Вып. 19. С. 188.
13. НИОР РГБ. Ф. 37. № 423. Л. 306.
14. О кандидатуре кн. Д.М. Пожарского до недавнего времени имелись лишь косвенные данные в «Сыском деле о ссоре князя Ромодановского с Ларионом Суминым» (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. № 7. С. 85–86, 104). Однако в опубликованной Б.Н. Морозовым и А.Л. Станиславским «Повести о Земском соборе 1613 года» прямо указывается на кн. Д.М. Пожарского как на одного из претендентов на российский престол (Вопросы истории (ВИ). 1985. № 5. С. 94).
15. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 140–141.
16. Тюменцев И.О. Из истории Избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 74.
17. Там же. С. 78.
18. ВИ. 1985. № 5. С. 94.
19. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописям Трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 163–164.
20. Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwow, 1901. S. 363.
21. НИОР РГБ. Ф. 247. № 84. Л. 855.
22. Палицын А. Сказание. М., Л., 1955. С. 232.
23. Арсеньевские шведские бумаги // Новгородское общество любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. Док. № 6. С. 23. Г.А. Замятин в своей неопубликованной работе подчеркивал, что кроме Ф.И. Мстиславского при избрании царя на Земском соборе 1613 г. за кандидатуру М.Ф. Романова высказались все остальные члены московской «Семибоярщины». Против же были в основном «бояре и воеводы» земского лагеря (Замятин Г.А. Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия // НИОР РГБ. Ф. 618. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 115–116). Отмеченное обстоятельство требует некоторого уточнения – выступавший против кандидатуры Михаила Федоровича Романова знаменитый в то время воевода кн. И.С. Куракин не был членом «Семибоярщины», но лишь потому, что, не ограничиваясь компромиссным признанием московским государем королевича Владислава, летом 1610 г. открыто перешел на сторону польского короля Сигизмунда III.
24. Новгородское общество любителей древности. Вып. 5. Док. № 8. С. 25.
25. ВИ. 1985. № 5. С. 94.
26. Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 40–41, 50.

УДК 947.05

«БОЛЬШАЯ ВОЙНА» 1631–1634 гг. НА ВЕРХНЕМ ДОНУ [1]

Д.А. Ляпин

Аннотация

В статье рассматриваются события, связанные с военными действиями на территории Верхнего Дона в 1631–1634 гг., когда сюда, воспользовавшись войной России с Речью Посполитой, вторглись крупные татарско-турецкие войска.

Масштабные военные действия на Юге России в 1631–1634 гг. получили название в документах тех лет «Большой войны». Эта война стала своеобразным вызовом московскому правительству, которое должно было решить стоило ли продолжать колонизацию огромного Поля и идти на открытый конфликт с татарами и Османской империей, или остановиться на достигнутом ранее. Военные действия велись при полном численном превосходстве татарско-турецких войск, однако, несмотря на большой урон, русским удалось удержать занятые ранее позиции.

Проблемы России были в том, что главные военные силы пришлось сосредоточить на западе, поскольку в 1632 г. Россия вступила в войну с Речью Посполитой, получившую название Смоленской. Правительство Михаила Федоровича рассчитывало на то, что большое войско сумеет если не взять Смоленск, доставшийся полякам в Смуту, то хотя бы получить политическое признание своим западным соседом русского государя и помочь своему союзнику – шведскому королю. Чтобы собрать большое войско, необходимо было отозвать служилое население с южных рубежей.

Обороноспособность южных границ в 1630–1632 гг. была сильно ослаблена. Если в 1629 г. общая численность гарнизонов здесь составляла 12 тысяч человек, то в 1632 г. уже 5 тысяч человек [2]. При этом число татарских всадников, вторгавшихся в эти годы в пределы России, составляло 10–20 тысяч человек. Самым крупным городом на Верхнем Дону был Елец, здесь военный гарнизон составлял в 1631 г. около 1710 человек, но в 1632 г. на Смоленскую войну было отправлено порядка 800 человек. В 1633 г. гарнизон Ельца уменьшился до 500 человек [3]. Из городов Верхнего Дона Елец, Ливны и Данков имели достаточно надёжные укрепления [4]. Лебедянь и Епифань не представляли собой серьёзных крепостей и были легко уязвимы. Вероятно, был уничтожен татарами и небольшой Чернавский острог, так как мы встречаем известия о татарах, спокойно переходящих Чернавский брод, а затем данные о строительстве здесь большого острога. Большой гарнизон находился и в Курске, здесь он составлял в 1633 г. 1230 человек [5]. Было ослаблено и донское казачество, самые лучшие казаки ушли под Смоленск [6].

Первые набеги начались в апреле 1631 года. Около 250 человек отправились через Воронежский и Елецкий уезды до Оки, около 100 повернули на Белгород и Оскол, 300 татар отправились грабить Курский уезд. 1 мая крупный татарский отряд в 200 человек захватил русских пленников под Ливнами. Однако из Белгорода сюда был выслан отряд Б. Митрофанова, преследовавший татар, угнавших пленных из-под Курска. Но Б. Митрофанов столкнулся с отрядом татар, шедшим с Ливенского уезда. Русские сумели отбить пленных и нанести татарам поражение.

В конце мая татарские отряды были замечены на реке Красивая Меча. Здесь они взяли в плен елецкого казака, который сумел бежать и сообщить воеводе Ельца Ивану Фёдоровичу Леонтьеву о случившемся. Елецкий казак сообщил примерную численность татар – 800 человек, по его описанию, все они выглядели очень богато: имели нарядные одежды и дорогих коней. С ними же было пленных русских – 40 человек. От этого отряда знатных татар вскоре отделились 300 человек и отправились через Талецкий брод на Быстрой Сосне в Елецкий уезд. Елецкий воевода, узнав об этом благодаря донесениям разведки, выслал своего помощника В. Торбеева навстречу врагу. Торбеев настиг татар в Бруслановском стане на ручье Берёзовце, но неприятель избежал сражения, уйдя севернее. Однако, опасаясь помощи от других татар, И.Ф. Леонтьев выслал для прикрытия ещё один отряд под руководством казачьего головы Лукьяна Кисленского, который и столкнулся с отступающими татарами. Завязался жаркий бой, продолжавшийся с утра до обеда. Численность отрядов была примерно равна, но русским пришлось иметь дело с отборными татарскими воинами. Сам Кисленский погиб в сражении, зарублен был и его родной брат. Татары потеряли 10 человек и решили отступить. Потери ельчан не известны. Гордые победой ельчане принесли воеводе головы убитых ими татар.

Татары отошли к Данкову, но здесь их уже ждали. Елецкий воевода Леонтьев успел сообщить в Данков и Лебедянь об опасности. У Старого Данкова, на Княгинине броде, татарам пришлось сразиться с отрядом данковчан, под руководством П. Быкова, и лебедянцами, присланными ему на помощь. Русские подошли к броду раньше и сумели устроить засаду. Фактор неожиданности и численный перевес сыграли свою роль: татары были наголову разбиты и бежали. Однако, отступая, враги начали убивать захваченных ранее пленных. Тем не менее, отбить у татар удалось около 50 человек [7].

Через несколько дней данковцы обнаружили татарские «сакмы» (следы всадников), проходящие черед Мечу в сторону Ряжска и Шацка. Пока шли бои на Верхнем Дону, часть татар ушла севернее и сумела взять много пленных. Их пытались остановить, перекрыв броды, но крымцы ушли другим путём, через Белгородский уезд. По сведениям русских послов, в Азов на продажу в этом году было приведено более 300 русских пленных [8].

В апреле 1632 г. русские сторожи стали замечать небольшие татарские отряды на трёх шляхах: Кальмиусском, Изюмском и Муравском. Опытные станичники изучали примятую траву, определяя количество разведчиков и их маршрут, расспрашивали приезжавших с Дона казаков о том, что слышно о татарах. Казаки рассказывали о брожении в крымских улусах, о голоде в степи, в общем, ничего хорошего эти рассказы не предвещали.

Первый удар пришёлся на Ливны. В 20 верстах от города татарский отряд в 300 человек напал на деревни Ревякину и Свинную, полностью их уничтожив. Воевода не решался отправить служилых людей навстречу, опасаясь, что татарские отряды могут подойти ещё. Эти опасения подтвердились: сразу за первым отрядом появился второй в 500 человек, который разорил три деревни уезда. Всего же в Ливнах было чуть более 700 человек. «Повоевав» Ливенский уезд, часть татар отправилась вверх по Дону и подвергла разорению Ряжский уезд.

В июле 1632 г. русские станичники, удивляясь, смотрели на Изюмский шлях: трава была не просто примята, а вытоптана «до черна», размер же вытоптанной земли превышал 60 саженьей. Наиболее опытные из станичников определили численность татарской армии, прошедшей здесь, в 20 тысяч человек. Дорога, протоптанная татарами, шла на Ливны.

Ливенский воевода стольник Фёдор Дмитриевич Колтовский недооценил опасность, и, когда в уезде появилась первая небольшая группа татар, числом в 300 человек, он распорядился весь гарнизон отправить им на встречу. Ливенцы, численность которых составляла 700 человек, выехали к Савинской дубраве, находившейся в 50 верстах от города, надеясь здесь внезапно напасть на татар. Обнаружив врагов, крымское войско, численностью более чем в 20 тысяч человек, немедленно вступило в бой. Ливенцы были обречены, но никто из них не пытался бежать. Русские решили отступить в дубовый лес, окопаться и держать обо-

рону. Вместе с татарскими всадниками в армии неприятеля были и турецкие янычары с мушкетами, которые и пошли на штурм леса. Бой был жаркий, и татары долго не могли взять верх, несмотря на колоссальное численное преимущество. Наконец, сопротивление ливенцев было сломлено: 300 русских было убито, остальные, раненые и искалеченные, попали в плен. Но и потери татар были велики: более 1000 человек были убиты, из них даже несколько мурз (представителей знатных родов татарской знати). После этого кровопролитного боя 3000 татар отказались участвовать в дальнейшем походе и вернулись обратно [9].

Город Ливны потерял почти весь гарнизон, но татары не решились идти на город. Часть их отправилась на Курск и Белгород, другая часть переправилась через реку Быструю Сосну и начала грабить Елецкий уезд. А 5 августа 10 тысяч татар подошли к Новосилу. Город был взят в осаду, но новосильцам удалось отбиться, хотя и с большими потерями. Интересно, что многие жители Новосильского уезда отказались прийти в город для обороны, а, собравшись в большой отряд в 2 тысячи человек, оказывали татарам ожесточённое сопротивление, обороняя свои сёла и деревни.

В начале августа 1632 г. татарские отряды начали отходить в степь. На обратном пути 9 августа татары осадили Ливны, которые не имели крупного гарнизона. Воевода Колтовский, зная о приходе татар, велел всем жителям срочно вернуться в город. Но многие ливенцы отказались идти в город и решили оборонять свои сёла и деревни самостоятельно. Другие ушли в леса и, выслеживая татар, неожиданно нападали на вражеских всадников. В сёлах и деревнях делали даже небольшие временные укрепления, «острожки», чтобы дать врагу отпор. Так же, как и ливенцы, поступали жители Елецкого уезда.

Интересно, что когда лебедянский воевода И. Скорняков-Писарев потребовал от жителей уезда явиться в город для укрытия от татар, те отказались, говоря, что татар не боятся и будут сами оборонять свои деревни. Многие укрепляли свои дворы, так что каждый из них превращался в настоящую крепость. Показателен ответ жителей села Доброе городище (будущий город Добрый): «В осаду мы не пойдём, – говорили они посланникам лебедянского воеводы, – у нас есть свой острожек, а скажите воеводе, чтоб прислал нам сотни две нас здесь оберегать».

Одновременно с отходом первой волны татар, на Русь шли новые армии крымской конницы и турецких янычар. В 1632 г. были разгромлены и разграблены Тульские и Коломенские места, тысячи людей уведены в плен [10]. Не меньше пострадали и земли Верхнего Дона, хотя население здесь было привычно к татарам и умело постоять за себя.

25 августа 1632 г. более 500 татар вторглись в пределы Елецкого уезда. Елецкий воевода Иван Фёдорович Леонтьев не решился выйти на бой, так как в его распоряжении было слишком мало служилых людей. Он, однако, готовился к обороне и выслал разведчиков следить за врагом. Разорив деревню Юрьева Поляна, татары ночью прошли к реке Мече. Догадываясь об их маршруте, воевода выслал разведку в это же место. Вскоре И.Ф. Леонтьев определил, что татары также посылают разведчиков и, скорее всего, пойдут на Лебедянь, но предупредить местного воеводу об опасности он не мог, опасаясь перехвата, и ограничился высылкой гонца в Москву.

Прежде чем пойти на Лебедянь, татары всю ночь жгли Бруслановский стан Елецкого уезда. Были сожжены все деревни и села, часть жителей не успела спрятаться и попала в плен. Под утро на восходе солнца татары переправились через Красивую Мечу. Утром 26 августа Лебедянь была взята в осаду. Посад города не был укреплен, и татары жгли и грабили окрестности города. Видя это, воевода Иван Скорняков-Писарев решил не выжидать, когда неприятель зажжет слободы, и вступить в бой. Казачий и стрелецкий голова Петр Рудаков с лебедянцами были отправлены в сражение. Битва под Лебедянью была жаркой, численность татар была большей, и они никак не ожидали, что лебедянцы решаться выйти из крепости и дать бой. Однако победа была на стороне русских воинов, и татары спешно отступили. Рудаков кинулся в погоню, и его людям удалось даже захватить несколько пленных [11].

В конце августа 1000 татар вторглись в Засосенский стан Елецкого уезда. Разграбив эти места, они перешли в Бруслановский стан, где были разгромлены ельчанами и лебедянами, и отошли к Данкову, где также потерпели поражение и бежали.

В начале сентября в Елецкий уезд вновь вторглась группа татар числом в 600 человек под руководством опытного азовского воина Араслана, известного на степном пограничье. Враги стремительно миновали Чернавский брод и направились в Данков, но, встретив ожесточённое сопротивление, отошли к Ливнам. Здесь 9 сентября состоялся бой с ливенцами, в результате которого татары отступили в степь. Не имея достаточно людей, ливенский воевода Колтовский отказался от преследования.

В начале октября 1000 азовских татар были замечены за рекой Быстрой Сосной. Пройдя Чернавским бродом, татары начали грабить Елецкий уезд. Елецкий воевода Иван Фёдорович Леонтьев послал разведку, так как опасался, что численность татар слишком велика. Разведчики стали свидетелями ужасного разграбления деревни Домовины: «татары ходячи по дворам воюют, и людей в полон емлют, и многой полон у них перевязан». Далее часть татар пошла в Мценск, где состоялся бой с воеводой Вельяминовым, и русские смогли отбить плен в 74 человека, а другая отправилась в Ливенский уезд. Более 2 тысяч татар шли на Русь по левому краю Дона. Они грабили поселения по реке Воронеж и вторглись в Данковский уезд.

Таким образом, в 1632 г. основной татарский удар обрушился на города Верхнего Дона: Ливны, Елец, Лебедянь и Данков. В октябре Разрядный приказ, получавший постоянные послания от воевод о татарах, запросил отчёты о русских пленниках. В Ливенском уезде потери были самые заметные – 1232 человека, в Курском – 226, в Елецком – 115. Отчёты были неполными, и по ним нельзя полноценно судить о потерях. Не известен отчет Лебедянского воеводы, сомнительным выглядит отчет Данковского воеводы, указавшего всего 7 пленных. По самым скромным данным, общие потери населения Юга России в этом году составили 2660 человек. Из них больше половины приходилось на города Верхнего Дона, главного защитного рубежа степного пограничья.

«Большая война» с татарами продолжилась с большим размахом в 1633 году. Условия для вторжения в Россию были самые благоприятные, и крымский хан Джанибек-Гирей решил отправить огромную армию во главе со своим сыном царевичем Мубарекком. В апреле 1633 г. более трех тысяч ногайских татар вторглись в Чернский уезд, но были отбиты. Это, однако, были только разведывательные рейды.

Огромное татарское войско в 30 тысяч человек с турецкой пехотой Изюмским шляхом переправилось через Быструю Сосну и вторглось в Ливенский уезд. Мубарек имел более-менее точные сведения о численности ливенского гарнизона и отправил для осады города 500 отборных воинов. Точнее сказать, что у татар не было цели взять Ливны, их только блокировали, для того чтобы ливенцы не могли нападать на татарские отряды. Огромное войско 22 июня миновало Тулу. Туляки пытались помешать татарам, но численное превосходство было слишком значительным. В итоге татарские всадники почти без сопротивления разоряли Серпуховские и Каширские места, но идти на Москву не решились. Затем повернули назад и воевали Пронск, Венев и Рязск. Везде враги оставляли сильные разрушения, брали пленных и угоняли скот. Только в Рязанском уезде татарам удалось взять в плен 1350 человек, в Каширском уезде – 1276, 300 человек были взяты в Ливенском уезде. Общие потери России в результате «татарской войны» составили примерно 5700 человек. Ещё несколько таких войн и России пришлось бы вернуться к границам середины XVI века.

Большой поход татар за Оку сопровождался грабежами городов степного пограничья. В это же время совершают нападения на южные крепости поляки, литовцы и черкасы. В июле литовцы и черкасы осадили Белгород: сожгли посад и приступали с турами к крепости. Урон

был серьезный, но белгородцам удалось отбиться. До этого было совершено нападение на Валуйки.

Правительство пыталось в спешном порядке провести укрепление Юга. В 1633 г. на Талецком броде (в месте впадения реки Талец в Быструю Сосну) в 15 верстах от города Ельца был поставлен небольшой острог [12]. Название крепость получила по речке Талец. Острог строился ельчанами, заселялся ими же и снабжался из Ельца. Место это было весьма удобное для крепости. Первым талецким воеводой стал Петр Иудович Красников, по всей видимости, из родовитых дворян.

В 1636 г. ельчане возводят новую крепость – Чернавский острог, который также возник на месте брода, образовавшегося при впадении в Быструю Сосну реки Чернавы. Раньше, с середины 20-х гг., здесь уже находился небольшой острожек. Теперь это была более серьезная крепость, возникшая на самой границе с Ливенским уездом.

Чернавский и Талецкий остроги перекрыли два важнейших брода и сделали татарские вторжения в Елецкий уезд не столь внезапными. Однако их строительство дорого обошлось ельчанам, которые были разорены бедами «Большой войны». В 1633 г. ельчане били челом царю Михаилу Федоровичу с просьбой освободить их от части обязанностей [13]. В 1639 г. они вновь обращались к царю с жалобой на тяжелое положение, в связи с многочисленностью летних и зимних служб и просили освободить их от ремонта Талецкого и Чернавского острогов [14].

«Большая война» на степном пограничье продолжилась и в 1634 году. В июле этого года большое татарское войско численностью в 20 тысяч человек вторглось в пределы России Изюмским шляхом. Вскоре войско разделилось на несколько частей, которые рассыпались в двух направлениях: в сторону Ельца и Оскола. Перейдя Быструю Сосну у реки Хвошни 4 тысячи крымских всадников начала грабить Ливенский уезд. Новый ливенский воевода стольник Андрей Васильевич Бутурлин ничего поделать не мог. Татары подошли к реке Вязовке и стали угрожать городу. Не дожидаясь осады, Бутурлин всё же решил дать бой, который закончился большими потерями с обеих сторон, но татары отошли от города. После этого через Быструю Сосну в Ливенский уезд вторглись ещё 5 тысяч татар. Однако они не решились идти к Ливнам, а отправились на город Новосиль.

Всё лето и осень 1634 г. татары воевали на южных рубежах от Воронежа до Орла. Главные удары пришлось на Ливны, Курск, Новосиль. Татары двигались главным образом Муравским шляхом, проходившим здесь. Служилые люди южных городов создавали отряды для открытой борьбы или отсиживались в городах и острогах. В Курске отряд под руководством помещного казака Воина Аненкова совершал удачные нападения на татарские отряды, отбивая пленных и скот.

«Большая война» 1631–1634 гг. и последующие события на южных рубежах показали, что защита южных рубежей – важнейшая политическая задача. Надежды на то, что с Крымским ханством можно заключить надёжный и прочный мир, не оправдались. Россия не могла вести полноценные военные действия на западе, пока южное пограничье не имело достаточных укреплений.

В качестве дополнительных мер укрепления Юга в 1637 г. на северных землях Елецкого уезда был построен ещё один город – Ефремов. Ещё в конце XVI в. здесь существовал Ефремовский лес и Ефремовское городище. Но со временем эти земли перешли в вотчинное владение дворянину Ивану Тургеневу. Тот основал на Ефремовском городище крупное село, вероятно, укрепленное острогом. В 1637 г. город стал крепостью. Правда, Ефремовский уезд был совсем небольшим, здесь проживали около 20 помещиков [15].

«Большая война» ясно показала русскому правительству необходимость дальнейшей военной колонизации, связанной не только со строительством крепостей и острогов, но и переселением сюда русского населения. Правительство Михаила Федоровича так и не смогло

решиться начать активное строительство и предпринять наступление на Юг. Отчасти это было связано с тяжелым финансовым положением в стране. Однако с 1645 г. правительство Б.И. Морозова проведя ряд экономических преобразований, пошло на решительные меры заселения Поля, которые в конечном итоге, привели к строительству Белгородской черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 13-11-48001
2. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 42.
3. Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 303–304.
4. А.А. Новосельский ошибочно считал, что в Ельце и Ливнах были только небольшие остроги (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л., 1948. С. 205, прим.).
5. Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 303.
6. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 205.
7. Там же. С. 207.
8. Там же.
9. Там же. С. 211.
10. Там же. С. 210–222.
11. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 386.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 9. Л. 202.
13. Там же.
14. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 109–110.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135. Л. 326.

УДК 947.083

А.А. БАШМАКОВ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Л.И. Земцов

Аннотация

В статье анализируется значение сохранения обычного права и его применения в начале XX века. Приведен полный текст Записки известного государственного деятеля и исследователя обычного права А.А. Башмакова.

На протяжении длительной истории русского крестьянства разрешение споров и тяжб, осуждение проступков в народной среде осуществлялось на основе устного обычного права. В последнем находили отражение представления о справедливости, складывавшиеся при сильном воздействии христианства. Взаимодействие черт национального характера и ценностей православия очевидно. Со стороны всегда виднее то, что трудно уловить самоанализом: в конце XIX в. французский журналист, внимательно изучавший Россию, заметил: «Из всех христианских народов в русском наиболее встречаются качества, отличающие христианство ото всех других религий... между Евангелием и русской натурой есть какое-то соответствие... и даже трудно решить, что принадлежит собственно вере и что – народному темпераменту» [1].

Так и один из активных политических деятелей, член российской социал-демократии начала века, писал позднее в мемуарах: «Русское... это обычно бессознательное проникновение “русским духом”, бытом, вкусом, обычаями, представлениями, взглядами, а из них многие нельзя в их генезисе оторвать от православия – исторической религиозной подосновы русской культуры» [2].

Разрешение конфликтов (споров и тяжб, осуждение проступков) на основе обычного права сохранялось долгое время, и было утверждено для всего русского крестьянства в «Положениях...» 19 февраля 1861 года. Возможность узаконения обычного права определялась тем, что в первой половине XIX в. состоялось его «открытие» [3] для просвещенной публики. Изучение способов регулирования тех или иных сторон крестьянского быта было связано, в первую очередь, с выяснением конкретного функционирования мира и крестьянской поземельной общины. Их деятельность определялась обычно-правовыми обычаями великорусского крестьянства – о принципах мирского владения землей, действии передельной системы прекрасно знали помещики, чаще имевшие дело не с отдельным крестьянином, а с миром.

Во второй половине XIX в. началось подробное изучение обычного крестьянского права, выразившего, по мнению английского исследователя 70-х гг. XIX в. М. Уоллеса, «концентрированный опыт длинного ряда поколений» [4]. Правовые подходы, существовавшие в крестьянском обиходе, необходимо было исследовать, так как только «путем такого изучения можно уяснить себе, что составляет наши настоящие национальные особенности». Изучение народного права, считала А.Я. Ефименко, давало «прямые указания юристам и законодательству, что нужно делать, чтобы создать вполне цельное и последовательное и в то же время национальное право» [5].

Деятельность крестьянского волостного суда, правоприменительного органа устного права, привлекла внимание дореволюционных исследователей и публицистов потому, что столь своеобразный институт, резко отличавшийся и по правовым основам, и по организации от судов, действовавших на основе писаного закона, заставлял обсуждать вопрос о правомерности его сохранения. Кроме того, именно его решения давали основания для выводов о содержании народных ценностей. Это было особенно важно при учете тех споров, которые велись в интеллигентных кругах на протяжении 60-80-х гг. XIX в., да и позднее, о содержании «народного духа» и возможностях построения справедливого общества на основе «коммунистических инстинктов» мужика.

Во второй половине XIX в. вышли многочисленные публицистические и научные работы, посвященные крестьянскому суду и обычному праву [6]. Один из специалистов (едва ли не первый) по славянскому обычному праву, включивший обычаи в писаное право Черногории, В.В. Богишич, заметил в одной из своих работ: «Юрист... должен в особенности по вопросу об обычном праве, действовать по примеру композитора, который собирает простые мелодии деревенского населения, но умеет придать им, при помощи искусства, такой гармонический и возвышенный характер, что их с наслаждением слушают люди с самым утонченным вкусом» [7]. Понятно, что такой подход требовал внимательного исследования правовой практики крестьянства, в которой находило отражение обычное право.

Несмотря на обилие публикаций и попыток конкретного изучения народа представителями самых разных направлений русской общественно-политической мысли, очевидна правота тех, кто утверждал: интеллигенция мало знакома с народом и далека от понимания того, что он из себя представляет, а тем более ей неясны его ценностные ориентации. Ярчайшим примером этого могут служить и ранние рассказы А.М. Горького, и публикация в его журнале резко негативной статьи о крестьянстве [8], и его известная заграничная книжка [9], неточно и несправедливо характеризующая крестьянство России.

Заметим, что в деятельности волостной юстиции было значительное количество недочетов. Они являлись отражением общего состояния крестьянства и уровня его культуры. Но точнее всего сформулировал общеизвестное положение известный юрист рубежа веков И. Тютрюмов. Он писал: «Присутствие в каком-либо учреждении иногда и весьма важных недостатков не всегда непременно служит доказательством абсолютной его негодности, и, вообще, критика существующих установлений не свидетельствует еще о необходимости их совершенного уничтожения, а представляет лишь средство к их улучшению и устранению замеченных в них недостатков» [10].

Сохранение волостного суда было определено законами 1889 и 1912 годов. Столыпинская аграрная реформа предоставила именно волостному суду право разрешения споров по поводу принадлежности и использования надельной земли [11]. При спорах о наследовании, а также по поводу завещательных распоряжений «надлежит, в виде общего правила, руководствоваться местными обычаями» (циркуляр министерства внутренних дел от 9 декабря 1906 г.); и «завещательные распоряжения крестьян укрепленными участками допускаются в тех пределах, в коих они не противоречат местным обычаям» (Разъяснение министерства внутренних дел от 26 января 1908 г., № 2945) [12].

Даже тогда, когда мужики ушли на войну, волостные суды продолжали функционировать, разрешая конфликты среди сельчан. Приведу сведения за 1915 г. о деятельности Рыбинского волостного суда Моршанского уезда Тамбовской губернии [13]. В нем было рассмотрено 106 уголовных дел (проступки против порядка управления – 2; личные обиды – 79; кражи и др. – 8; другие – 17) и 263 гражданских (спору об имуществе – 34; по другим искам – 219; по делам наследования – 10).

Поэтому изучение принципов решения дел, выяснение тех перемен, которые конкретно-историческая ситуация накладывала на устное народное право продолжало оставаться весьма актуальным как для научного сообщества, так и для российской публицистики.

Еще в начале века, при расследовании событий 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, столичные чиновники обратили внимание на то, что среди крестьянства присутствует «мотив внутренней правоты учиняемого, мотив, развернутый в целую идеологию» [14]. Основой этой идеологии и было представление о справедливости, сохранявшееся в устном народном праве. Именно поэтому стало необходимым продолжить изучение обычного права и его юридического своеобразия. Однако грандиозные масштабы событий начала века отодвинули изучение обычно-правовой системы на периферию исследовательского поля.

На необходимость продолжения изучения народных юридических обычаев обратил внимание известный общественный деятель рубежа веков Александр Александрович Башмаков (1858–1943) [15]. Происходил он из видной дворянской семьи, окончил в 1881 г. Новороссийский университет, служил адвокатом, мировым судьей, по ведомству министерства иностранных дел (на Балканах). В годы Первой российской революции издавал газету «Народный голос» и даже создал «Русскую партию Народного центра», находившуюся левее Союза русского народа и правее «октябристов». В 1906–1913 гг. был главным редактором «Правительственного вестника»; участвовал в Белом движении, с 1919 г. – в эмиграции. Один из современников писал о нем как о человеке «огромной эрудиции», выступавшем «сторонником общины» и «особого крестьянского уклада и народного обычного права», вплоть до того, что «отстаивал принудительное отчуждение частновладельческих земель» [16].

Исследователи отмечают, что А.А. Башмаков, придерживаясь идеологии «монархического национализма», ориентировался в своей деятельности на три главных направления: национализм, панславизм, обычное право. Понятно поэтому, почему А.А. Башмаков обратился в Императорское Русское географическое общество с призывом вернуться к изучению русского народного обычного права. В архиве Общества сохранилась Записка А.А. Башмакова, обращавшая внимание членов Общества на необходимость продолжения работы по изучению народного права. Ниже представлен полный текст Записки.

К сожалению, начало Первой мировой войны не дало возможности осуществить предложения автора Записки. Она, однако, показывает, что внимание к юридическим обычаям русского народа сохранялось, как и представление о том, что именно на них должна быть построена национальная правовая система. Крушение самодержавной России привело не только к грандиозным политическим переменам; более важным явилось то, что началась и на наших глазах завершается гибель традиционного русского быта с его специфическими формами трудового воспитания, коллективистической культуры взаимоотношений – семейных и общинных, опиравшихся на своеобразную систему ценностей великорусского крестьянства. Вместе с ними уходили традиционные правовые взаимоотношения в народной среде, основанные на представлениях о нравственной, а не юридической справедливости, о которых так ярко писали в свое время А. Хомяков и К. Аксаков [17], А.Я. Ефименко, И.Г. Оршанский и многие другие. Это – едва ли не самая существенная и трагическая потеря в условиях тех перемен, которые случились в ходе событий 1917 г. и установления советской власти. Возможностям формирования национальной системы права, о необходимости которой писали в конце века, не дано было осуществиться.

Ниже приведен полный текст Записки А.А. Башмакова [18].

«В Императорское Русское географическое общество по Этнографическому отделению

После нескольких лет полной немилости общественного настроения к задаче изучения русского обычного права, кажется, что снова разгорается серьезный интерес к этому предмету. Он всегда интересовал и увлекал нашу интеллигенцию урывками и порывами. Поочередно этой отрасли знания помогало то, что вредило – обстоятельство постороннего значения, именно – присвоение идее обычного права – иногда радикального в политическом смысле,

иногда ретроградного значения, между тем как для вдумчивых умов подведение вопросов народной психики и творчества под тот и другой шаблон всегда казалось чем-то чуждым и диким, как будто кто поставил бы в соотношение с партийными страстями красоту океана или величавость Альп.

По свойству самого предмета, сливающегося с двух противоположных своих окраин – с одной стороны с *этнографией*, с другой стороны с *правоведением* и *судебной практикой*, разработка его начал переходила по временам, то в круг забот юридических писателей, то в ведение филологов, антропологов и этнографов в тесном смысле слова. Комиссия сенатора Любошинского в 1871–73 гг. [17]; 1-ый Съезд русских юристов в 1875 г., где заслушан был памятный доклад Н.В. Калачова «Об отношении обычного права к законодательству» [19]; наконец, основание при Этнографическом отделении Императорского Русского географического общества «Комиссии для собирания» и разработки юридических обычаев [20], таковы первые и главнейшие ступени в истории этого вопроса.

Но, к сожалению, не было непрерывности в работах чередующихся поколений тружеников. По мере того, как годы уходили, видные деятели умирали или впадали в забвение; на новых лиц, желавших потрудиться на этом поприще, не могло не повлиять охлаждение (даже иной раз враждебность) к самой идее, нередко чувствовавшаяся в окружающем обществе. Модным и всемогущим стало утверждение, что наше время имеет иные, более важные задачи и что разыскание живой старины в народной жизни есть нечто не только нежелательное, но почти предосудительное.

Такова была главная причина неуспеха, постигшего инициативу С.-Петербургского Юридического общества, открывшего у себя, в конце 1897 года, особое «Отделение Обычного права». Постановку широко намеченных задач этого нового отделения можно прочесть на странице 297 моей книги «Очерки права родового, наследственного и обычного» (СПб., 1911 г.). После достойных всякой похвалы попыток профессора А.Х. Гольмстена к тому, чтобы организовать при новом «Отделении» студенческие кадры сотрудников, для извлечения «правовых тезисов» из подлинных книг волостных судов Ярославской губернии, присланных для этой цели в Санкт-Петербургский университет по распоряжению г. министра внутренних дел – жизненность нового «Отделения обычного права» стала понемногу гложуть и, в последующие годы, по-видимому сократилась.

Покойный министр внутренних дел В.К. Плеве [21], по открытии подведомственной ему «Комиссии по пересмотру Законоположений о крестьянах», остановился на мысли об издании для крестьян сокращенного гражданского кодекса, основанного отчасти на указаниях судебной практики, отчасти на народных юридических обычаях. Мне было поручено составление первоначального проекта «о наследовании» и определение основных начал о соотношении обычая к закону. При осуществлении этой мысли я стремился к достижению цели, подобной той, которую поставил покойный В. Богишич, при составлении «Черногорского законника» 1888 года.

Результат этих работ появился в «Трудах Редакционной Комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах» т. IV (СПб., 1904, изд. мин. вн. дел).

Однако эта первая в России попытка свести непосредственно добытые из этнографии и изучения народного юридического мышления с задачами законодательства – окончилась полною неудачей. В законодательстве, литературе и общественном мнении возобладало критическое и даже вовсе отрицательное отношение к законодательной работе, которая не была бы всецело сооружаема на началах единого писаного права, устраняющего всякое влияние народного быта в его стихийном разнообразии.

Еще до наступления того периода (1905–1906 гг.), когда априорные и унитарные начала возобладали в русской действительности – идея сближения законодательства с народным юридическим творчеством (нашедшая себе приют в попытках В.К. Плеве) была самым ре-

шительным образом отвергнута «Высочайше учрежденной Комиссиею для составления гражданского уложения».

Казалось – в те годы, что окончательно сходила в могилу целая стройная система русского юридического творчества, которая насчитывала в своей истории славные имена – Н.В. Калачова, А.Ф. Кистяковского, П.П. Чубинского, С.В. Пахмана, Е.И. Якушкина [22] и мн. др.

Однако односторонности этого настроения по-видимому наступает конец. Как сказано выше, по свойству самого предмета, юристы и этнографы поочередно должны браться на оживление интереса к его исследованию. Сейчас, когда руководство выпало из рук юристов, по их же несомненной вине, очередь – за этнографами. Они могут многое сделать, ради чисто объективного пополнения существующего запаса знаний.

Пригодятся ли впоследствии эти пополненные и обновленные сведения – для практических задач жизни? или же последнее слово останется за теми, кто провозгласил отходную и тризну над народными юридическими обычаями? – этот спор решит так или иначе сама жизнь. А пока пусть возьмется чистая наука за разработку этой отрасли народоведения.

- - - - -

Очевидно, что первым шагом деятельности, если этнографическому отделению будет угодно выступить в этом направлении, должно быть призывание к обновленной жизни «Комиссии для собирания и разработки юридических обычаев», состав которой почти весь уже вымер. Мне думается, что г. председатель Этнографического отделения мог бы для этой цели циркулярно оповестить всех членов Географического общества, дабы интересующиеся этим вопросом, явились в заседание, где установятся состав Комиссии и ее организация.

Второй мерой к оживлению задач Комиссии было бы безотлагательное образование маленькой библиотеки по обычному праву, пользование которой было бы разрешено на более вольных началах – нежели основною библиотекой Географического общества. Цель такой библиотеки – практическая: посредством раздачи книг по рукам – подготовить кадры молодых людей для разработки материалов под объединенным руководством. На первых порах было бы достаточно ассигновать на этот предмет рублей 100.

Третьей мерой должно быть обращение к декану юридического факультета и к директору училища правоведения, дабы наметили они добровольцев из старших студентов (уже знакомых с гражданским правом). Этим лицам Комиссия даст указания, как подготовиться в течение настоящей зимы, дабы с будущего года составить уже более серьезные кадры для организованной работы.

Четвертой мерой было бы учреждение университетской кафедры Русского обычного права, без которой, конечно, не установятся среди русских юристов надлежащие и правильные понятия об отношении законодательной техники к народной психологии.

Наконец, пятою мерою было бы установление тесного общения «Комиссии юридических обычаев» с «Комиссиею по составлению этнографической карты России». Возможно ли будет приступить к серьезному осуществлению картографического фиксирования обычая, не знаю. Это вопрос новый, который требует предварительной разработки.

Во всяком случае, по намеченным общим пунктам предстоящей деятельности обрисовывается, по моему мнению, перспектива настоятельной необходимости ближайшей инициативы Этнографического отделения Императорского Русского географического общества.

С.-Петербург
31 октября 1913 г.

Член Императорского Русского
географического общества
А. Башмаков».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катков М.Н. Два отзыва о русском народе // Его же. Имперское слово. М., 2002. С. 483. Автор приводит отрывок из работы известного французского журналиста и исследователя А. Леруа-Болье.
2. Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 53-54.
3. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 3.
4. Уоллес М. Россия. Т. 2. СПб., 1880. С. 355.
5. Ефименко А.Я. Субъективизм в русском обычном праве // Ее же. Исследования народной жизни. Обычное право. Изд. 2-е. М., 2011. С. 181 (первое издание вышло в 1884 г.).
6. Н.В. Крестьянские волостные суды // Русский вестник (РВ). 1862. Т. 41; Лугинин С. Волостные суды // То же. 1864. Т. 50; Мещерский В.П. Еще о волостных судах // То же. 1864. Т. 51; Пестржецкий А. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции. 1861. № 7; Геннади Г. Кое-что о волостных судах // День. 1862. № 20; О волостных судах // Русское слово. 1864. № 6; Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; Его же. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 3; Оршанский И. Народный суд и народное право. СПб., 1879; Ефименко А.Я. Указ соч.; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I-II. СПб., 1877–1879; Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Киевские университетские известия. 1874. Сентябрь, октябрь, ноябрь; Скоробогатый П. Устройство крестьянских волостных судов // Юридический вестник (ЮВ). 1880. № 6, 7 (отдельное издание: М., 1880); Его же. Очерки крестьянского суда. М., 1882; Бразоль Г.Е. Об упразднении волостных и сельских судов. Харьков, 1886; Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе. Вильна, 1885; Коллюпанов И. Вопрос о крестьянском самосуде // Беседа. 1874. № 6; Сергеевич В. Опыт исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1; Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Т. VI. СПб., 1872; Птицын В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886; Д.Д. Мысли сельского хозяина // РВ. 1883. № 4; Тютрюмов И. К вопросу о реформе крестьянского суда // ЮВ. 1886. Т. XXIII. Кн. 3 (ноябрь); Крестьянский суд // Отечественные записки. 1874. № 1; Веригин И. Начала народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. № 3; Н.В. Юридические воззрения народа и отношение к ним культурных людей // Дело. 1883. № 6; Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний // ЮВ. 1877. № 3-6; Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880; Леонтьев А.А. В поисках за обычным правом // Русское богатство. 1894. № 11; Его же. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895; Его же. Законодательство о крестьянах после реформы // Великая реформа. Т. VI. М., 1911 и др.
7. Богишич В.В. О научной разработке истории славянского права. Вступительное чтение в «Историю славянских законодательств». СПб., 1870. С. 18-19. Богишич В.В. (1834–1908), хорватский ученый, профессор Новороссийского университета (1869–1870), министр юстиции Черногории (1893–1899).
8. Тальников Д. При свете культуры // Летопись. 1916. № 1.
9. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.
10. Тютрюмов И. Указ. соч. С. 451.
11. См., напр., дела волостных судов Тамбовской губернии: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 231, 232, 233 и др.
12. Волков К.Т. Законы 9 ноября 1906 – 14 июня 1910 г. 2-е изд. М., 1910. С. 54.

13. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 51. Л. 3-6.
14. Цызырев И.Ф. Предисловие // Крестьянские движения 1902 г. М., Пг., 1923. С. 9.
15. Томсинов В.А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Российские правоведы XVIII–XX вв.: очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007.
16. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2010. С. 188–189.
17. Аксаков К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьева. По поводу I тома // Его же. Государство и народ. М., 2009. С. 336–338; Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Его же. Всемирная задача России. М., 2011. С. 596.
18. Записка А.А. Башмакова сохранилась в Архиве Русского географического общества – АРГО. Разряд 109. Оп. 1. № 43. 1913. Печатана на пишущей машинке.
19. Комиссия М.Н. Любощинского исследовала функционирование волостных судов в России. См.: Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1–6. СПб., 1873–1874; Земцов Л.И. Комиссия М.Н. Любощинского (к истории обследования волостных судов 1872 г.) // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета. Вып. 2. Липецк, 2000.
20. См.: I съезд русских юристов. М., 1882. Выступивший при обсуждении доклада Н.В. Калачова Ф.Н. Плевако заметил, что «только при уважении к народным обычаям мы сохраним уважение к письменным законам» (там же. С. 136).
21. Приведу состав Комиссии на 1874 г.: Н.В. Калачов (председатель), Л.Н. Майков, В.Н. Майнов, П.А. Муллов, А.Н. Труворов (см.: Отчет Императорского Русского географического общества (ИРГО) за 1874 год. СПб., 1875. С. 57). Позднее состав Комиссии вырос; члены ее – известнейшие юристы и исследователи народного права: Председатель – С.В. Пахман, члены: В.И. Ламанский, Л.Н. Майков, А.Н. Труворов, П.А. Матвеев, П.А. Муллов, П.А. Соколовский, Ф.Л. Барыков, И.Я. Фойницкий, Н.С. Таганский, Н.А. Неклюдов, С.Я. Капустин, Н.А. Хвостов, И.Д. Сергеевский, А.М. Евреинова, П.Н. Исаков, А.Х. Гольмстен, А.Ф. Поворинский, В.Б. Богишич и др., всего 25 человек (Архив Русского Географического общества. Ф. 1–1878. Оп. 1. № 40. Книга для записывания Комиссий, избираемых Географическим обществом. 1878–1895. Л. 50–50об.).
22. В.К. Плеве – министр внутренних дел в 1902–1904 годах.
23. Перечислены имена историков права, внимательно изучавших крестьянское обычное право: Н.В. Калачов (1819–1885); А.Ф. Кистяковский (1833–1885); П.П. Чубинский (1839–1884); С.В. Пахман (1825–1910); Е.И. Якушкин (1826–1905).

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(09)

**ПРОБЛЕМА КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ НА РУСИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОТОИЕРЕЯ ЛЬВА ЛЕБЕДЕВА****Е.Е. Черных****Аннотация**

Протоиерей Лев Лебедев (1935–1998), один из крупнейших современных православных богословов, мыслителей и церковных историков. В статье проанализированы научно-богословские изыскания Л. Лебедева, посвящённые проблеме крещения Руси, представлена его оригинальная концепция крещения Руси, в рамках которой особое место исследователь отвёл проблеме кирилло-мефодиевской традиции на Руси.

Начало изданий научно-богословских изысканий одного из крупнейших современных православных богословов, мыслителей и церковных историков протоиерея Льва Лебедева (1935–1998) относится к 1970-м годам. Его статьи и книги, посвященные богословским, церковно-историческим и общественно-политическим проблемам, публиковались в России и за рубежом.

В 1987 г., в связи с подготовкой к празднованию тысячелетия Крещения Руси, Московской Патриархией была издана книга Л.А. Лебедева «Крещение Руси». В основе авторского изложения истории принятия Русью христианства лежит религиозно-нравственная концепция. Лев Лебедев, выстраивая с богословских позиций исторический материал, исходит из понимания истории как Божьего Промысла, то есть возвращается к характерному для богословской науки провиденциалистскому подходу. Автор ставит задачу – рассмотреть духовно-исторический путь Руси к принятию христианства. В своём исследовании Лев Лебедев последовательно изложил собственную концепцию крещения Руси. Особое место в этой концепции отводится просветителям славян – братьям Кириллу и Мефодию. Трактовка деятельности Кирилла и Мефодия, её значения для Древнерусского государства, предложенная протоиереем, оригинальна.

Опираясь на свидетельства византийских источников [1] и фундаментальные исследования [2], ученый-богослов полагает, что первое массовое крещение на Руси осуществили Кирилл и Мефодий в 861–862 гг. при Аскольде и Дире, вскоре после набега «русских» (росов) во главе с князьями Аскольдом и Диром на Царьград в 860 г. [3], а местом крещения мог быть только Киев [4].

Для уточнения времени и обстоятельств первого массового крещения на Руси протоиерей обращается к другим источникам – славянским Житиям Константина (Кирилла) Философа [5] и Мефодия [6], к истории жизни и деятельности просветителей славян.

Лев Лебедев не разделяет мнения большинства учёных, исследующих Житие Кирилла (ЖК) и Житие Мефодия (ЖМ), что изложенная в ЖК цель посольства в Византию «из Хазарии», яв-

ляется вымыслом агиографа [7]. Действительно, ещё в VIII в. в Хазарии в качестве государственной религии утвердился иудаизм, и в 861 г. хазарский каган никак не мог говорить о том, что «евреи побуждают его принять свою веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины (мусульмане. – Е. Ч.)... принуждают принять свою веру», и просить «мужа книжного», способного переспорить евреев и сарацин. Однако в то же время известно, что в 861 г. (как бы в ответ на хазарское посольство) Кирилл и Мефодий предприняли путешествие в Хазарию [8].

Лев Лебедев сопоставляет описанное в ЖК «посольство от хазар» с «посольством от руссов», которое, судя по свидетельствам хроники Продолжателя Феофана и «Окружного послания» патриарха Фотия 867 г., побывало в Византии вскоре после 860 года. Исследователь отмечает, что цели этих «посольств» в точности совпадают, и предполагает, что в ЖК не «вымысел агиографа», а смешение русского «посольства» с хазарским [9].

Лев Лебедев замечает, что в ЖК описание приёма хазарского двора, следующее за географическим указанием подлинной Хазарии [10], сильно не соответствует Хазарии, в связи с чем можно предположить, что данное указание пути – это произвольное «уточнение» позднего составителя или переписчика Жития, решившего дать своим читателям от себя представление о том, где находится Хазария.

В своей работе автор более подробно останавливается на несоответствиях. «Мы – люди не книжные...», – заявляет каган [11]. Однако иудеи, спорящие с Кириллом при кагане и народе, опираются на «книги» Писания, и главные вопросы спора касаются именно этих книг. К тому же хазарский официоз во главе с каганом, с иудаизмом в качестве государственной религии и раввинатом, опиравшимся на книги Закона, Пророков и толкований на них, никак не мог подчеркнуто свидетельствовать о своей не книжности.

Академик В.И. Ламанский, изучив моравские Жития Кирилла и Мефодия, впервые пришёл к выводу, что «хазарская» миссия солунских братьев осуществлялась не к хазарам, а к русским [12]. А.В. Карташев обратил особое внимание на содержащиеся в житиях несоответствия хазарской обстановке [13]. Лев Лебедев дополняет доводы В.И. Ламанского и А.В. Карташева новой деталью – соответствием текста хазарского диспута отрывку из Повести временных лет (ПВЛ) по поводу выбора веры, и отмечает вслед за Ламанским и Карташевым, что Кирилл убедил «хазар» в истинности христианства и заключает, что народный совет принял немыслимое для подлинной Хазарии решение: «Не враги мы сами себе и так повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по своей воле, если пожелает. А тот из вас, кто на запад кланяется, или еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет» [14].

Протоиерей Л. Лебедев подчеркивает, что решение «идти на службу» для Хазарии того времени нелепое, так как и до того хазары были верными союзниками Византии, участвовали в походах. Константин Философ отказался от богатых даров кагана, взамен попросил выдать ему «пленных греков», с которыми проповедник вернулся в Византию. По данным историков, это происходило в конце 861 – начале 862 года. В 863 г. началась знаменитая моравская миссия Кирилла и Мефодия. Ни тогда, ни в какое другое время в Хазарии не было массового крещения по повелению кагана с запретом исповедовать иудаизм под страхом смерти. Зато примерно в это время, по мнению исследователя, произошло первое массовое крещение на Руси при Аскольде и Дире. Только из одного сопоставления посольств «от руссов» и «из Хазарии», вызвавших миссию Кирилла и Мефодия «в Хазарию», ряд учёных пришёл к выводу, что Кирилл и Мефодий крестили русских. Лев Лебедев указал, что большинство исследователей из-за упоминания Хазарии в житиях Кирилла и Мефодия не решаются отнести христианизацию к Древнерусскому государству, к Киеву, полагают, что крестились русские, жившие в Крыму или Азово-Черноморской Руси, однако в исторической науке всё же признаётся, что определённое значение для христианизации Руси имела миссия Кирилла и Мефодия в Херсонес и их дальнейшая миссионерская деятельность в Причерноморье [15].

Протоиерей Лев Лебедев приводит свои аргументы в пользу того, что во время «хазарской миссии» просветители славян крестили именно русских, а не хазар: во времена Кирилла и Мефодия византийцы называли все земли к северу от Чёрного моря Хазарией, как раньше называли их Скифией; о русских у византийцев часто были представления как о тавроскифах, живших в Крыму, который тогда, за исключением греческих колоний, принадлежал Хазарии; в 861 г. в Византии ещё не знали о русском государстве, и русским это было известно, поэтому на первый же вопрос «посольству руссов» в Константинополе в 860–861 гг., откуда они прибыли, мог быть дан вполне оправданный ответ: «оттуда, где Хазария, или: из земли, которая рядом с Хазарией». Хазария была известна византийцам и могла служить точным ориентиром.

Также надо учитывать, что долгое время для сохранения мира Русь выплачивала дань Хазарии, которая выдавала за свои земли, платившие ей дань. В продолжение какого-то времени в Византии могли полагать, что народ «руссов» живёт в Хазарии. В самой Хазарии не могло быть пленных греков, так как постоянная и верная союзница Византии Хазария не воевала с ней. Также примечательно, что вплоть до XI в. русские князья назывались на Руси на манер хазарских властителей каганами. Слова послания кагана византийскому императору, переданные через Кирилла, о дружбе и готовности идти к нему на службу совпадают со словами «Окружного послания» патриарха Фотия, согласно которому русские поставили себя в число подданных и друзей Византии и с тем историческим фактом, что после этого русским было разрешено поступать на воинскую службу в византийскую армию. Таким образом, Лев Лебедев допускает, что посольство руссов в некоторых источниках могло получить название посольства из Хазарии. Вслед за А.В. Карташевым протоиерей Лев Лебедев предлагает учесть все несоответствия собственно хазарской обстановке, которые встречаются в текстах ЖК и ЖМ о путешествии в «Хазарию».

ЖК содержит сообщение, что в присутствии Кирилла Херсонес осадил «хазарский полководец с войском» [16]. Лебедев допускает, что описанное в ЖК нападение на Херсонес могли совершить русские и представляет возможный в таком случае ход событий. «Получив обещание русских креститься, Кирилл и Мефодий отправились в Киев, здесь спорили с иудейскими и мусульманскими проповедниками, крестили тех, кто пожелал, а затем отправились в собственно Хазарию» [17]. По мнению ученого-богослова, пока нет оснований утверждать, что они вообще не побывали там с дипломатической миссией, цель которой могла заключаться в том, чтобы оповестить хазар, что русские совершенно примирились с Византией и теперь Хазария может не беспокоиться об их «усмирении», как делала она прежде, исполняя союзнические обязательства перед Византией.

Лев Лебедев отмечает, что нападение русских на Херсонес при Кирилле и обещание «полководца» креститься очень напоминают события при князе Владимире. Лебедев считает необходимым признать, учитывая подробности бесед «во дворце кагана» и советов старейшин и народа, что проповедь христианства и крещение русских происходили в их столице – Киеве.

Таким образом, ученый-богослов приходит к выводу, что еще до знаменитой великоморавской миссии 863 г. просветители славян Кирилл и Мефодий проповедовали на Руси и совершили здесь первое массовое крещение. Это обстоятельство, по его мнению, могло стать камнем преткновения для составителей ЖК и ЖМ – моравлян или моравлянина, желавших подчеркнуть «первенство» Моравии среди тех земель, в которых проходила просветительская деятельность славянских первоучителей. Оба жития возникли в конце 885 г. в обстановке острой политической борьбы, что объясняет определенную направленность в освещении фактов, тенденциозность [18]. А также с этим, по мнению Лебедева, может быть связана замена названия «Русь» названием «Хазария».

В своей миссионерской деятельности солунские братья, особенно Константин, были вдохновлены иконопочитанием и его выдающимися выразителями. Так, будучи учеником

Фотия, ученого, писателя, богослова, поэта, дипломата, будущего патриарха, ревностного иконопочитателя, Константин в 843 г. спорил с опытным полемистом, низложенным к тому времени патриархом, иконоборцем Иоанном Грамматиком [19], защищал иконопочитание и одержал победу. Не кто иной, как патриарх Фотий послал Кирилла к славянам. Кирилл продолжал защищать иконопочитание в спорах с мусульманами и, отмечает Лебедев, развил православное учение об «образе» и на Руси в столкновении с проповедниками иудаизма и мусульманства.

По мнению Льва Лебедева, важнейшее деяние Кирилла и Мефодия – обретение мощей св. Климента, папы римского, в Херсонесе – является связующей духовной нитью апостольства св. Кирилла с апостольством Андрея Первозванного.

Одна из интереснейших загадок русской истории – история создания славянской письменности. Славянскую азбуку и основы письменности св. Кирилл и Мефодий, по мнению протоиерея, создали задолго до 861 г., во время своего пребывания в малоазийском монастыре Олимпе, где «занимались одними книгами» [20]. Исследователь объясняет этот срок следующим образом. В 853 г. болгарский царь Борис возобновил договор с Византией о дружбе, к тому моменту отношения у империи с Болгарией были напряженными. Разрядка 853 г. могла вселить надежды на примирение в связи с христианизацией Болгарии. Тогда и мог быть сделан Константину (Кириллу) и Мефодию «заказ» на создание славянской письменности. Однако обстановка вновь осложнилась, и труды святых братьев на время остались без применения [21].

Протоиерей Лев Лебедев считает, что точная дата создания солунскими братьями славянского письма указана в авторитетном источнике «О письменах» Черноризца Храбра – 6363 г., т.е. 855 г. [22]. В связи с этим исследователь предполагает, что в Херсонесе Крымском (Таврическом) Кирилл занимался не изучением русского языка, сравнивая его с греческим, а изучением «русских писмен» – Евангелия и Псалтири, сравнивая эти писмена (начертания «гласных и согласных») с изобретённой им самим славянской письменностью. Ученый считает, что попытки создать славянскую письменность предпринимались ещё до Кирилла и Мефодия, но не увенчались успехом [23]. Он допускает факт существования в Крыму в IX в. Евангелия и Псалтири, написанных «писменами», приспособленными для передачи звуков русского языка.

Созданная Кириллом и Мефодием славянская письменность составила основу особенного – церковнославянского – языка, который, отмечает Лебедев, содержит в себе «помазанность», освящённость Святым Духом, поражает своей духовностью, удивительно приспособлен к передаче божественных истин. Церковнославянский язык представляет собой единую систему языковых символов или образов, позволяющих передать не только содержание текстов Священного Писания и богослужебных книг, но также их мистическое значение, которое почти полностью исчезает при передаче этих текстов на современном русском языке. По Лебедеву, символичность церковнославянского языка сопоставима с символичностью древней канонической иконы, этот язык – прямое порождение и продолжение церковной иконографической традиции. Он создан только для общения с Богом, служения Ему.

Примечательно, что в ПВЛ содержится краткое описание истории создания славянской письменности, заимствованной из моравских Житий Кирилла и Мефодия, однако нет упоминаний о проповеди славянских первоучителей на Руси и связанном с ней первом массовом крещении русских при Аскольде в 861/862 г. «Осколдово крещение» отражено в официальных византийских источниках, также арабские писатели знали о христианстве на Руси [24]. В позднейшие русские летописные своды попали случайные свидетельства: упоминается «соборная церковь» во имя Илии Пророка в Киеве при князе Игоре, которую, по мнению Лебедева, построил Аскольд; в середине X в. часть русских была христианами; о строительстве храма Святителя Николая на могиле Аскольда в XI или X в.; в пергаменном

«Прологе» XV в. Мефодий назван «преподобным отцем нашим Мефодием, епископом Моравским, учителем русским», «Кирилл же умоли брата своего Мефедь идти с собою яко умеяше язык словенск» [25]. По Лебедеву, это свидетельство содержит предельно откровенное определение «хазарской» миссии как русской, объясняет, почему в Хазарию идут знающие славянский язык, проникло в «Пролог» из каких-то очень древних письменных источников.

Опираясь на эти свидетельства, протоиерей Лев Лебедев заключает, что в X–XI вв. на Руси знали о крещении в 861/862 г. при Аскольде, но по каким-то причинам замалчивали. В связи с этим Лебедев отмечает поразительное совпадение текста ЖК с рассказом ПВЛ о духовной обстановке на Руси и событиях времён правления князя Владимира в ряде мест. Совпадают в первую очередь ситуации сознательного выбора веры. Описанное в ПВЛ посольство от князя Владимира в Константинополь как желание узнать лучше «греческую веру» полностью соответствует известному из византийских источников посольству «от руссов» 860/861 г. [26], набегу неизвестного «полководца» на Херсонес при императоре Константине (861 г.) соответствует описанный в ПВЛ набег на этот город князя Владимира, который многие исследователи относят к 988 году. В результате обоих набегов их предводители склоняются к крещению. Также исследователь отмечает, что поучение греческих иерархов Владимира после его крещения композиционно и по многим выражениям совпадает с первой главой Жития святого Мефодия [27].

Ссылаясь на ранее обоснованные мнения, что первая глава ЖМ – это краткое изложение трактата, принадлежавшего Кириллу [28], ученый-богослов предполагает, что поучение «философа» князю Владимиру может быть записью полного текста трактата Константина. Для закрепления предположения, что разобранные «совпадения» не случайны, Лев Лебедев приводит отрывки из некоторых русских летописей. В житийном тексте XV в. новгородского происхождения летописец прямо отождествил «философа», поучавшего князя Владимира, с Константином (Кириллом) Философом: «древле приходи в Русь философ учити Владимира, емуже имя Кирилл» [29]. В Софийской «Кормчей» XIII в. в начале Устава князя Владимира говорится, что князь Владимир «воспринял есть святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха Царегородьского» [30]. Однако Фотий жил и правил столетием раньше Владимира. То есть перед нами очевидное перенесение событий 860–862 гг. в 986–988 годы. При этом Лебедев отмечает, что в некоторых текстах русских летописей содержатся более обширные сведения о проповеди славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, чем в византийских и мораво-болгарских источниках.

Размышляя над вопросом, как могло произойти перенесение событий столетней давности во времена правления Владимира, ученый подчёркивает, что ПВЛ подвергалась неоднократной правке, при этом возражает предположениям некоторых исследователей, что редакторы хотели замолчать крещение 861 (862) г. при Аскольде в целях не компрометировать правящую династию в лице Олега, убившего Аскольда и восстановившего на Руси язычество, и умышленно приписать заслугу в деле просвещения Руси христианством одному князю Владимиру [31]. По мнению Лебедева, ситуация выбора веры 860–861 гг. вполне могла повториться на Руси к 986–988 гг. вследствие реставрации язычества князем Олегом: на Русь приходили мусульманские, иудейские и римские проповедники, организовывались новые посольства в Византию. Всё это отразилось в государственных документах. В них сведения о втором крещении Руси накладывались на записи про крещение при Аскольде в 861 (862) году. Составитель или редактор ПВЛ мог допустить, что всё описанное в документах происходило только при князе Владимире, и перенёс все свидетельства о выборе веры и крещении 861 (862) г. к 986–988 гг., исключив из текста имена патриарха Фотия, Кирилла, Мефодия и Аскольда как ошибочно включенные в повествование его предшественниками. Однако эти имена, по мнению Лебедева, попали в поздние документы из не сохранившихся самых первых русских записей.

Таким образом, согласно точке зрения протоиерея Льва Лебедева, в главном источнике по истории Древнерусского государства – ПВЛ – замалчивался факт крещения Руси просветителями славян Кириллом и Мефодием с целью оттенить факт отвержения христианства князем Олегом и его ближайшими преемниками, чтобы не разрывать историю обращения Руси в новую веру, что вполне оправданно с духовной точки зрения. Осознанный выбор веры был продолжительным, так как испытывалась и проверялась «свободная разумная воля» русского народа [32].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Греческий хронограф (скорее всего, подразумевается «Обозрение Истории» Георгия Кедрина конца XI – начала XII в.), «Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – к Александрийскому и прочая» патр. Фотия 867 г., свидетельство Константина Багрянородного (хроника Продолжателя Феофана), списки греческих епископий, зависевших от константинопольского духовенства (имеются в виду списки епархий из устава императора Льва Премудрого (Corp. Hist. Byzan. XXIII. P. 292, 327. Venet.).

2. История Византии. Т. II. М., 1967. С. 229; История Киева. Древний и средневековый Киев. Т. 1. Киев, 1982. С. 125; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

3. Лебедев Л. Крещение Руси. М., 1987. С. 77-78.

4. Согласно хронике Продолжателя Феофана, Василий I заключил «мирный договор» с росами и «устроил так, что они приняли епископа». Князь росов собрал народ и старейшин и предложил им принять христианство. Люди потребовали чуда. Тогда книга «Евангелие» была брошена в огонь и не сгорела. Пораженные величием этого чуда князь и народ крестились (Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я.Н.Любарский. СПб., 2009). По мнению Лебедева, всё вышеописанное могло происходить только в Киеве. В этом свидетельстве смущает тот факт, что Василий I стал императором в 867 году. В связи с этим можно заключить, что росы крестились после 867 года. Лебедев соглашается с мнением некоторых учёных, что Василий I мог вести переговоры с посольством росов, прибывшим «спустя немного времени» после 860 г. по поручению императора Михаила III как его фаворит и соправитель, так как иногда в русских летописях Михаила и Василия называют одновременно царями. В таком случае буквальное совпадение слов патриарха Фотия и Константина Багрянородного о том, что росы «приняли епископа», становится доводом в пользу факта крещения росов вскоре после 860 г., а не в 867 году. Л. Лебедев допускает и такой вариант развития событий, что при Фотии было совершено крещение русских и достигнута договорённость о принятии ими епископа, а позднее, в 867 г., на Русь приехал «архипастырь» и там была учреждена епархия (Лебедев Л. Указ. соч. С. 65-67).

5. Сохранилось в списках XV в. По мнению Б.Н. Флори, Житие Константина (ЖК) было написано между 869 г., когда умер Константин, и 880 годом. Эта более ранняя, чем дошедшая до нас редакция, отразилась в Итальянской легенде. Наиболее вероятно, что ЖК – плод совместного творчества Мефодия и его учеников. Известный нам отредактированный текст Жития Константина Философа относится к тому времени, когда составлялось Житие Мефодия. Анализ его содержания определяет этот момент – вторая половина 885 г., месяцы, непосредственно последовавшие за смертью Мефодия (Флоря Б.Н. Вступительная статья // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 114).

6. Сохранилось в списке XIII в. Житие Мефодия (ЖМ) было написано в ближайшее после его смерти (апрель 885 г.) время одним из его учеников. Как и в случае с ЖК, авторство ЖМ нельзя считать окончательно установленным. (Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 31). Старший список русской редакции ЖМ сохранился в составе Успенского сборника XII-XIII вв. (Словарь книжности и книжников Древней Руси): XI – первая половина XIV в / Под ред. Д.С. Лихачёва. Л., 1987. С. 162-163).

7. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 7, 28.
8. Там же. С. 16.
9. Лебедев Л. Указ. соч. С. 67. Согласно ЖК, в 861 г. Кирилл (согласно ЖМ, вместе с родным братом Мефодием) прибыл в Херсонес Таврический. В те времена Херсонес имел важное политическое значение, в особенности – как центр связи с союзной Византии Хазарией. Там Кирилл «нашёл Евангелие и Псалтирь, написанные “русскими письменами”, и человека нашёл, говорящего на этом языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, сравнив её со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их, и многие удивились ему, славя Бога». По мнению Л. Лебедева, упоминаемые в ЖК «русские письмена» – это русские буквы, русское письмо; о том, что русский язык и есть славянский, свидетельствует «Начальная летопись»: «Славянский же язык и русский един есть». Лебедев считает, что приведённый пассаж вполне правдоподобный: Кирилл быстро усвоил русское письмо, потому что был уроженцем г. Фессалоники (Солуни), в окрестностях которого жило очень много славян. Император Михаил III прямо сказал братьям: «Ведь вы солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски» (Лебедев Л. Указ. соч. С. 68; Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 77-78, 97).
10. «Сев на корабль, Константин (Кирилл) направился в Хазарию к Меотскому озеру (Азовскому морю) и к Каспийским воротам Кавказских гор» (Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 16).
11. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 83.
12. Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Апрель. С. 345-386.
13. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 75-92.
14. Там же.
15. Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 62, 66, 77.
16. Это очередное недоразумение, так как хазары не нападали на византийские владения (Лебедев Л. Указ. соч. С. 70).
17. Лебедев Л. Указ. соч. С. 71.
18. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 11.
19. Там же. С. 66.
20. Там же. С. 18.
21. Там же. С. 158.
22. Там же. С. 104.
23. Там же. С. 20.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников. / Под редакцией Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 102-111, 232-235; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 31, 61, 63, 88.
25. Цит. по: Карташев А.В. Указ. соч. С. 90.
26. Согласно ПВЛ, ещё до посольства от Владимира прислали греки к Владимиру философа со словами, что слышали они о посольствах от болгар и из Рима и учили Владимира принять свою веру. Затем сам Владимир сказал, что и евреи приходили проповедовать свою веру. Далее «философ» произнёс пространное поучение. Лебедев допускает, что его автором мог быть св. Кирилл Философ. По окончании речи философ показал «занавес», то есть икону на полотне, с изображением Страшного Суда. Примечательно, что в ЖК св. Кирилл тоже закончил свою проповедь напоминанием о суде над живыми и мёртвыми, а представители народа, с которыми общался Кирилл Философ, говорили, что каждый народ считает свой совет лучшим, что почти дословно соответствует совету старейшин князя Владимира: «...своего закона никто не бранит, но хвалит». Лебедев предполагает, что о по-

сольствах к Владимиру греки слышали от ещё какого-то русского посольства (Лебедев Л. Указ. соч. С. 74).

27. Как в ЖМ, в летописи текст поучения начинается с разъяснения догмата о Святой Троице, затем следует изложение догмата о Боговоплощении и заканчивается текст кратким описанием деяний всех Вселенских Соборов Церкви. Однако в ЖМ отсутствует упоминание о Седьмом Вселенском Соборе, в то время как в ПВЛ оно есть. Тексты ЖМ и ПВЛ совпадают не полностью: не все упомянутые в русской летописи имена присутствуют в первой главе ЖМ, не совпадают ни логика, ни последовательность повествования основных тем. По мнению Лебедева, здесь важно учитывать, что сначала было создано ЖК, из него многое было перенесено с изменениями в ЖМ, что у летописца могли быть тексты, восходившие к первоначальному Житию Кирилла.

28. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 143.

29. Цит. по: Карташев А.В. Указ. соч. С. 92.

30. Там же.

31. Протоиерей Лев Лебедев обосновывает свое несогласие тем, что ПВЛ не скрывает безнравственных поступков Владимира-язычника, что в летописи подробно описано обращение в христианство княгини Ольги и что, наконец, невозможно допустить «умышленный подлог» со стороны составителя или переписчика летописи в столь важном для русской истории событии.

32. Лебедев Л. Указ. соч. С. 76.

УДК 145.32

О СПЕЦИФИКЕ ДРЕВНЕГО РУССКОГО СЛОВА (на материале народного месяцеслова)

Г.В. Звездова

Аннотация

В статье описывается специфика древнего русского слова на материале русского месяцеслова. Автор рассматривает синкретизм как исходный принцип древнего русского словотворчества. Дана характеристика тропеистики русского народного календаря.

Современное общество, современное сознание, современная наука и школа вынуждены поставить в центр своего внимания Слово и жизнь в Слове.

Человек сегодня начинает вновь, как когда-то, в далекие древние времена, ощущать фибрами своей души грозную силу Слова, не только целительную и спасительную, но и мощно-разрушительную. Жесточайшая информационная война, в условиях которой живет современный человек, общество, едва выживающее в своей бездуховности и превратившее слово в расхожую монету, все это заставляет обратить наши взоры к исконным человеческим ценностям.

К таким ценностям принадлежит и народный календарь, который является не только человеческой памятью, но и свидетелем жизни многих поколений того или иного общества, этноса, а значит и сокровищницей живого национального слова на самых разных этапах его развития.

Народный календарь, являясь сокровищницей старой мифопоэтической народной речи, включает в себе духовную жизнь человека древнего и средневекового времени. Именно в нем (прежде всего в нем) мы находим те многочисленные обряды, наблюдения за природой, поверья, приметы, словом, образ мысли и образ жизни наших пращуров, образ древнего русского слова. (В этом отношении трудно переоценить языковые источники такого рода). Наиболее яркой иллюстрацией этому может служить удивительная для носителя современного русского литературного языка картина старых названий месяцев, картина, поражающая богатейшей палитрой языковых красок. В народном календаре это – наиболее древняя группа лексики, месяцеслов, который можно считать сокровищницей живого русского языка.

Б.А. Рыбаков [1], описывающий бесценные археологические находки: народные календарно-предметы (кувшин, чаша), – расшифровывая «черты» и «резы» Ромашковского гадательного круга IV века, восстанавливает как праславянские следующие названия месяцев: ПРОСИНЕЦЬ (январь), СЕЧЕНЬ (февраль), СУХЫЙ (март), БЕРЕЗОЗОЛ (апрель); ТРАВЕНЬ (май, апрель), ИЗОК (июнь); КРЕМЕНЬ (июнь); ЧЕРВЕНЬ (июль); СЕРПЕНЬ (август); ЗАРЕВЬ (август), РЮЕНЬ (сентябрь), ЛИСТОПАДЬ (октябрь), ПАЗДЕРНИКЪ (октябрь), ГРУДЕНЬ (ноябрь); СТУДЕНЬИИ (декабрь). Это подтверждается данными словарей И.И. Срезневского, М. Фасмера и В.И. Даля.

В словаре И.И. Срезневского не зафиксированы лишь «вересень» и «паздерник», о котором И.И. Срезневский пишет, что это польское «октябрь».

Все эти названия встречаются в памятниках, начиная с Остромирова Евангелия, затем активно используются авторами апокрифической литературы (Лунник, Громник, Аристотелевы врата и т.д.). Параллельно, лишь с некоторыми расхождениями, находим их в словаре В.И. Даля с пометой «стар».

Восстановить наиболее полно картину старых названий месяцев помогает, с одной стороны, сравнение данных древнерусского и современных славянских языков, с другой – сравнение их с данными русского народного месяцеслова [2]. Данные о названиях месяцев находим в исследованиях В.А. Миронова [3], Г.Д. Рыженкова [4], в словарях В.И. Даля [5] и И.И. Срезневского [6].

ЯНВАРЬ: сечень, просинец, просий, студень, огневик, снеговик, лютый, лютовой, трескун.

ФЕВРАЛЬ: сечень, межень, лютый, лютой, лютень, ветродуй, вьюговей, зимобор, снеговей, снежень, снежен, снежа, крутень, бокогрей, бокогреушко, враль.

МАРТ: березень, сухой, солнечник, березозол, солногрей, каплюжник, капелюжник, капельки, капитель, капельник, протальник, дорогорушитель, водотек, свистун, ветронос, парник, огородник, весновка, весновей, позимье, перезимник, зимобор, предвесенье, пролетень, пролетье, грачевник, разнопогодник.

АПРЕЛЬ: цветень, березозол, березозор: брезынь, березозоль, березень, капризник, обманщик, плут и лукавец, снегосгон, снеготок, водолей, водолом, ледолом, парильник, пролетень, красная горка, первоцвет.

МАЙ: травень, травный, цветень, розоцвет, майник («Украинцы зовут ярец...»), листоук, росеник, пролетень (летень), разнопашец, светодень, маковой.

ИЮНЬ: изок, кресень, кресник «небесный огонь (солнце) оживляющий», червень, червен, млечень, первотравье, муравник, разноцвет, розник, земляничник.

ИЮЛЬ: липец, червец, червень, сеностав, жарник, прибириха, страдник, грозник, громовик, косень, косатик, сенокосник, сенокосец, сенозарник.

АВГУСТ: серпень, зарев, густарь–густоед, густарник, зорничник, зарник, зарничник, хлебосол, хлебовень, капустник, разносол, ленорост, межняк, жнивень, прибериха, припасиха.

СЕНТЯБРЬ: вересень, вресень, руен, руин, рев, гроздобер, ревун, дождезвон, зоревик, зорев, северняк, хмурень, летопроведец, летопроводник.

ОКТЯБРЬ: октябрь–зазимник, листопад, листопадник, грязник, грудник, зазимник, предзимье, позимник, листовик, желтень, кисельник, крутоверть, хлебник, древопилец, капустник, паздерник (юж.).

НОЯБРЬ: грудень или груздень, груднь, груден, листокос, листопад (болг. падалист), чернотроп, курятник, студень.

ДЕКАБРЬ: студень, студень, хмурень, грудень, ветрозвон, ветрозим, ознобень, заверняй, заморозь, тянуга, служило, стужайло, лютовей, лютень, ледостав, ледостой, заледки, рекостав, просинец.

Сопоставим данные современных славянских языков:

Современный русский язык	Древне русский	Украинский	Белорусский	Польский
1	2	3	4	5
Январь	просинець	сичень	студзень (стычень)	styczen
Февраль	сечень	Лютий	люты (снежын)	luty
Март	сухий	березень березозол	соковік (сухий, березо- зол)	marzec
Апрель	травень, березозол, цветень	квітень	красавік (цветень)	kwiecień
Май	травень, цветень	травень, май	травень	maj
Июнь	изок, кресень	червень	чэрвень	czerwiec
Июль	червень, липець	липень	ліпень (чирвець)	lipiec
Август	серпень, заревь	серпень	жнівень (серпень, зарев)	sierpień
Сентябрь	Рюень	вересень	веросень (вресень, руин, руен, зарев)	wrzesień
Октябрь	листопадъ	жовтень	Кастрычнік (лис- топад, риень, паздерник, бру- день)	październik
Ноябрь	грудень (грудень)	лістопад	лістапад (грудзень)	listopad
декабрь	студень (студеныи)	грудень	снежань (прасінець) [7]	grudzień

Поистине каждый месяц живописуется словом-краской, при этом улавливаются самые разные признаки и приметы, но наиболее устойчивыми были названия, связанные с какими-то важными моментами или состояниями природы, животного и растительного мира, что отражает событийный характер старого восприятия времени [8].

Названия: РЮЕН, ЗАРЕВ (рев животных во время течки), ИЗОК (кузнечик), ЧЕРВЕНЬ (кошениль, мелкий червячок для покраски) – этимологи связывают с животным миром [9]; травень, вресень, кветень – с растительным миром и т.д.

Довольно много об этом мы находим в старой литературе XIX века.

«Название БЕРЕЗО–ЗОЛЬ = БЕРЕЗО–ЗОРЬ есть сложное. Вторая половина слова указывает на дѣйствие вешняго тепла, которымъ вызывается въ березахъ сладкій сок (ср. «зорить» ягоды – выставлѣть ихъ на солнце, чтобы они доспѣли) [10]).

ЗАРЕВЪ – август:

«Июнь обозначался как время стрекотания кузнечиков, появления комаров, слепней и оводов».

ИЗОКЪ – кузнечик: Красопѣвныи изок [11]. Не тѣчю бо изоци въ дождѣ се раждають, ни ини бечисмене родове.

ПРОСИНЫЦЬ – январь: Мца еноуара, просиньца рекомааго; Мцъ генъваръ, рекомыи просинець. «Образовано от СИНЦИИ – совершенного вида глагола СЪЯТИ. Указание на возрождающееся солнце».

СЪЧЬНЬ – февраль: Мцъ февваръ, рекомыи сѣченъ.

«С этим именемъ предки наши могли соединять мысль о переломе зимы, или еще вероятнее мысль о трескучих морозах. Декабрь, январь, февраль – месяцы издревле назывались волчьим временем, потому что зима, в образе волка, нападала тогда на божий мир и мертвила все своими острыми зубами». (См. там же).

Очевидно, что на уровне общеславянского можно говорить о наиболее подвижном названии – синкрете. Идет поиск нужного слова на фоне поэтического мировосприятия. При размежевании же диалектов праславянского языка, а затем формировании славянских национальных литературных языков происходит процесс, аналогичный процессу в обычной лексике, – образуются функциональные гиперонимы путем устранения гипонимов в устной речи. В народной же памяти, в устной речи эти названия удерживаются до сих пор, о чем свидетельствует проведенное сопоставление. Не случайны расхождения в словарях В.И. Даля (Д.) и И.И. Срезневского (Сл. Ср.) Интересные параллели приводит М. Фасмер (Ф.) [12].

ЧЕРВЕНЬ – июнь (Сл. Ср.) – июль (Д.);

БЕРЕЗОЗОЛ – апрель (Сл. Ср.) – май, апрель (Д.);

ТРАВЕНЬ – май, апрель (Сл. Ср.) – май (Д.);

ЦВЕТЕНЬ – нет (Сл. Ср.) – май, апрель (Д.);

ГРУДЕНЬ – ноябрь (Сл. Ср.) – декабрь (Д.);

ПРОСИНЕЦ – январь (рус.); декабрь (чеш., сербохорв.) (Ф.);

РЮЕН – сентябрь (рус.); РЮЕНЬ – октябрь (чеш.) (Ф.);

СЕРПЕНЬ – август (рус.); июль (серб.); июль, август (славен.) (Ф.);

ГРУДЕНЬ – декабрь, ноябрь (рус.); декабрь (укр.); ноябрь (старогуцульск.) (Ф.);

ЧЕРВЕН(Ь) – июнь, июль (рус.). ЧЕРВЕЦ – июнь (укр., пол.); июль (чеш.) (Ф.);

СЕЧЕН(Ь) [13] – январь (рус.); июль (сербохорв.) (Ф.).

Разумеется, не исключено, что некоторые наименования возникали на базе отдельных славянских языков в более позднее время по каким-то общим законам номинации, потому такие названия, как блр. КРАСАВИК (блр. красавадь – цвести), нуждаются в специальном конкретном исследовании с привлечением памятников и диалектов (Ср. в старобелорусском КВЕТЕНЬ).

Таким образом, для язычника с его пантеистическими, анимистическими и т.д. представлениями характерен был синкретизм мышления, который обуславливал, конечно же, синкретизм слова. Синкретизм как главное отличительное свойство древнего слова замечательно подтверждается материалом народного календаря.

Специфика семантики более поздней по происхождению календарной временной лексики была обусловлена ее связью с церковными святыми и с именами христианских святых [14], т.е. с антропонимической лексикой, которая занимает особое место в лексической системе языка. Антропонимы не выражают понятия в обычном смысле слова. Тем более имена христианских святых, пришедшие вместе с христианством на Русь, нередко загадочно звучали для русского крестьянина. Они выступали в роли символов, в которые народ-творец вкладывал самое разное, но близкое ему содержание.

Поскольку для язычника мерой всех отношений является природа, к которой он близок, которая его кормит и которая оберегает его, то герои церковных святцев наделяются самыми разными функциями, выполняемыми языческими богами. Простор творческой фантазии при этом по сути не имел пределов, возникает ощущение, что творцы месяцеслова соревновались в остроумии и сметливости. Вполне понятно, что святые приобретали образ обычных живых людей, получая порою нелестные «прозвания», что никак не отвечало христианскому этикету. При этом как живые лица воспринимались не только святые, но и месяцы, дни, недели, отдельные моменты суток, начиная с демонических существ: ПОЛУДЬНИЦА, ПОЛУНОЦНИЦА, ПОЛДЕНЬ.

Показательно, что в рассказах крестьян времена года представляли ближайшими родственниками, обычными людьми: Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница.

В основе языческого прочтения церковных святцев лежал древний, антропоморфный принцип восприятия мира, а стало быть, и времени [15].

Имена святых были живыми выразителями времени, которое «текло», «шло», «бежало», «летело», имело самые разные свойства, могло быть «добрым», «злым», «веселым», «грустным», «беспокойным», но всегда живым.

Таким образом, можно говорить о качественном характере не только языческого, дохристианского, но и средневекового народного времени. Если для книжнохристианского мировоззрения в качестве главной выступала оппозиция сакральное – бытовое время, то народному восприятию времени, отраженному в устной речи, были присущи весьма различные противопоставления: чет – нечет (добрый – злой), мужское – женское, благоприятное – неблагоприятное.

Достаточно привести перечень прилагательных, которые выступали как определения для различных единиц времени: мал, велик, ночной, дневной, тяжелый, злой, черный, бесчестный, лихой, плохой, вредный, худой (година, час, день).

Так, Касьян, олицетворение злого времени, имел до 10 определений – эпитетов: злой, завистный, ненавистный и т.д.

Некоторые представители старой филологической школы, например, мифологической, считали, что доминантой словотворчества в народном языке древнего периода являлась метафоризация в широком смысле слова, что, по их мнению, вполне отвечало художественному и поэтическому мышлению творца древнего слова.

И в современной научной и научно-популярной литературе пишут о том, что характерной и отличительной чертой временной лексики в народном календаре является способность к метафоризации, которая почти отсутствует у лексем, обозначающих время в современном русском языке [16]. На наш взгляд, правы те ученые, которые считают метафоризацию как таковую поздним явлением [17]. Безусловно, поздняя метафоризация имеет место в народном календаре. Применительно же к древнему слову мы можем говорить о ней условно (как о прагматической метафоре) в силу конкретно-образного восприятия мира древним человеком.

Поскольку речь в первую очередь должна идти об освоении времени древним человеком как бытийной категории, а также способах вербализации этой категории, то, очевидно, должно говорить прежде всего о гносеологическом содержании темпоральной лексики народного месяцеслова, и прежде всего – номенклатурных единиц.

В основе процесса вербализации времени в древний период лежало стремление выделить, выявить, наделить признаком, охарактеризовать обозначить именно это временное явление, событие. Время же в чистом виде еще не вычленилось и существовало синкретно с явлением действительности как атрибут природных ритмов, циклов и чередований.

Календарное христианское имя–символ было приспособлено к этому наилучшим образом, ибо многозначность, будучи главным свойством символа, позволяла через каждое частное явление воссоздавать целостный образ мира, и прежде всего, образ времени, без которого немислим образ самого этого мира.

Не случайно календарь в народе назывался «месяцесловом» – все его части (сезоны, месяцы, недели, дни, посты, праздники и др.) были поименованы. Вполне понятно, что освоение христианского средневекового календаря имело глубоко национальный характер, то есть имела место так называемая ментализация [18] освоения времени в целом конкретных временных явлений. Ментализация же календарного христианского имени–символа обусловлена была стремлением модифицировать многочисленный законосообразный природный мир и выступала как способ познать и зафиксировать познанное в слове.

Самая эта модификация выраженного в христианском календаре времени шла по пути наделения каждого временного момента, конкретного дня, недели, месяца характеризующим его признаком, свойством, близким и понятным носителю древнего русича: Параскева Трепальница (27 октября), Онисим Зимобор (28 февраля), Агафон Огуменник (4 сентября), Фекла-свекольника (1 сентября) и т.д. При этом одно имя могло иметь разные значения в соответствии с наделяемыми признаками. Объект номинации, т.е. календарная единица (день) может быть разным или одним и тем же. Параскева-Пятница – это и Параскева-Льняница и Параскева-Грязниха (10 ноября), и Параскева-Трепальница (27 октября): Никита-Гусятник, Никита-Репорез (28 сентября); Онисим-зимобор, Онисим-Овчары (28 февраля).

Показательно, что само имя собственное – признак, а потом официальное обозначение в Святцах дней по типу «День св. Аврелия» в народном календаре выступало просто как признак-антропоним, то есть просто имя, причем в разных вариантах: Зиновий, Федор Студий, Гурий (Гурьев день), Прокопий (Прокоп), Парамон, Варвара (Варварки), что является своего рода олицетворением на базе метонимии.

Нередко сами признаки–приметы отражают подлинно научные знания носителя древнего слова о мире и временных явлениях. Так, о 29 июня (день Св. Тихона Амофунского) в народе говорят: «С Тихона солнце идет тише». По свидетельству астрономов, солнце в эту пору «и взаправду “идет тише”»: к концу июня Земля сбавляет скорость движения вокруг Солнца по сравнению со скоростью на 1 января на 3600 километров в час.

Эту особенность небесной механики пытливый народный ум подметил как «застаивание Солнца» [19].

А вот как определенная дань христианскому сознанию выступает обращение к св. Тихону в молитве, основанной на игре слов: «Святой Тихон, утиши господи, болезни и вся недуги, зубные» [20]. Таким образом, реальный и мифологический план нередко сосуществуют и взаимодействуют в народном календаре.

В целом время в народном аграрном календаре выражалось посредством определения (самими разными способами) явлений действительности. Причем, имела место нерасчлененность имени–определения, она состояла прежде всего в том, что функционально (и в ономазиологическом плане) чрезвычайно важное место занимало приложение: Фекла-Заревница, Савватий-Пчеловод, Савватий-Пчельник, Анастасия-Овечница и т.д.

В подобных обозначениях доминировала образность, качественность, о чем свидетельствует также система суффиксов субъективной оценки, которые опять-таки помогают выразить событийный качественный характер времени.

Евдокия Свистуха (14 марта), Масляница-объедуха: деньгам приберуха; лето-припасиха, а зима подбериха, зимний денек с воробыный скок; январь–лютовей, трескун и т.д.

Существовали параллельные названия: ЧЕТВЕРГ – ЧЕТВЕРТОК; ПЯТНИЦА – ПЯТОК.

Удвоение определительно-выделительной функции при этом происходит также вследствие использования формы множественного числа подобных наименований (имя собственное + форма множественного числа): Мироны-Ветрогоны, Акулины-Гречишницы, Трифоны-перезимники, Матрены-Полуреппницы и др.

По этому образцу возникали и названия, не связанные с антропонимами: сороки (день сорока мучеников), мороки (время туманов), зазимки, калинники и пр.

К этим группам примыкает по существу и другая группа календарных обозначений, в которой определение включает глагол-императив с объектным управлением: Федор-Замочи хвосты, Акулина-Вздерни (задери) хвосты, Дарья-Обогати проруби, Арина-Урви берега и т.п. В качестве же главной формы специализации признаковое (особенно в ее качественном содержании) выступало все же имя прилагательное. Именно этим объясняется самое широкое использование в народном календаре этой части речи. В первую очередь это выражалось в том, что почти каждый день, неделя народного календаря могли обозначаться словосочетанием, включающим в себя термин и его определение: СЕМИЦКАЯ НЕДЕЛЯ, ДУХОВ ДЕНЬ, ТРОИЦКАЯ СУББОТА, ПОСТНАЯ НЕДЕЛЯ, ПЕТРОВ ДЕНЬ, СЕМЕНОВ ДЕНЬ, МАТВЕЕВ ДЕНЬ, ЮРЬЕВ ДЕНЬ и т.д. Переходной ступенью к подобным ССЧ служили обозначения типа Иван-день (ср. Иван-чай, Иван-травы), которые отражали более древний уровень нерасчлененности имени и его определения.

Часто сочетания прилагательных с соответствующим временным термином выступали в роли производящей базы для соответствующих *Nomina agentis*, и нередко те и другие существовали параллельно: КАСЬЯН – ЗАВИСТНЫЙ – ЗАВИСТНИК, МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ – МАСЛЕНИЦА, ИВАН – ПОСТНЫЙ – ПОСТНИК, СЕРГЕЙ – ЗИМНИЙ – ЗИМНИК и т.д.

Широко используется в процессе словотворчества при этом форма множественного числа: Петров день – Петровки, Харитин день – Харитины, Кузьмин день – Кузьминки и т.д.

Вероятнее всего форма множественного числа выступала в этом случае как особая форма номинации.

Как показывают наши материалы, широко использовались прилагательные цвета, «света» (атрибута святости в христианстве). *Светлое Воскресение, Святая Пасха, Святая Неделя, Святые вечера, Красное лето, Красная горка, Белый (Божий день), Красная суббота, Зеленые святки, Зеленая пятница.* К этой группе примыкают названия, которые фиксируются в других славянских календарях: СТРАШНЫ ВЕЧЕРА, ШИРОКИЙ, ЧИСТЫЙ ЧЕВЕРГ, ВЕЛИКОДЕНЬ, ЩЕДРЫЙ ВЕЧЕР, ЛЫСАЯ СЕРАДА, ГОЛУБЫ ЧАЦВЕР, КРЫВЫ ЧАЦВЕР, ЧЯРВІВА НЯДЗЕЛЯ, КРЫВЫ ТЫДЗЕНЬ, ВЕЛИКОДЗЕНЬ, ВЕЛИКОДЗНЫ ТЫДЗЕНЬ.

Чаще всего такие прилагательные обозначали не физические свойства объекта (цвет и свет), а имели качественное наполнение выражая, главным образом, сакральный смысл.

Подобно тому, как при осмыслении переводимых с греческого языка формул в книжно-письменной речи происходила ментализация – прием терминотворчества, при котором в заимствованный термин вкладывалось свое содержание, обусловленное русской языковой системой и особенностями национальной культуры, в народном календаре также имела место ментализация в широком смысле слова. Почти в каждое имя-символ народ вкладывал свое содержание, давая порою самое непредвиденное толкование его, т.е. народная этимология была необходимым условием освоения христианских святцев. Итогом такой ментализации христианского календаря явилось то огромное количество пословиц, поговорок, присловий на тему «Время и его приметы».

Они рождались, можно сказать, на признаковой основе по принципу паронимической аттракции, что убедительно подтверждает мысль о специфике старого мифопоэтического мышления, при котором «мысль направлена словом» и традиции которого активно под-

держивались народным календарем. При этом чаще всего рифма, форма служили выражением реального, точного смысла фразеологизма, хотя и непредвиденного толкования его: *Прокоп по снегу ступает, дорогу копает* (5 декабря, Прокопий), *Где прокопал Прокоп, там мужику и зимний путь*; *Прокоп дорожку прокопает, а Екатерина укатает*; *Корнилий святой из земли корневище долой* (26 сентября, Корнилий), *С Корнилия корень в земле не растет, а зябнет*; *Корнильев день на дворе, всяк корешок в своей норе, К Варварину дню зима дорогу заварит* (17 декабря, варварин день), *Варвара заваривает, Савва засалит, Никола закует*; *Варвара ночи урвала, ночи приточала*; *Воздвиженье* (27 сентября): *Кафтан с шубой сдвинулся, Воздвиженье тепло сдвигает, а холод надвигает* и т.д.

Все фразеологические обороты такого рода представляли собой обобщенно-личное предложение, что и способствовало их воспроизводимости в речи. Тем самым они приобретали статус структурной единицы, будучи в речи постоянно воспроизводимыми. Настоящее временное (с отсутствием векторности) переводит их смысл в объективную данность.

Рассмотрение материалов народного календаря показывает, что «временной язык» народного календаря афористичен и фразеологичен. Ему в высшей степени присуща качественность. Качественность эта иная, нежели качественность сакральной лексики, которая была оценочной в своем генезисе. Можно сказать на основании наших данных, что качественность в христианско-сакральной лексике была присуща корням и существовала чаще всего в словесинкрете.

Однако, очевидно, что качественность – синкрета получила дальнейшее развитие во временной лексике народного календаря, модифицируясь со временем в оценочные тропы. Произошла вербализация качественности – синкреты.

Безусловно, трудно сказать в какой степени процесс этот развивался в древности. Во временном лексическом материале, извлеченном из памятников древнерусского литературного языка, присутствует довольно незначительное количество пословиц на тему времени и фактически отсутствуют те многочисленные присловья, афоризмы, живущие в народном календаре и имеющие устную речевую традицию, отраженную в словаре В.И. Даля.

Пословица в народном календаре, например, предупреждает: *что посеешь – то пожнешь, поспешишь – людей насмешишь* и т.д.

По логике развития синкреты в ходе исторического развития ее должна происходить дифференциация качественности и способов ее представления. Вследствие этого материал, событийно и реально ориентированный, начинает активно представляться тропами, являющими качественность в новом виде.

Тропы эти носят самый разный характер. Прежде всего в языке народного календаря мы находим мифологемы: *Прокоп по снегу ступает, дорогу копает* (5 декабря, Прокопий), *Прокоп дорожку прокопает, а Екатерина укатает*; *Корнилий святой из земли корневище долой* (26 сентября, Корнилий), *Варвара ночи урвала, ночи приточала* (17 декабря, Варварин день), *Катерина на санях катит к Зимнему Егору в гости* и т.п.

Мифологема имплицитно несет в себе оценку, явно положительную.

Язык народного календаря исключительно метафоричен. Метафоричность в значительной своей части могла иметь поздний характер, когда человек стал способен выразить в слове более тонко и разветвленное наблюдения над природой и взаимодействием самых разных явлений ее (сходство или контраст как основа тропа): *Корнильев день на дворе, всяк корешок в своей норе, Воздвиженье* (27 сентября): *Кафтан с шубой сдвинулся, Воздвиженье тепло сдвигает, а холод надвигает*; *Ноябрь – зимы запевка, ворота зимы, август – венец лета* и т.д.

Часто встречается в лексике народного календаря и прием олицетворения, который также присущ фольклорно-поэтическому языку, так как антропоморфный принцип, свойственный старому языку, вполне отвечал событийному характеру времени в народном календаре.

Персонификация, перенесение человеческих качеств на время, делало его живым и близким (языческие представления): Касьян худой, Касьян злой; Иван постник; Введение идет, за собой Прокопа ведет, Батюшка август работой–заботой мужика крутит, да после теплит; батюшка юг пустил ветер на овес–долгорост и др.

Довольно многие тропы имеют двойственную структуру, представляя качество одновременно разными тропеическими способами:

К Варварину дню зима дорогу заварит (метафора+олицетворение).

Федоровы ветры голодным волком воют (олицетворение+сравнение) и т.п.

Многочислен в народном календаре ряд эпитетов, носящих сакральный смысл: СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ, КРАСНАЯ ГОРКА, ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ, БЕЛЫЙ ДЕНЬ и т.п.

Язык народного календаря отличается богатая вариантность лексических средств, обилие смысловых синонимов и относительных тождеств [21] о сакральной отнесенности или календарной принадлежности: *Светлое Воскресенье, белый день, Божий день; Петров день – Петр и Павел, Петры и Павлы; Алексей Водотек – Алексей Теплый; Дарья грязные проруби – Дарья Поплавиха; Никола Вешний – Никола Теплый; Леонтий Огуречник – Леонтий Конопляник* и т.д.

Вариантность, основанная на регистрации природных свойств, особенно богата.

Иногда вариантность создается вследствие фиксации Христианско–церковного и фенологического или функционального признака: *Георгий Победоносец – Георгий Вешний, Самсон Странноприимец – Самсон Сеночной; Давид Солунский – Давид Земляничник* и т.д.

Подводя итоги изучению материалов русского народного календаря, можно сказать, что он представляет в определенном смысле итог длительного исторического развития временной (календарной) лексики, начиная еще с праславянской эпохи, а также своеобразный итог развития русского временного слова в его историческом и функциональном аспектах.

Являясь отражением особого рода вербализации категории времени, содержащей специфику старого поэтического типа мышления, отвечавшего естественному единению человека с природой в древности, народный русский календарь дает весьма ценный лингвистический материал по проблеме языкового времени.

Естественный циклизм, на который ориентировался обычный крестьянин средневековья в своей повседневной жизни, деятельности и отдыхе, не мог не получить отражения в языке. Народное (бытовое) время в отличие от христианско-календарного было в значительной степени структурировано в языке в виде многочисленных поговорок, присловий, сопоставлений, сравнений, обладающих свойством воспроизводимости. Старая «метафоричность» временного языка с синкретностью лексемы получила новые способы выражения в виде богатой оценочной фразеологии и лексических средств тропеического характера.

Живой и событийный характер времени в народном календаре обуславливал богатую вариативность его временной лексики.

Вершиной словотворчества в русском народном календаре явилось множество устойчивых формул, заключающих не только календарную информацию, но и народную мудрость, свидетельствующую о высокой степени соприродности древнего человека, который стремился понимать природу, наблюдать за ней, быть во времени и с временем. Тем самым обеспечивалась гармония взаимодействия человека и мира.

Особенно ярко это проявляется в многочисленных фенологических, астрономических и других ежедневных природных наблюдениях. В русском календаре их по крупицам собирали такие сподвижники, как В.А. Мионов. Частично они содержатся и в работах А.Ф. Некрыловой и Г.Д. Рыженкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Народный календарь. Свердловск, 1980.
2. С целью наибольшей полноты языковой характеристики народного календаря берем не только названия месяцев как таковые, названия-термины, но и всевозможные слова-характеристики, передающие синкретизм народного слова.
3. Миронов В.А. Двенадцать месяцев года. М., 1991. С. 64-97.
4. Рыженков Г.Д. Народный месяцеслов. Пословицы, поговорки, приметы, присловья в временах года и о погоде М., 1991. С. 56.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1978. С. 3460.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка в 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 574.
7. Для белорусского языка приводятся еще названия, бытовавшие в старобелорусском языке (Дашкевич А.И. Беларускі народны каляндар. Минск, 1993).
8. Ср. измерение времени в эпосе периодами сельскохозяйственных работ, как например, в сказке о Кощее Бессмертном.
9. Опираемся на словарь М. Фасмера.
10. Афанасьев А.Н. Древняя жизнь. М., 1983. С. 12.
11. Здесь и далее примеры употребления приводятся по словарю Срезневского.
12. Для русского языка мы учитывали также диалектные данные языков.
13. См. соответствующие страницы указанных словарей.
14. О разных взглядах на специфику этой группы и вообще ономастической лексики см. литературу: Резник Д.Г. Место ономастики в лексике языка / Ученые записки Душанбинского педагогического института. Т. 40. Вып. 16. 1963; Реформатский А.А. Топонимика как лингвистический факт: Топонимика и транскрипция. М., 1964; и др.
15. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с описаниями крестьянского жилища, декоративного убранства русских и в целом славян и т.п. (Щапов А.П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия / Его же. Соч. Т. 1. СПб., 1906; Соколов М.И. Славянская книга Еноха Праведного. М., 1910; Рыбаков Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство, 1975. № 1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
16. Само собой разумеется, что проблема разграничения древних и новых явлений в языке месяцеслова чрезвычайно сложна и будет затронута нами частично. См. народные календари под редакцией Г.Д. Рыженкова, А.Н. Некрыловой.
17. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
18. Верещагин Е.М. У истоков славянской терминологии: Ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 105-114.
19. Стрижев Л.Н. Календарь русской природы. М., 1973. С. 126.
20. Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 72.
21. Лосев А.Ф. Проблема вариантного функционирования поэтического языка // Его же. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 408.

УДК 81'42; 801.7

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ДВОЙСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Н.А. Азаренко

Аннотация

В статье анализируется фигура экспрессивного синтаксиса антитеза, которая отражает мировидение Ф.М. Достоевского, предопределена творческим методом писателя и служит одним из основных художественных приемов, на которых построен не только роман «Братья Карамазовы», но и творчество писателя в целом.

В результате исследования творчества Достоевского мы пришли к выводу о том, что великий писатель нашел и реализовал в своем творчестве новый художественный метод. На наш взгляд, его можно назвать методом христологической метафоризации персонажей и пространства, в соответствии с которым всё творчество Достоевского, и в особенности романы «великого пятикнижия», можно рассматривать как эксплицитную или имплицитную метафору, основанную на явном или скрытом сравнении художественного содержания романов Достоевского с реалиями и фактами Священного Писания.

Специфику и новизну художественного метода Достоевского отметил (но не дал терминологического определения) ещё Н.А. Бердяев, который писал о том, что «Достоевский прежде всего великий антрополог, экспериментатор человеческой природы. Он открывает новую науку о человеке и применяет к ней *новый, небывалый до сих пор метод*» [1].

В современной науке выяснение природы и сущностных характеристик явления метафоризации ведется преимущественно в двух принципиально различных направлениях – семантическом и когнитивном. Первое направление описывает механизм и результат переноса, основываясь на концепциях значения. Когнитивное же направление использует для этой цели в первую очередь понятие аналогии [2], что представляется наиболее адекватным применительно к интерпретации художественных текстов.

Как справедливо замечает Н.А. Мишанкина, «понимание метафоры в этих условиях значительно трансформируется по отношению к традиционному взгляду, включавшему в сферу метафоры художественный троп и один из способов развития лексического значения, базирующиеся также на принципе аналогии» [3]. Можно утверждать, что для современной когнитивной лингвистики актуальны представления, базирующиеся на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], о том, что метафора – это не троп, использующийся для украшения речи или наглядности, а основная ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, феномен не только и не столько языковой, сколько когнитивный, психический. Как пишет Ю.В. Щурина, метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, представляя собой особого рода схемы, по которым человек думает и действует. В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата [5]. Соответственно, анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания [6].

В соответствии с вышеизложенным в науке не подвергается сомнению, что анализ метафорических значений и способов их выражения позволяет дешифровать представления о мире конкретного человека и, если речь идет о художественном произведении, максимально определить смысл, вложенный автором в свое творение, в том числе бессознательно.

Эта особая функция художественной метафоры определяется ее максимально широкими возможностями: наряду с информативной функцией, метафора обладает широким спектром прагматических возможностей (эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных). Ученые обращали внимание также и на моделирующую функцию метафоры, которая способна изменить видение мира «адресата» (особенно художественного произведения. – Н.А.), способ восприятия им окружающей действительности [7].

Таким образом, метафора выступает как базовый гносеологический механизм для создания ментального пространства, связанного с представлением в первую очередь тех сущностей, которые не могут быть познаны путем непосредственного первичного восприятия. В основе данного механизма лежит принцип аналогии и ассоциации.

Если говорить о Достоевском, то «его» метафора отличается особой противоречивостью, смешанностью, ломаностью. Поскольку такая метафора приводит к объединению логически несовместимых понятий, ее можно назвать двойственной метафорой. Такая противоречивость обусловлена тем, что в творчестве Достоевского разработаны все ипостаси противоречивого, двойственного, склонного к полярным проявлениям национального сознания, где первый, отрицательный полюс – это, по Достоевскому, все «изломанное, фальшивое, наносное и рабски заимствованное» [8]. Второй, «положительный» полюс национальной ментальности Достоевский маркирует такими понятиями, как «простодушные, чистота, кротость, широкость ума и незлобие» [9].

В целом можно сказать, что теория образов Достоевского, если отвлечься от нюансов, есть теория метафоры, но метафоры особой, крайне субъективной, двойственной. Именно этим определяется и другая особенность его творчества – дихотомичность, или контрастивность, представляющая собой один из важнейших композиционно-речевых приемов языковой организации и развития структуры художественного текста, основанный на противопоставлении образов и планов описания и позволяющий раскрыть сложное диалектическое противоречие изображаемого [10]. Это «взаимное противопоставление синтагматически соположенных, сосуществующих единиц» [11] в тексте художественного произведения объективируется фигурами речи, состоящими в антонимировании лексических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности.

В творчестве Достоевского данная особенность проявляется в уникальном соединении и взаимопроникновении *метафорических* эксплицитных или имплицитных противопоставленностей и противоположностей, вследствие чего все произведения Достоевского изобилуют таким средством художественной выразительности, как антитеза. Контраст как конструктивный принцип построения текста литературного произведения по своей природе шире и содержательнее фигуры антитезы, но именно она чаще всего реализует противоположность на собственно языковом уровне при помощи языковых или речевых (контекстуальных) антонимов.

Эта дихотомичность художественного творчества, безусловно, обусловлена и предопределена особенностями веры самого Достоевского, который об этом в знаменитом письме Н.Д. Фонвизиной писал следующее: «Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» [12].

Многие исследователи отмечали эту специфику мировосприятия Достоевского, так, например, Д.С. Мережковский назвал его «бесстрашным испытателем божеских и сатанинских глубин» [13]; близкое заключение делает французский славист Луи Ален, который пишет об

авторе «великого пятикнижия» следующее: «Верный Христу всю жизнь, Достоевский, однако, переживал моменты помрачения веры в Бога» [14].

Такое понимание веры разделяет Н.А. Бердяев, который говорит о том, что вера – это отнюдь не конец человеческой трагедии, борьбы и страданий, не наступление райской жизни. По его мнению, это ошибочное понимание веры: вера есть «начало трудного пути, начало героической борьбы... Верующий продолжает нести на себе тяжесть мировой необходимости, разделяет тяжесть неверующих. Верующий проходит через испытания, сомнения, *раздвоения* (курсив наш. – Н.А.)...» [15].

Думается, что только такое понимание веры, определившее мировосприятие Достоевского, дает ключ к адекватному осмыслению сущности художественного наследия русского гения.

В современном достоевсковедении хрестоматийным стало утверждение о двойственности героев Достоевского, о том, что большинство из них, так же как сам писатель, мечутся между верой и неверием, склоняясь то к одному, то к другому полюсу в зависимости от того, чей голос – Бога или дьявола – оказывается более сильным в каждый конкретный момент.

Уже на первых страницах романа читатель оказывается вовлеченным в эту «контрадикторность» повествования: «**Чудак** (номинация Алеши)... *носит в себе иной раз **сердцевину** целого, а **остальные** люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него **оторвались***». Последнее из процитированных нами предложений представляет собой фигуру экспрессивного синтаксиса антитезы, члены которой («чудак» – «остальные»; «носит сердцевину» – «оторвались») можно определить как контекстные антонимы, выражающие индивидуально-авторское мировосприятие, дихотомичное по своей сути.

В названном ряду особый интерес представляет первое противопоставление, которое позволяет выделить образ Алеши из всех остальных и отсылает нас к главному персонажу Нового Завета, позволяя определить образ Алеши Карамазова как метафору, основанную на уподоблении литературного героя евангельскому Богочеловеку. Языковые средства безапелляционно об этом свидетельствуют: помимо вышеназванных номинаций сближению литературного героя и главного героя Нового Завета способствуют следующие контексты. «...**Людей он** (Алеша) **любил**: он, казалось, всю жизнь жил, **совершенно веря в людей**...»; «**Что-то было в нем, что говорило и внушало, что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нисколько не осуждая, хотя часто очень горько грустя**»; «**Являсь к отцу... в вертеп грязного разврата, он** (Алеша), **целомудренный и чистый**, лишь молча удалялся, когда глядеть было нестерпимо, но без малейшего вида презрения или осуждения кому бы то ни было».

Последняя цитата, также выраженная в форме развернутой антитезы, представляет собой метафорическую характеристику не только Алеши, но и его антипода – отца, прямо названного далее «бесовым сыном».

Помимо прочего, об однозначной христологической метафоричности образа Алеши Карамазова говорят следующие слова Зосимы, обращенные к своему духовному ученику и сыну: «**Благословляю тебя на великое послушание в миру... В тебе не сомневаюсь.... Горе узришь великое и в горе сам счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи**».

Именно Христос, и никто другой, совершил подвиг великого (именно великого) послушания в миру. Именно Христос «горе узрил великое» (опять же именно великое), в горе счастлив был и просил о милости Божьей и прощении для тех, по чьей вине узрил это великое горе. Сам Христос и его жизнь есть соединение несоединимого, и закономерно, что при характеристике хриstopодобного героя Достоевский использует такое средство экспрессивного синтаксиса, как антитеза, выраженное предикатами «(горе) узришь» – «счастлив будешь».

Известно, что христианство воспринято Достоевским в его народной адаптации, о сути народной веры в романе «Братья Карамазовы» читаем следующее: «...для смиренной души

русского простолюдина... нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого: «Если у нас **грех, неправда и искушение**, то все равно есть на земле там-то, где-то **святой и высший**; у того зато **правда**, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь воцарится по всей земле, как обещано». Многочленное сложное предложение с бессоюзной и союзной подчинительной связью также представляет собой развернутую антитезу (грех, неправда, искушение – святой, высший, правда).

Как известно, Достоевский свято верил в особое предназначение старчества на Руси, и закономерно, что, говоря о методе сакрализации персонажей, нельзя не отметить особую роль, отведенную писателем для старца Зосимы: если образ Алеши являет собой метафору Бога Сына Иисуса Христа, то монологи Зосимы указывают на возможность определить его в качестве метафоры Бога Отца (помимо прочего, на это метафорически указывает и то, что Зосима многократно называет Алешу «сыном»). Достоевский назвал старца Зосимой (от греч. Ζῳον – живой, живущий) не случайно: этим он одновременно усилил обобщенно-символическую трактовку этого персонажа. Зосима действительно живой, так как он, подобно Богу, возвращает к жизни приходящих к нему людей: «(Люди) **входили в страхе и беспокойстве**, а выходили от него почти всегда **светлыми и радостными**, и самое **мрачное** лицо обращалось в **счастливое**».

Из процитированного отрывка видно, что для описания деяний старца Зосимы Достоевским вновь используется антитеза, основанная на противопоставлении света, радости и счастья мраку, страху и беспокойству.

О самом старчестве в романе читаем следующее: «...**тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию**... может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иного (то есть неверующего или верующего поверхностно), *пожалуй, приведет вместо смирения... к самой **сатанинской гордости**, то есть к **цепям**, а не к свободе*». И снова процитированное сложноподчиненное предложение с придаточным следствия представляет собой развернутую антитезу, противопоставляющую свободу, нравственное совершенствование и смирение сатанинской гордости. Контекстная антонимичность названных понятий выражается также с помощью противительного союза «а», противопоставляющего члены приложений, вводимых пояснительным союзом «то есть», который свидетельствует о том, что внутри антонимичных групп члены соотносятся друг с другом как контекстные синонимы.

Убежденность Достоевского в двойственной природе людей распространяется на всех персонажей, даже на таких избранных, как старцы, в числе которых и старец Зосима. Он говорит, что в кадетском корпусе «*преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое... Библию же... никогда почти в то время не развешивал, но никогда и не расставался с нею*» [16]. Использованное Достоевским существительное «существо» (второй омоним), в определении которого заключено недифференцированное значение живого организма – как человека, так и животного [17] – выражает сущность внутреннего мира будущего старца во времена его молодости, его прошлую раздвоенность (для Достоевского человек и зверь (не животное!) – антонимичные понятия). Антитезность приведенному отрывку сообщает указание на существование в жизни этого «существа» – получеловека, полузверя – святой книги Библии, с которой он *никогда* (отрицательное местоименное наречие «никогда» в данном контексте свидетельствует о вневременности, постоянности действия, названного глаголом) не расставался, что и обеспечило возможность победы человека над животным в душе будущего Зосимы. Но Библия «*никогда почти не развешивалась*», что снова вносит антонимичность в контекст, хотя и приглушенную, чему способствует употребление наречия меры (градуатора) «почти», разрушающего указание на абсолютное постоянство определяемого действия.

Достоевский, как уже говорилось, был убежден в наличии где-то глубоко спрятанного светлого начала (так же, впрочем, как и темного) во всех без исключения персонажах, даже в

таком порочном, как Федор Павлович Карамазов. Видимо, именно этой двойственностью можно объяснить впечатление, произведенное Федором Павловичем на его первую жену, представленное также в форме антитезы: Аделаида Ивановна думала, что он *«один из смелейших... людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда как он был только злой шут, и больше ничего»*.

Об этой же неравной двойственности свидетельствует и следующая характеристика Федора Павловича, доверенная повествователю: *«...развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз... духовный страх и нравственное сотрясение... "Душа у меня точно в горле трепещет в эти разы", - говаривал он иногда»*. И снова перед нами развернутая антитеза, являющаяся по сути формулой мировосприятия самого Достоевского.

Об этом же свидетельствует и следующий монолог Федора Павловича: *«...дух нечистый, может, во мне заключается, небольшого, впрочем, калибра, поважнее-то другую бы квартиру выбрал... Но зато я верую, в Бога верую. Я только в последнее время усумнился...»*. И вновь видим развернутую антитезу, но мы бы определили ее как стилистический прием особого рода, состоящий не из двух антонимичных членов («дух нечистый заключается» – «в Бога верую»), а из трех. Лишний элемент («усумнился») заключен в последнем предложении, которое как бы подытоживает неразрешимость борьбы Бога и дьявола в сердце Федора Карамазова, что, на наш взгляд, является выражением и подтверждением постулата о дихотомичности мировосприятия Достоевского, нашедшем выражение в его творчестве.

Об этой же неразрешимой противоречивости в душе Федора Павловича свидетельствует и следующий факт. Споря о существовании Бога и бессмертия, Иван и Алеша приходят к противоположным, что закономерно, убеждениям. Присутствующий при этом Федор Павлович говорит: *«Гм. Вероятнее, что прав Иван»*. Гипотетическую модальность выражает не только модель междометного предложения, но и главная часть сложноподчиненного предложения, выраженная предикативным компаративом, также выражающим вероятностную модальность, свидетельствующую о сомнениях, существующих в душе Федора Павловича. Но, несмотря на гипотетические конструкции, в душе большого грешника все же одерживает победу тьма, о чем свидетельствует придаточная часть анализируемого сложноподчиненного предложения.

Абсолютность борьбы pro и contra как в самом Достоевском, так и в персонажах его произведений максимально показывает тот факт, что не оказался свободным от сомнений даже хриstopодобный Алеша Карамазов, что оказывается, между тем, вполне закономерным, учитывая его происхождение, для описания которого, как всегда, оказывается совершенно необходимой антитеза: *«по отцу сладострастник, по матери юродивый»*. Об этой же двойственности говорит Алеше и его брат Митя: *«...в тебе, ангеле, это насекомое (сладострастие) живет и в крови твоей бури родит»*. Снова перед нами соединение несоединимого (ангел – сладострастие (насекомое)), выраженное в форме контекстной антитезы.

Сам Алеша тоже чувствует сложность своей природы: *«Знаю только, что и сам я Карамазов... А я в Бога-то вот, может быть, и не верую»* [18]. Вводное сочетание, выражающее гипотетическую модальность, свидетельствует о глубинных противоречиях, существовавших в душе Алеши до мистического акта в келье старца Зосимы, когда Бог в душе Алеши окончательно победил дьявола.

Алеша тоже носит фамилию Карамазов, и этим уже многое сказано: он «мазан карой» по отцу, так как внутренняя форма этой фамилии включает элемент «кара», который на тюркских языках значит «черный». Разумеется, как и во всех случаях, имело место метафорическое наполнение слова «черный», имеющее значение, близкое к значению слова «кара» – «наказание, возмездие».

Алеша должен был пройти через «горнило сомнений», подобно самому Достоевскому, который в своей предсмертной записной тетради именно в связи с романом «Братья Карамазо-

вы» напишет о себе: «Не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое **горнило сомнений** моя осанна прошла» [19].

Заблуждение Алеши заключалось в том, что почитание он превращает в культ: Алеша возводит своего духовного отца в ранг святых и соблазняется идеей человекобожия. Все это приводит к бунту против настоящего Бога, и этот бунт не что иное, как горе, в понимании Достоевского, доказательство чего, как всегда, находим в отборе лексических средств. Так, семинарист Ракитин говорит об Алеше: «У него (Алеши)... *горе... Он против Бога своего взбунтовался*».

Оказалось, что Алеша больше верил в человека, чем в Бога. Подобно своему брату Ивану, Алеша не хочет принять Божьего мира: «*“Я против Бога моего не бунтуюсь, я только мира его не принимаю”*, – **криво** усмехнулся вдруг Алеша» [20]. Сомнения Алеши обусловлены борьбой в его душе Бога и дьявола: голос последнего усилился вследствие ослабления веры Алеши. Внешним проявлением этого стала «кривая» усмешка.

Известно, что в сознании русского человека разного рода кривизна связана с темным, бесовским началом [21]. Считается, что дьявол водит неизменно кривыми путями. Данный факт нашел отражение в пословицах и поговорках, отражающих народное сознание: *Бог дал (дает) путь, а черт (дьявол) крюк; Бог кажет путь, а черт вкинул крюк; Душой кривить – черту служить; Люди дорогой, а черт стороной* [22]. Наличие сем «темный», «бесовской», «ложный», «несправедливый» в слове «кривой» и однокоренных образованиях последовательно фиксируется различными словарями.

Таким образом, едва ли можно считать случайным появление кривой улыбки на лице Алеши в момент помрачения в его душе: совершенно очевидно, что именно дьявол, воцарившийся на время в душе Алёши, вызвал не только бунт против Божьего мира, но и появление кривой усмешки на лице.

Это же значение «кривизны» метафоризируется существительным «переулок» в полубессознательных (что очень важно) мыслях Алеши о Ракитине по возвращении в келью: «*Ракитин ушел в переулок. Пока Ракитин будет думать о своих обидах (то есть пока не придет к Богу), он будет всегда уходить в переулок... А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная, и солнце в конце ее...*». Перед нами развернутая метафора, выраженная в форме антитезной конструкции: второе предложение, в противоположность предыдущему, реализует метафоризацию святости, праведности, божественности, и средством метафоризации являются прилагательные «прямой» и «светлый», являющиеся в языковой картине мира Достоевского контекстными синонимами. Метафорическое значение существительного «солнце» в приведенном контексте можно определить как синкретичное, объединяющее в себе значения Бога и рая.

Урок любви и доброты Алеша получает у Груши, и это уверяет его в существовании Бога. Можно сказать, что Алеша и Грушенька помогают друг другу увидеть Всевышнего. Момент окончательного прозрения обоих персонажей описывается Достоевским с помощью антитезы, призванной показать кардинальность изменений, приведших к окончательной победе Бога над дьяволом в их душах. Так, Алеша говорит: «*Я шел сюда (к Груше) злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую...*» [23].

Демоничность в творчестве Достоевского связана с непереносимой злобой, что нашло свое выражение в первом члене описываемого противопоставления. С другой стороны, любого рода праведность и святость определяется Достоевским с помощью лексем, однокоренных с «любить» и «искренно», что и реализуется во второй, положительно маркированной части антитезы, где Грушенька номинируется с помощью таких языковых средств, как словосочетания с инверсионным порядком членов «сестра искренняя» и «душа любящая», а также с помощью существительного «сокровище», реализующего переносное экспрессивное значение «очень ценный, дорогой» [24].

Итак, судьбоносная встреча Алеши и Груши произошла в момент, когда в борьбе начал в их душах победу, хоть и кратковременную в случае с Алешей, одержала тьма. Соблазненная сатаной, Груша хотела соблазнить Алешу, для чего Достоевским используется метафорическое употребление глагола «проглотить», выражающего в данном контексте значение, не зафиксированное ни одним из словарей, которое можно сформулировать примерно следующим образом: «сбить с пути истинного в сторону греха»: «...его (Алешу) *прогложу. Прогложу и смеяться буду*». Чтобы подчеркнуть степень одержимости Грушеньки до момента ее возрождения, названную метафору Достоевский использует в лексическом повторе.

Нечестивое состояние Грушеньки подчеркивается и с помощью другой метафоры, которую правильнее было бы назвать обратной или, что, на наш взгляд, точнее, мнимой метафорой. О своем положении Груша говорит: «...*связана я ему* (старик купцу Кузьме Кузьмичу Самсонову) *и продана, сатана нас венчал*» [25]. Мы определили названную метафору как мнимую, основываясь на известных особенностях мировосприятия Достоевского, для которого это отнюдь не переносное употребление слов: душа и тело Груши действительно были не чисты, она пребывала во тьме, где властвует именно сатана, и не освещенные Богом союзы мужчины и женщины действительно находятся в компетенции противника Бога, устраиваются по его воле.

Для определения связей вне церковного брака писатель использует перифраз «худое дело», определительный компонент которого выражен лексико-семантическим архаизмом, с точки зрения современного русского языка, то есть языка конца XX – начала XXI века. Значение, реализуемое в названном контексте прилагательным «худое», можно определить в контексте мировосприятия Достоевского как «греховное», несмотря на то что современные словари не фиксируют у звукового комплекса «худой» названного значения [26]. Прямое же значение второго омонима «худой» – «плохой, дурной», на наш взгляд, не полностью покрывает информацию, реализуемую прилагательным «худое (дело)» в рассматриваемом контексте. В данном случае мы имеем дело с явлением приращения смысла в художественном тексте.

Возвратясь к ключевому моменту в судьбах Грушеньки и Алеши, продолжим предпринятый анализ тщательно отобранных Достоевским языковых средств. Так, мы читаем, что благодаря «луковке» Грушеньки в душе Алеши воцарилось «*что-то целое, твердое...*» [27]. Неопределенное местоимение «что-то» в данном контексте выражает значение «Бог», именно он окончательно воцарился в душе Алеши. На наш взгляд, использованный Достоевским глагол «царить» синкретно выражает сразу два переносных (метафорических) значения: во-первых, «превосходить всех (в нашем случае – бесовщину) в каком-нибудь отношении», во-вторых, «господствовать (опять-таки над бесовщиной)» [28].

После того как душа Алеши очистилась от сомнений и раздвоений, стала «целой» (см. выше), он, обновленный, пришел в келью к «своему» старцу, где увидел мистический акт воскрешения Зосимы. Из другого мира старец говорит о безмерной любви Бога к человеку, и после этого божественного откровения Алеша выходит из кельи на улицу уже способный оценить неописуемую красоту сотворенного Богом мира, свидетельствующую об этой любви. Мы читаем о том, что вся душа Алешина трепетала, «*соприкасаясь мирам иным*». Обнимая землю, он ощутил, «*как что-то твердое и незыблемое, как... свод небесный, сходит в душу его... Какая-то как бы идея воцарилась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков*» [29]. Алеша почувствовал, что в душе его воцарился Бог, изгнав навсегда сомнения, порожденные его оппонентом, а с ними исчезла и антитеза из последующих фрагментов текста, описывающих Алешу. Неслучайно, по словам самого Достоевского, глава «Кана Галилейская» – «самая существенная во всей книге, а может быть, и в романе» [30].

В целом, можно сказать, что весь анализируемый роман, так же как и другие романы «великого пятикнижия», в соответствии с теорией двойственной метафоры писателя, построен по принципу антитезы. Дихотомичность мировоззрения самого Достоевского, выраженная

в этой фигуре экспрессивного синтаксиса, нашла отражение во всех образах, в том числе таких «избранных», как Алеша и старец Зосима. Несмотря на кажущуюся однозначность, можно сказать, что даже придуманный Достоевским и приписанный Ивану метафорический образ «фрусских мальчиков», лишенный каких-либо возрастных характеристик, соединяет в себе и позитивное, и негативное – всемирное сострадание и страсть к перекраиванию мира, на что они не имеют ни прав, ни сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 2. М., 1994. С. 30.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора*. Материалы к словарю. М., 1991.
3. Мишанкина Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики (ВКЛ)* 2010. № 1. С. 41.
4. Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2004.
5. Щурина Ю.В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе // *ВКЛ*. 2009. № 4. С. 116.
6. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург, 2001. С. 12.
7. Рикер П. *Живая метафора* // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 425.
8. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.: в 30 т.* Т. 15. Л., 1976. С. 49-50.
9. Там же.
10. *Русский язык: Энциклопедия* / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2003.
11. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1969. С. 207.
12. Достоевский Ф.М. *Письма*. Т. 1. М., Л., 1928. С. 112.
13. Мережковский Д.С. *Толстой и Достоевский: Вечные спутники*. М., 1995. С. 214.
14. Ален Луи. *Достоевский и Бог*. СПб., 1993. С. 48.
15. Бердяев Н.А. *Лев Шестов и Киркегор* // *Его же. Собрание сочинений*. Т. 3: *Типы религиозной мысли в России*. Т. 4. Paris: YMKA-press, 1989. С. 401.
16. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.: в 30 т.* Т. 14. Л., 1975. С. 5, 18, 28-29, 72, 208, 293.
17. Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 2. М., 1994. С. 313.
18. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.* Т. 14. С. 8, 39, 74, 86, 100, 124, 201.
19. То же. Т. 27. Л., 1988. С. 86.
20. То же. Т. 14. С. 308, 317.
21. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Т. 2. М., 1980. С. 259–260.
22. Там же.
23. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.* Т. 14. С. 318, 326.
24. *Словарь русского языка: в 4-х т.* Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М., 1984. С. 188.
25. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.: в 30 т.* Т. 14. С. 319.
26. *Словарь русского языка*. Т. 4. С. 630.
27. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.* Т. 14. С. 325.
28. *Словарь русского языка*. Т. 4. С. 633.
29. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.* Т. 14. С. 325.
30. Достоевский Ф.М. *Письма*. Т. 1. С. 101.

УДК 81.115

**К ВОПРОСУ О СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА****Д.С. Сирченко****Аннотация**

Статья посвящена проблеме сильных позиций текста в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Предметом анализа являются названия глав, антропонимы, топонимы, вторичные номинации. Их концептуальная информация способствует раскрытию основных идей произведения.

Сильные позиции текста помогают автору выделить наиболее значимые для понимания произведения идеи, одновременно определяя основные «смысловые вехи» той или иной композиционной части или текста в целом.

К сильным позициям текста, вслед за И.Р. Гальпериным, А.И. Новиковым, мы относим заглавие, подзаголовки, эпиграфы, начало и конец произведения (части, главы, главки), ключевые слова, имена собственные, цитаты, аллюзии, реминисценции, прецедентный текст, текст-вкрапление и др.

При анализе романа «Господа Головлевы» нами учитывается тот факт, что изначально роман не мыслился Салтыковым-Щедриным как отдельное самостоятельное литературное произведение. Первые рассказы входили в цикл «Благонамеренные речи». Лишь позднее из-за боязни «скомкать» сложный образ Иудушки, когда, по словам самого автора, развитие темы «помешало кончить совсем эту материю», были написаны последние главы.

Внутренний механизм разложения, гибели семейного начала, семейных ценностей наиболее полно прослеживается в романе через названия отдельных глав хроники. Семантика первых пяти глав прямо или опосредованно связана с лексемой «*семья*» («Семейный суд», «Породственному», «Семейные итоги», «Недозволенные семейные радости», «Племяннушка»). В.В. Прозоров отмечает, что «каждое из этих пяти заглавий, как будто бы намекающих на существование традиционных семейных связей, на самом деле содержит скрытый иронический, сатирический намек на необратимый их распад» [1].

Кроме того, сочетаемость с такими лексемами как «*суд*», «*итоги*» и синтагмой «*недозволенные радости*» явно говорит о том, что ничего по-настоящему родственного в отношениях главных героев уже не осталось. Можно отметить, что если рассматривать каждую лексему названия по отдельности, то никаких стилистических помет в словарях мы не найдем. Однако в рамках словосочетаний «*семейный суд*», «*семейные итоги*», «*недозволенные семейные радости*» они не только сами приобретают явную негативную коннотацию, но и передают ее единичным лексемам названия глав.

Название шестой главы «Выморочный» говорит нам, о том, что надежд на спасение семьи Головлевых уже нет. Так у В.И. Даля находим: «*выморочный*» – вымерший (Выморочный род. Выморочное имение, оставшееся после вымершего рода, после владельца, умершего без наследников) [2]. Рассматривая сильные позиции текста данной главы, можно проследить раскрытие семантического потенциала исследуемой лексики *выморочный*. Если в начале главы мы видим, что механизм саморазрушения личности Иудушки начал обратный отсчет, болезнь стяжательства уничтожила все вокруг: «Агония Иудушки началась

с того, что ресурс празднословия, которым он до сих пор так охотно злоупотреблял, стал видимо сокращаться. Все вокруг него опустело: одни перемерли, другие – ушли» [3], то в ее завершении автор показывает, что в итоге даже воскрешаемые Иудушкой «мертвые души» покидают его. «Фока исчез; Порфирий Владимирович берет лист бумаги, вооружается счетами, а костяшки так и прыгают под его проворными руками... Мало-помалу начинается целая оргия цифр. Весь мир застилается в глазах Иудушки словно дымкой; с лихорадочной торопливостью переходит он от счетов к бумаге, от бумаги к счетам. Цифры растут, растут...» [3]. Растут и множатся лишь бесконечные пустые цифры. Живого вокруг не осталось ничего.

Последняя глава «Господ Головлевых» в первоначальной редакции романа была названа «Решение». Но позднее Щедрин заменяет его на «Расчет». Замена эта принципиальна для раскрытия смысла романа. Лексема «*решение*» предполагает возможное участие в действии самого человека, предполагает некий процесс осмысления, обдумывания. Лексема же «*расчет*» больше связана фаталистичной предопределенностью, роком, судьбой, она как бы лишает человека права голоса. И в этой связи нельзя не заметить, как окольцовывают композицию произведения названия первой и последней глав. Лексема «*суд*» предусматривает некий процесс, принятие решения. И если в «Семейном суде» судьба Степки-балбеса во многом зависит от решения, принятого родственниками, то в главе «Расчет» вердикт выносит сама жизнь.

Примечательно и то, что Салтыков-Щедрин не печатает головлевскую хронику (как собирался первоначально) под рубрикой «Из истории одного семейства». В заглавие своего произведения Салтыков-Щедрин не выносит лексемы «*семья*», «*род*» или «*фамилия*», автор называет Головлевых «*господами*», подчеркивая и давая понять, что речь о семье уже не ведется.

Явная семантическая связь слов «*господин*» и «*Господь*» подчеркивается их нахождением у В.И. Даля в одной словарной статье [4]. Поэтому смерть одного из головлевцев от главы к главе как бы объединяется их общим забытием об истинных христианских ценностях, не любви к ближнему, предательстве Бога.

Вынесенный в заглавие антропоним «Головлевые» интуитивно можно отнести к двум лексемам: «*голова*» как символ главенства над всем, первенства, старшинства (т.е. «лицо, особа, особь, душа, человек, животное», «начальник», по В.И. Далю) и «*головня*» – «обгорелое, или горящее, или обугленное полено, дымящийся кусок чего-либо» [5], как символ чего-то, в чем еще теплится жизнь, но уже угасает (отсюда не случаен переезд Арины Петровны из Головлево в Погореловку). В этой же статье у В.И. Даля ниже находим «*головничество*» – «уголовство, уголовость, головщина, уголовщина, преступление и пеня за него». Это одновременно говорит нам и о преступности действий семьи Головлевых и о неотвратимости наказания: «...господа головничающие, т.е. управляющие, хозяйничающие, головесят, повесничают, слоняются, идут на явные и тайные головничества, преступления, постепенно оскудевают, от бывшего их преуспеяния остаются жалкие головешки...» [6].

Обращаясь еще к одной сильной позиции текста – именам собственным, можно сказать, что Салтыков-Щедрин отходит в романе от традиционного для многих его произведений эзоповского языка. Это заставляет читателя задуматься, настраивает его на более глубокое осмысление текста.

Так в словаре русских личных имен Н.А. Петровского находим антропоним *Ирина*, употребляемое в народе в несколько иной форме: *Арина*. В переводе с греческого оно означает «мир» [7]. Являясь неотъемлемой частью имени собственного, отчество *Петровна* напоминает нам об одном из двенадцати апостолов Христа. Именно апостол Петр, боясь навлечь на себя гонения, трижды отрёкся от Христа прежде, чем пропел петух. Но позже искренне покался и был прощён Господом.

Потенциал исследуемого имени в полной мере реализуется в романе. В болезненном стяжательстве, «округлении головлевского имени» Арина Петровна Головлева как бы отрекается от семьи. В погоне за внешним благополучием, она абсолютно забывает о мире внутреннем, о семье. «...Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, так что, говоря по правде, даже от семейной жизни совсем отвыкла, хотя слово «семья» не сходит с ее языка и, по наружности, всеми ее действиями исключительно руководят непрестанные заботы об устройстве семейных дел» [8].

Не сложно выявить смысловое содержание и имени ее супруга Владимира Михайловича. В составе имени собственного *Владимир* два корня: *влад-* от «владеть», «власть» и *мир-* «мирный», «мир» [9]. Отчество *Михайлович* еще раз заставляет обратиться к библейским мотивам, в которых архангел Михаил первым дал отпор Люциферу, когда тот восстал против Бога.

Таким образом, в именах этих героев имплицитно выражена сема «*владеющие миром*». Приведенные уже на первых страницах романа вторичные номинации этих героев абсолютно разъединяют их, ставя в аппозицию. «Муж называл жену «ведьмою» и «чертом», жена называла мужа – «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой» [10]. Смолodu «безалаберный» и «озорной» Владимир Михайлович, внутренний мир которого так и остался неразвитым, не способен к какому-либо действию. Он чувствует опасность интуитивно, часто испытывая страх перед женой.

Особую смысловую нагрузку несут и вторичные номинации в романе. Рассмотрим несколько из них: те, которые получает один из важнейших героев Порфирий Головлев. Следует подчеркнуть то, что в тексте романа они концептуально более значимы, чем имена собственные: Иудушка (от библейского имени уже давно ставшим нарицательным, обозначающее предательство и лицемерие), кровопивушка и откровенный мальчик.

Само имя *Иуда* восходит к другому древнееврейскому имени *Iehuda* – «восхваляющий Бога» [11]. Уменьшительно-ласкательный суффикс (-ушк-) сразу принижает значение этого антропонима, говоря о мелочности героя. Кроме того, Иудушка совершал свои злодеяния как самые обыкновенные дела, «потихонечку да полегонечку». Он с большим искусством пользовался такими прописными истинами, как почитание семьи, религии и закона, изводил людей, действуя «по-родственному», «по-божески», «по закону».

Шипящие звуки сразу в двух прозвищах Порфирия Головлева (Иудушка и кровопивушка) связаны со змеиным началом характера Порфирия Владимировича. Они как бы напоминают шуршащее, шелестящее передвижение змеи, готовой в любую минуту смертельно ужалить, одновременно напоминая нам о библейском дьяволе-змее, склонившем Адама и Еву к грехопадению.

В романе Иудушка не раз теряет человеческий облик, превращается то в невидимку, то в демоническое существо, способное общаться с покойниками. Не раз он видится и как сам дьявол: «Он тебя своим судом, сатанинским, изведет» – говорят о нем крестьяне; «Сколько раз, в бывалое время, Арина Петровна крикивала за это на него: да ешь же, прости господи, сатана! – да, видно, он позабыл маменькины наставления. А может быть, и не позабыл, а нарочно делает, мстит»; «Улитушке думалось, что она спит и в сонном видении сам сатана предстал перед нею и разглагольствует».

Имя *Порфирий* происходит от греческого «пурпурный», «багряный», что в сочетании с отчеством *Владимирович*, делает Иудушку владеющим красным, кровавым миром. Кроме того у В.И. Даля в статье *багровый* слова багрянородный, порфирородный, царственно-рожденный даются как синонимы. Поэтому и не удивительно, что Порфирий Головлев пытается выстроить свой, особый мир, в котором он предатель-Иудушка не просто будет царствовать, но сравняется с самим Богом. Недаром в романе вскользь, как бы ненароком, Петенька упоминает о проекте отца построить вавилонскую башню. И особую вычурность этому придает то обстоятельство, что проект этот обговаривается Иудушкой со

священнослужителем. «Он (Иудушка. – Д.С.) намеднись недаром с попом поговаривал: а что, говорит, батюшка, если бы вавилонскую башню выстроить – много на это денег потребуется?» [12].

Идеям Иудушки не суждено было сбыться. Это как нельзя лучше можно увидеть через еще одну выделяемую сильную позицию текста: начало и конец произведения.

При анализе с этой точки зрения принято выделять разный объем текста. В нашем случае мы ограничимся двумя абзацами: первым и завершающим роман. И если в начале головлевской хроники можно увидеть некую нерешительность, неопределенность, отчасти возможную надежду: об этом свидетельствуют лексемы «замаялся», «не решался»; то последний абзац полностью «рассчитывает», выморачивает господ Головлевых: «найден зачоченевший труп головлевского барина», Аннинька «в бессознательном положении, со всеми признаками горячки».

Таким образом, через основные сильные позиции текста (заглавие, название отдельных глав, имена собственные, прозвища) можно четко выделить основную идею романа «Господа Головлевы» о трагическом вымирании, «распаде семейных уз, и без того едва ощутимо объединяющих героев» [13].

Начало 70-х гг. XIX в. можно связать с появлением нового, как говорит М.Е. Салтыков-Щедрин, «общественного романа». К моменту написания «Господ Головлевых» на первый план выходит не просто любовный или семейный роман, но сама тема семьи, живейшим образом заинтересовавшая многих русских писателей. «Автор “Анны Карениной”... с большой художественной силой обнаружил трещину, возникшую на одном из самых прославленных “институтов” господствующего класса» [14]. В рабочих записях Ф.М. Достоевский определяет как одну из главных тем своих «Братьев Карамазовых» «разложение семейного начала». К этой теме, но по-своему, обращается и М.Е. Салтыков-Щедрин. Он мастерски воплощает свой замысел не только в идеально выверенном с художественной точки зрения произведении, но и как нельзя ярче отражая его в основных сильных позициях текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прозоров В.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: Книга для учителя. М., 1988. С. 112-113.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 2002. С. 295.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. М., 2002. С. 248-281.
4. Даль В.И. Указ. соч. С. 359.
5. Там же. С. 344-345.
6. Прозоров В.В. Указ. соч. С. 112-113.
7. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1980. С. 124-125.
8. Там же. С. 79.
9. Там же.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 18-19.
11. Петровский Н.А. Указ. соч. С. 124-125.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. С. 107.
13. Прозоров В.В. Указ. соч. С. 112-113.
14. Покусаев Е.И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1963. С. 390.

УДК 81.115

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «САД, ЛЕС, ПАРК, РОЩА, ОГОРОД»
КАК ВЕРБАЛИЗАТОР ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ
И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»**

Е.А. Гаршина

Аннотация

Работа представляет собой концептуальный анализ художественного текста, который связан с решением ряда проблем: раскрытия реальных и сакральных смыслов лексики в романе И.А. Бунина, постижения природы художественного концепта «сад» и поиска вербализаторов пространства дворянской усадьбы в русской национальной традиции и в творчестве И.А. Бунина.

Пространство в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» имеет особую тонкую организацию, выводящую читателя на философский план прочтения произведения, что отмечали многие исследователи прозы писателя (Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин и другие). Обобщая столетний опыт изучения пространственных категорий в творчестве последнего русского классика, О.Ю. Авдеевнина приходит к выводу: «Следование вертикали за горизонталью зрительного восприятия придает бунинскому повествованию особую перспективу – не пространственную, а философско-символическую, где визуальные образы оказываются вовлеченными в канву логико-философского контекста» [1].

Исследователи литературоведы говорят о мифопоэтическом представлении пространства в творчестве И.А. Бунина и в ходе анализа выделяют следующие образы-хронотопы: образ дороги («Темные Аллеи», «Степа», «Волки»), образ порога («Темные аллеи», «Суходол»), образы моста и реки («Темный час») [2].

Целью данной работы является лингвистическое исследование пространственных ориентиров романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», выраженных лексико-семантической группой «сад, лес, парк, роща, огород».

В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» номинация «сад» выполняет роль доминанты, проявляющей свою символическую суть и прочитываемой через библейский и фольклорный подтекст. В ткани произведения лексема «сад» употребляется 443 раза. Сад – своего рода текстовая константа романа, предстающая в двух взаимопроникающих смысловых планах – бытовом и сакральном.

Лексема «сад» актуализируется в тексте романа в нескольких значениях: через собственно-лексему «сад» и лексико-семантическую группу, в которой исследуемая лексическая единица является доминантой. В словаре под редакцией Александровой: «Сад; вертоград (устар.высок.) / небольшой перед домом: палисадник, палисад» [3], однако в словаре Абрамова синонимическая цепочка представлена более широко: «сад, парк, роща, сквер. ср. огород и лес. см. лес, парк» [4].

Словарь Даля отмечает сходство сада и огорода: «сады мн. арх. огород н. Сады картофельные, овощные» [5]. Словарь Ушакова показывает сближение значений лексем «сад» и «огород» через словосочетание «колхозный сад», а сближение лексем «сад» и «парк» через словосочетание «общественный, городской сад» [6]. Также словосочетание «городской сад» представлено в большом академическом толковом словаре как «1. Городской сад – сад для

отдыха городского населения // 2. Увеселительный сад – в дореволюционное время сад с увеселительными заведениями» [7]. Большой академический словарь отмечает прилагательные: «садово-огородный – относящийся к разведению и возделыванию садов и огородов; садово-парковый – относящийся к разведению садов и парков».

Значения слов «сад» и «роща» сближаются через общее толкование «садик, небольшой сад» [8], а слов «роща» и «лес» через толкование «роща – небольшой лесъ // рощеник, роща, лес» [9], что связывает все три лексемы опосредованно.

Такое обилие синонимов и сходных по смыслу лексем образует широкое лексико-семантическое поле с доминантой сад. Все эти слова, образующие родовидовые отношения (сад, лес, парк, огород, роща) отражают естественные, созданные природой, и воссозданные руками человека объекты, каждый из которых обладает самобытной символикой. В ассоциативном словаре представлен ряд общих и смежных ассоциаций, возникающих в связи со словами-стимулами сад, лес, парк, роща: «густой, зеленый, темный, деревья, большой, осенний, зимний, чаща, шумит, темный, тенистый, солнце, земля, лето, зарос, пустой, засох» [10].

Следует отметить, что слова сад, парк, роща и лес ассоциируются у носителей языка с отдыхом, и лишь слово огород – с трудом. Слова-стимулы лес, парк и сад способны образовывать словосочетания со словом вырублен, тогда как стимулы огород и роща такой сочетаемости не имеют [11]. Номинации «огород» и «сад» имеют общие семантические признаки: «дача, дом, зарос», что свидетельствует о хозяйственной деятельности человека. «Сад», «огород» и «лес» имеют общие ассоцианты «за городом, деревня», тогда как у стимулов «парк» и «роща» общим является ассоциант «городской».

Только к слову сад в Русском ассоциативном словаре зафиксированы определения цветущий, плодовой и ассоциация с глаголом «трясти», что указывает на отличие функции сада в русском жизненном укладе, а именно – «плодоносить». Номинация «живой» отнесена только к стимулу «сад» из всех названных стимулов, что свидетельствует об особом отношении русского человека к пространству сада. Ассоциант «райский» также указан лишь в сочетании со стимулом «сад», хотя другие словари фиксируют сочетаемость «райские рощи» [12].

В тексте анализируемого нами романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» почти все смысловые грани лексемы «сад» актуализируют представленные в лексикографических источниках значения. Сад в бунинском тексте – это, прежде всего, пространство, окружающее дом и являющееся частью усадьбы Батурино. Отсюда лексема «сад» имплицитно означает «дом, семья, родовое поместье», что отражено в номинациях с семьей «родственники»: «Я видел (во сне) Батурино, где все так мирно, родственно, теперь, конечно, очень, очень грустно, а все-таки несказанно мило, отрадно, видел брата Николая, черноглазую десятилетнюю Олю, нашу с ней заветную ель перед окнами зала и пустой, обнаженный, по-осеннему печальный сад, буйный ветер и вечеряющее солнце в нем – всей душой стремился туда, но за всеми этими думами и чувствами все время неотступно чувствовал брата».

Значение слова сад раскрывается с помощью сравнения «как на старинной идиллической картине» и номинаций «счастливейший вечер», «благополучие», которые подчеркивают роль сада в дворянской семье, ее укладе и быте: «Был июньский вечер, во дворе уже пахло холодеющей травой, в задумчивой вечерней красоте, как на старинной идиллической картине, стоял наш старый дом со своими серыми деревянными колоннами и высокой крышей, все сидели в саду на балконе за чаем <...> Это был один из счастливейших вечеров в жизни нашей семьи и начало того мира, благополучия, которое в последний раз воцарилось в ней на целых три года перед ее концом, рассеянием...» [13].

В центре бунинского художественного мира – дворянская усадьба, родовое поместье, дом, окруженный старым садом, образы которых раскрываются через номинацию «старинная идиллическая картина». Контекстуально выявляемые в семантической структуре слова «идиллия» коннотации «счастливый», «благополучный», «семейный» отражены в русской

лексикографии: «идиллический – прил. соотносящийся по значению с сущ. идиллия – безмятежное счастливое существование» [14].

Номинация «благополучие» выступает как контекстуальный синоним лексемы «идиллия»: «благополучие – 1. спокойное, в достатке без неудач и потрясений течение жизни; 2. счастье в любви, в семейной жизни; 3. благо» [15]. Данные значения позволяют говорить о положительной эмоциональной окрашенности лексемы, способствуют конструированию образа счастливого для семьи Арсеньевых вечера в саду.

Описанию такого традиционного, старого доброго сада посвящены ключевые эпизоды романа: «Мои последние батуриные дни были вместе с тем и последними днями всей прежней жизни нашей семьи» [16].

Ассоциативный словарь констатирует такие ассоциации к стимулу «семья»: «дом, счастливая, благополучная, вместе, гармония, дерево, уют, дружно, единая, жизнь, идеальная, круглый стол, радость встречи, сестра, брат, отец, мать, ужин, старинная, чай», которые репрезентированы в тексте романа «Жизнь Арсеньева»: «Я знал, что задонское имение уже “затрещало”, что у нас уже нет его; однако у меня от тех дней все-таки сохранилось чувство довольства, благополучия. И я помню веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в растворенные двери, много мух и великолепных бабочек... Помню, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время» [17].

Но уже в первой книге на страницах романа появляется городской сад или парк (в XIX в. это место отдыха горожан называли «садом»). Со словосочетанием «городской сад» связаны номинации, обозначающие отдых, обстановку дворянского быта: «музыка», «фонтан», «роскошь», при этом ключевым в создании образа городского сада является словосочетание «избранный кружок дворян-гимназистов». Герой же ощущает себя обособленным от этого кружка, о чем свидетельствуют номинации «отдельно от прочих», «стыднее было с ними», «на виду у всех».

Пространство городского сада становится для героя чуждым, закрытым для его восприятия, в отличие от пространства сада в Батурине: «Я чуть не час мылся, наряжался и чистился дома и, когда шел в сад, чувствовал, как у меня леденеют руки и огнем пылают уши. В саду опять играла музыка, сыпал прохладной пылью высокий, раскидистый фонтан и с какой-то женственной роскошью пахло цветами в бодром и студенном воздухе багряного осеннего заката, но народу было мало, отчего мне еще стыднее было ходить отдельно от прочих, на виду у всех, в этом избранном “кружке дворян-гимназистов” и поддерживать с ними какой-то особый дворянский разговор» [18].

Номинация «дворянский» привносит в создание атмосферы городского сада отрицательный оттенок, который усиливается привлечением номинации «избранный»: «избранный – лучший, выдающийся. // перен. устар. тот, которого предпочли всем остальным» [19].

Отрицательную коннотацию лексемы «дворянский» отразил словарь Даля: «дворянский, принадлежащий, свойственный дворянам // дворянить, пускать пыль в глаза, принимать важный вид и мотать. дворяниться, ломаться на барский лад, корчить из себя дворянина, барина, дворянчивый, охочий дворянить, дворяниться. // Наши миряне родом дворяне: работы не любят, а погулять не прочь» [20]. По эти признакам пространство деревенского и городского сада противостоят друг другу и актуализируют разные концептуальные значения в контексте романа.

Следующее значение сада как рощи соотносится с райскими рощами, с которыми имплицитно отождествляется сад в Васильевском, имении Писарева, где юный Арсеньев встречается со своей кузиной Анхен: «По вечерам в низах сада светила молодая луна, таинственно и осторожно пели соловьи. Анхен садилась ко мне на колени, обнимала меня, и я слышал стук ее сердца, впервые в жизни чувствовал блаженную тяжесть женского тела». Номинация

«блаженство» отсылает нас к картине райского сада, в котором обитали Адам и Ева до первородного греха.

Подкрепление данной трактовки сада как райской рощи находим в словаре синонимов: «Рай. Эдем. Райские рощи» Райский сад. Райские кущи. Райские рощи – по библейскому преданию: прекрасный сад, где жили Адам и Ева до грехопадения» [21]. Здесь же, в словаре, приведен пример из Бунина «И тогда казался сад Эдемом, заповедным приютом блаженства и незнания».

По словарю Даля «рай – первобытный сад, вертоград, жилище прародителей Адама и Евы». Словарь Даля дополняет синонимический ряд к слову роща: «Роща ж. пуща, заповедный лес, заказник, рощеный или береженный лес; чисто содержимый лесок, парк; вообще небольшой, близкий к жилью лиственный (нехвойный) лесок» [22]. Значение «заповедный лес» сближает идиомы «райская роща» и «райский сад», которые фиксирует фразеологический словарь [23].

Лексемы «сад» и «парк», «сад» и «роща» отождествляются друг с другом в тексте романа при упоминании Царскосельского сада, отраженного в поэзии А.С. Пушкина. Роман Бунина содержит реминисценции к лексемам «царскосельские рощи», «лицейские парки», которые являются контекстуальными синонимами: «Нечто подобное произошло и со мной в то время. И вот настали для меня те волшебные дни –

Когда в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться стала муза мне...

Ни лицейских садов, ни царско-сельских рощ и лебедей, ничего этого мне, потомку “промотавшихся отцов”, в удел уже не досталось. Но великая и божественная новизна, свежесть и радость “всех впечатлений бытия”, но долины, всегда и всюду таинственные для юного сердца, но сияющие в тишине воды и первые, жалкие, неумелые, но незабвенные встречи с музой – все это у меня было. То, среди чего, говоря словами Пушкина, “расцветал” я, очень не походило на царско-сельские парки. Но как пленительно, как родственно звучали для меня тогда пушкинские строки о них!» [24].

Словарь языка Пушкина фиксирует следующее словосочетание: «Царско-сельский сад, прил. к Царское Село. Не се ль Элизиум полнощный, / Прекрасный Царско-сельский сад / Где, льва сразив, почил орел России мощный / На лоне мира и отрад?» [25].

Бунин употребляет конкретное определение «Царскосельский сад» в собирательном понятии «царскосельские парки», «лицейские сады», объединяя значение этих номинаций, обобщая *парк, рощу, долину и сад* в единое концептуальное поле. Встречи с музой, описанные Пушкиным, происходят в садах и рощах неслучайно: по данным мифологического словаря музы обитали на Геликоне, в рощах и садах покровителя искусств – бога Диониса.

Пространство леса и сада в романе находятся в соположении, что отражено в описании леса и в описании сада. О лесе: «Шел сперва сухим, уже накатанным проселком, среди блестящих в утреннем пару пашен, потом по писаревскому лесу, солнечному, светло-зеленому, полному птичьего весеннего пенья, прошлогодней гниющей листвы и первых ландышей». О саде: «Я поднял нижние рамы – утро было уже похоже на летнее, со всей мирной простотой, присущей лету, его утреннему мягкому и чистому воздуху, запахам солнечного сада со всеми его травами, цветами, бабочками...» [26]; бедный быт наш был украшен яркими июньскими днями, густой зеленью тенистых садов...».

Общими в создании образов леса и сада являются номинации «розы», «жасмин», «ландыши», относящиеся к тематической группе «цветы», а также цветовые определения, выражающие оттенки зеленого, символически актуализирующего номинации «весенний» и «летний». Если же обратиться к мировой символике, то символы сад и лес выступят как

противопоставленные друг другу: лес символизирует бессознательное начало [27] а сад, наоборот, сознательное.

Сад и огород, являясь синонимами в русском языке, выступают контекстуальными синонимами и в тексте исследуемого нами произведения: «Я шел к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – все было огромно, серо, все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простиравшиеся за ними и сливавшиеся с полем».

Сад и огород являются частью пространства, очерчивающего дом в широком понимании его как усадьбы: «отдельное поселение, дом на селе, со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом, огородом...) в старину – господский, помещичий; земля под усадьбой, в отличие от земли под полями, лугами, лесом».

Сравним значения лексем «сад» и «огород»: «сад – участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками» [28]. «Огород – участок земли для выращивания овощей, обычно, обнесенный изгородью» [29]. Следовательно, сад и огород являлись составляющими пространства дворянской усадьбы и были противопоставлены пространству леса и луга по бинарной оппозиции свое-чужое.

Таким образом, лексемы «сад», «парк», «лес», «огород» и «роща» выполняют роль синонимов в тексте романа, где выбор автором того или иного значения обусловлен контекстом и смыслом эпизода. В художественном пространстве романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» данные номинации не только взаимозаменяемы, но, часто, соположены, доминирующую роль при этом играет слово сад.

Сад в романе – пространство не целостное, так как оно социально маркировано: с одной стороны – оно представлено дворянским и городским садом, с другой – райским.

Сад в русской языковой картине мира репрезентирует пространство, которое через смысловое содержание семантической группы: «лес, парк, роща, огород» раскрывает свое истинное значение «дом», «родина».

Таким образом, анализ пространственных составляющих в исследуемом нами романе И.А. Бунина подтверждает принадлежность данного произведения к «усадебной культуре» русской классической литературы. По мнению В.М. Живова, такие произведения характеризует наличие «нейтрально-аксиологической сферы (среды, необходимой для трансляции устойчивой системы ценностей последующим поколениям)» [30].

Образ «отживающей свой век» дворянской усадьбы, запечатлённый в слове И.А. Бунина, концентрирует в себе быт, мировосприятие, мышление и национальный характер русского человека конца XIX – начала XX столетия, что делает творчество И.А. Бунина уникальным материалом для постижения русской языковой картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авдевина О.Ю. «Царапина на стекле, намазанном ртутью». Художественная деталь и тема творчества в прозе И.А. Бунина // Русская словесность. 2011. № 2. С. 55.
2. Арнацкая Т.А. Образы-хронотопы рассказов И.А. Бунина 1937–1940 гг. // Научные труды молодых ученых-филологов. Вып. IX. М., 2010. С. 59.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: около 9000 синонимических рядов / Под ред. Л.А. Чешко. Изд. 5-е, стереотип. М., 1986. С. 441.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. СПб., 1900. С. 394.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 1736.
6. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. С. 22, 983.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13 / Гл. ред. В.Н. Чернышев и др. М., 1961–1965. С. 34.

8. Даль В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 1736.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 88.
10. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. От стимула к редакции: около 7000 стимулов. Т. 1 / Ю.Н. Караулов и др. М., 2002. С. 175-567.
11. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978. С. 492.
12. Абрамов Н. Указ. соч. С. 394.
13. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман. Рассказы. М., 1991. С. 83, 88.
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 568.
15. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. Т. 2. М., 2007. С. 487.
16. Бунин И.А. Указ. соч. С. 135.
17. Там же. С. 22.
18. Там же. С. 73.
19. Ефремова Т.Ф. Указ. соч. С. 1228.
20. Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. М., 1989. С. 407.
21. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1971. С. 353-354.
22. Даль В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 1825, 1761.
23. Фразеологический словарь под ред. А.И. Молоткова. Т. 2. М., 1967. С. 322.
24. Бунин И.А. Указ. соч. С. 85.
25. Словарь языка Пушкина: в 4 т. Изд. 2-е, доп. Т. 4 / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 2000. С. 883.
26. Бунин И.А. Указ. соч. С. 106, 118, 135.
27. Хуан Эдуардо Керлот. «Словарь символов». М., 1994. С. 289, 450.
28. Толковый словарь русского языка. Т. 4. С. 983, С. 22.
29. Ефремова Т.Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 2000. С. 1107.
30. Богданова О.А. Роль усадебной культуры в формировании феномена русской классической литературы XIX в. // Филологические науки. 2008. № 6. С. 16.

УДК 81.115

ПРОСТРАНСТВО СНА В ПОЭЗИИ Ю.П. КУЗНЕЦОВА

О.В. Ланская

Аннотация

В статье на материале стихотворения «Мне снился сон, когда в меня стреляли» через ключевые слова «сон», «ветер», «тень», «страх», «любовь» исследуется пространство, которое в тексте воспринимается как мистическое, нереальное и реальное одновременно. Это пространство земное и космическое, многослойное и символическое. Автор приходит к выводу, что ключевое слово «сон», организующее это пространство, восходит к словосочетанию «русская дремота» с семами «духовное начало», «поиски смысла бытия», к противопоставлению «добро – зло», фиксирующее духовный вектор развития одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX века.

Сон в русской литературе восходит к одному из важнейших композиционных приемов, с помощью которого раскрывается авторский замысел, выстраивается сюжетная линия, определяются особенности характера того или иного героя произведения.

В МАС слово *сон* имеет следующие толкования: «1. Наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью или частично прекращается работа сознания. 2. То же, что спячка (в 1 знач.). 3. То, что снится; сновидение» [1].

Данное слово символично. В славянской мифологии сон воспринимается как «состояние человека, <...> близкое к смерти (“вечному сну”))» [2]. Символизирует сон «мир, жизнь, тайны и тайники жизни» [3], а также предсказания. Как известно, в сказках сон – это своего рода испытание героя, связано оно «со сферой смерти и рождения, т.е. с сферой, которая была основой обряда инициации» [4].

Как символ воспринимается данная номинация в художественной литературе. Так, в «Слове о полку Игореве» вещий сон видит киевский князь Святослав. Сон как предсказание встречается в произведениях А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого и других писателей.

Слово *сон* воспринимается как символ и в творчестве Ю.П. Кузнецова. Значение данной номинации раскрывается в программной статье поэта «Воззрение» через ключевое слово *дремота*, которое по своему происхождению родственно латинскому *dormiō, dormīre* «спать», греческому *δάρθάνω* «сплю» [5].

Говоря о «русской дремоте», Кузнецов выделяет несколько ее видов и определяет отличительные черты данного явления: «Обломовская дремота идиллична»; «Державинская дремота эпична»; «Тютчевская дремота пантеична»; «Тургеневская дремота <...> лирична»; «Лермонтовская <...> космична». «Западная дремота», противопоставленная, по Кузнецову, восточной, индивидуалистична, так как «исторгает свое эго» [6]. «Русская дремота» наделена духовным началом, то есть «открыта и восприимчива, и не исключает Бога» [7].

В стихотворении «Мне снился сон, когда в меня стреляли», которое стало предметом нашего исследования в данной статье, пространство сна трагично, но при этом трагично и пространство бытия, в котором жизнь человека, так же, как и во сне, подвергается опасности. С помощью глагола *совпали* разрушается противопоставление «там – тут», восходящее

к понятиям «реальный мир» и «мир нереальный». Выстраивается триада «пространство сна – пространство мнимо-реальное – пространство реальное». При этом пространство мистическое, нереальное накладывается в стихотворении на пространство мнимо-реальное, связанное с текстовыми антонимами *там* и *тут* с семами «бегство», «смерть», «замкнутый круг», «безысходность»; воспринимается оно как многослойное, онтологическое:

Мне снился *сон*, когда в меня стреляли...

Я выстрелы слышал *там* и *тут* –

Во сне и *наяву* они совпали.

Куда бежать? И *там* и *тут* убьют!

Возникает своеобразный сон во сне, в котором человек чувствует себя обреченным, так как в нем свет противопоставлен свету, о чем свидетельствует использование лексемы *светились* с семами 'страх' и 'смерть' («*светились* пули густо в пустоте»).

Данное пространство в тексте основано на противопоставлениях «мгла – свет», «тьень – свет», «сон – наяву», которые, в свою очередь, связаны с противопоставлением «жизнь – смерть». При этом слово *мгла* имеет синоним *темнота*, символизирующий зло и смерть. Слова же *свет* и *светило*, в свою очередь, символизируют «источник жизни, тепла и света». Символизирует собой светило надежду и спасение, обращение к Творцу, так как в народных представлениях славян солнце – это «лицо или око Бога либо оконце, через которое Бог смотрит на землю» [8]. То есть *светило* в стихотворении Кузнецова воспринимается как высшее существо, которое может помочь человеку:

О близкой смерти я гадал по звуку.

Как страшно в этом *мраке* погибать!

– Взойди, *светило*! – протянул я руку,

И пули стали руку огибать.

В то же время появление солнца являет взору лирического героя страшную картину: летящие пули, гибель тени женщины, чьей-то живой души, пожертвовавшей собою ради его спасения. Это свидетельствует о том, что солнце в тексте воспринимается как знак истины и одновременно как безмолвный свидетель.

Подлинным же спасителем лирического героя становится тень. В тексте слово *тьень*, с одной стороны, связано с мраком, является знаком потустороннего мира; с другой – восходит к понятиям «свет», «надежда», «добро» и «жертва», что свидетельствует о том, что оно символично:

Взошло светило. На меня открыто

Летели пули. Ветер гнул траву.

Тень женщины во сне была убита,

Свет женщины остался наяву.

Символично в пространстве сна и яви героя и слово *ветер*, обозначающее «явление природы, которое в народных представлениях персонифицируется или наделяется свойствами демонического существа». Данная лексическая единица восходит к понятию «таинственный мир», на что указывает синтаксическая единица «Ветер гнул траву». При этом синтагма *гнул траву* не зафиксирована в «Словаре сочетаемости слов русского языка» [9].

Символично в тексте и слово *страх* («Смертельный *страх* моих волос коснулся»), которое «выражает собирательно эмоцию как бы извне, отчужденно от переживания человеком этого чувства, тем самым объективируя смысл эмоции». Страх – это «сигнал опасности, ответ на предчувствие, незащищенность от внешних сил» [10]. Данная лексическая единица имеет семы «угрожать», «строго предупреждать», «оцепенеть» [11], то есть выполняет функцию связи человека с окружающим миром в момент конфликта.

По-особому характеризует пространство слово *планида*, которое в МАС имеет значение «судьба, участь» с пометами *просторечное*, *устаревшее*, а также добавочное значение «счастье, удача» [12]. В БАС данная лексическая единица с пометой *областное* синонимично сло-

ву планета и обозначает «небесное тело шарообразной формы, вращающееся вокруг солнца и светящееся отраженным солнечным светом» [13]. В тексте же слово *планида* обозначает Землю, на что указывает определение *голубая*, а также повторяющийся глагол *крутись*:

Крутись, крутись, планида голубая!

Светились пули густо в пустоте,

Летели, мое тело огибая,

И гасли, исчезая в темноте.

Слова *планида*, *ветер*, *трав* фиксируют пространство, с одной стороны, реальное, земное; с другой – пространство таинственное, в котором тень может быть убита, а сам человек может быть неуязвимым для пуль. Одновременно это пространство космическое.

Завершается стихотворение катреном, который по-новому высвечивает конфликт лирического героя с миром. Ключевым в данном четверостишии становится слово *любовь* в значении «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [14]. Создается образ одушевленного существа – любви, которая делает свой трагический выбор:

Любовь ушла. Не надо возвращенья.

– Тебя убьют! – кричу ей, как судьбе. –

Мне твоего не пережить прощенья.

Живи вдали! Я помню о тебе.

По-особому в этом катрене раскрывается образ лирического героя. С одной стороны, он испытывает чувство величайшей тревоги за близкое существо (отсюда использование в тексте восклицательного предложения «Тебя убьют!»; сравнения «кричу ей, как судьбе»); с другой – окончательный разрыв (отсюда словосочетания *не надо возвращенья* и *не пережить прощенья*, свидетельствующие о противоречивой природе конфликта между героями, а также *живи вдали*, восходящее к значению «живи как хочешь»).

Итак, в стихотворении «Мне снился сон, когда в меня стреляли» пространство через ключевое слово *сон* воспринимается как мистическое, нереальное и реальное одновременно. Оно многослойное, так как в тексте происходит наложение пространства мнимо-реального на реальное.

Ключевое слово *сон* восходит к словосочетанию «русская дремота» с семьей «духовное начало», «поиски смысла бытия». Ключевые слова-символы *светило*, *тень*, *ветер*, *женщина*, *любовь* приобретают семы «истина», «справедливость», «страдание» и восходят к противопоставлению «добро – зло», фиксирующее духовный вектор развития одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX века, его творческую индивидуальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М., 1988. С. 194.
2. Гура А.В. Сон // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 444.
3. Копалинский В. Словарь символов. Калининград, 2002. С. 208.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 63.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 2004. С. 537.
6. Там же. С. 14-15.
7. Там же. С. 216.
8. Топорков А.Л. Солнце // Славянская мифология. С. 442.
9. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова В.В. Морковкина. М., 1983. С. 596.
10. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 332-333.
11. Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. М., 2004. С. 772.
12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М., 1987. С. 232.
13. Словарь современного русского литературного языка (БАС). Т. 9. М., Л., 1959. С. 1308-1309.
14. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М., 1986). С. 209.

УДК 81'37

ПОНЯТИЕ «ПРАКТИЧНОСТЬ» В АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАХ

В.В. Шкатова

Аннотация

В статье раскрывается семантическое содержание понятия «практичность» в английском языке, формулируются подходы к семантической классификации идиом, выражающих данное понятие, подробно анализируются идиомы со значением «функциональность».

Понятие «практичность» относится к разряду абстрактных бытовых понятий, т.е. отражающих признаки существенные с точки зрения того или иного языкового коллектива и участвующих в формировании национальной языковой картины мира. Понятие «практичность» является семантической универсалией. Оно является общечеловеческим и присуще всем лингвокультурам, в том числе русской и английской.

Для раскрытия семантического наполнения исследуемого понятия применялся метод дефиниционного анализа с привлечением наиболее известных и признанных английских и русских толковых и идеографических словарей [1].

Словарным аналогом «практичности» является английский термин «practicality». Несмотря на то, что значения этих лексем в двух языках во многом совпадают, семантический объем английской лексемы несколько шире русской. В английском языке «practicality» включает, помимо прочего, значения, выражающие нечто реальное, применимое на практике, своего рода противопоставление теории практике, что в русском языке скорее передавалось бы прилагательным «практический», а не «практичный». В русском же языке понятие «практичность» скорее противопоставлено духовности, идеализму, и иногда репрезентирующие его значения лексемы имеют отрицательную коннотацию. Не случайно в русских толковых словарях, в отличие от английских, где на первый план выступает значение «функциональность, эффективность», в качестве первого значения приводится именно «деловитость», которое иногда сопровождается пометой «с оттенком неодобрительности», чего нет у английского эквивалента. Помимо этого во множественном числе английского существительного «practicality» имеет место и значение «практические детали, основы, необходимые, существенные части», которое отсутствует у соответствующего ему русского «практичность».

Дефиниционный анализ показал, что семантическое содержание данного понятия в английском языке складывается из трех базовых тематических блоков:

1. функциональность;
2. реализм;
3. реальные факты.

Выделенные тематические блоки понимаются следующим образом: тематический блок «функциональность» включает в себя такие значения, как эффективность, полезность, способность быть подходящим для определенной цели или ситуации, удобство, применимость на практике, вероятность быть успешным, осуществимость, жизнеспособность; тематический блок «реализм» состоит из значений: разумное отношение к принятию решений на основе опыта и знаний, разумное планирование, реалистический подход, целесообразность, выгодность, здравый смысл, проницательность, прозорливость, мудрость, сообразитель-

ность, практическая смекалка. Значения тематического блока «реальные факты» распределяются следующим образом: реальные факты или детали ситуации, реальные обстоятельства в противовес теориям или идеям, практические детали, механика, необходимые, существенные части, основы, базовые рабочие компоненты, практические или технические основы деятельности.

Таким образом, понятие «практичность» – это понятие, родственное эффективности. Быть практичным означает использовать полученный опыт на практике с целью совершения более эффективных действий в каком-то направлении и достижения наилучшего результата, например, в целях сохранения и приумножения материальных благ.

Понятие практичность, применительно к качествам человека, ассоциируется с такими характеристиками, как опытный, хорошо разбирающийся в жизненных делах, деловитый, предприимчивый, здравомыслящий, разумный, реалистичный, трезвомыслящий, расчетливый. Практичность применительно к поступкам человека связана с такими понятиями, как эффективность, экономность, выгодность, полезность.

Практичным может быть не только человек или его действие, но и предмет (вещь, инструмент, материал и т.п.). В этом случае практичность означает легко применяемый на деле, на практике, функциональный, экономный, удобный, прочный.

Именно этот ассоциативный ряд послужил ориентиром при составлении выборки фразеологизмов со значением «практичность» из современных английских фразеологических словарей [2].

В ходе работы были сформулированы основные подходы к семантической классификации идиом английского языка, отображающих понятие «практичность» во фразеологической картине мира. В качестве таких подходов предлагается выяснение семантического наполнения исследуемых фразеологизмов с позиции определения:

1. действий человека;
2. его оценки ситуации;
3. качеств человека;
4. свойств предметов.

Перечисленные подходы обусловлены логикой проявления «практичности», которая может показать себя в действиях человека, в его оценке сложившихся обстоятельств, в чертах его характера и в применении определенного круга предметов.

В данной статье подробно рассматривается первый из выделенных тематических блоков – «функциональность». Это обусловлено тем, что английская фразеологическая система наиболее полно раскрывает именно это значение понятия «практичность». Значение «функциональность» представлено всеми четырьмя подходами, а именно: действиями человека, оценкой ситуации, качествами человека и свойствами предметов.

Итак, анализ семантики идиом, отражающих **действия человека** с точки зрения их функциональности, показал, что такие **действия могут:**

– **быть эффективными:** *to play one's hand for what it's worth* (доводить дело до конца, полностью использовать свои возможности, пустить в ход все средства для достижения цели):

Iran plays its nuclear hand for all it's worth.

– **быть выгодными:** *to make hay* (использовать удобный момент, нажиться, нагреть руки): *Province hopes to make hay from corridor.*

– **быть полезными:** *to keep one's finger on the pulse* (*быть в курсе дела*):

Keep Your Finger On The Pulse Of Customers' Needs.

– **быть подходящими для определенной ситуации:** *to make haste slowly* (тише едешь, дальше будешь):

Bulgaria should make haste slowly about Schengen because entrance means responsibility and expenses: EU Commissioner.

– **обеспечивать успех:** *to gain/seize the upper hand* (одержать победу, взять верх; иметь превосходство, перевес, господствовать, быть хозяином положения); *to hit (make, score) the bull's eye* (иметь успех, добиться поставленной цели):

Barack Obama Seizes the Upper Hand Over Mitt Romney at Second Debate; Wall Street Protesters Hit the Bull's-Eye.

– **быть направленны на практическое применение:** *to bring smth to pass* (осуществлять что-либо, приводить что-либо в исполнение); *to get smth off the ground* (запустить в действие после того, как вы это спланировали):

Elbert Hubbard quotes "The thing we fear we bring to pass".

The scheme should get off the ground towards the end of this year. A lot more public spending will be required to get this project off the ground.

Предлагаемое деление на группы несет условный характер, т.к. идиомы английского языка, передающие своей семантикой функциональность или эффективность действий человека, многозначны и могут быть отнесены к нескольким группам. К примеру, идиома *to join hands* (объединяться, действовать сообща, рука об руку) может обозначать действие, которое одновременно может рассматриваться как эффективное, полезное и подходящее для данной конкретной ситуации. Например: *UNDP and League of Arab States Join Hands for Development in the Arab Region.*

Анализ семантики английских идиом, раскрывающих **оценку ситуации** с точки зрения ее функциональности, показал, что оцениваемая **ситуация может:**

– **демонстрировать эффективное решение проблемы:** *silver bullet* (чрезвычайно эффективное или волшебное решение сложной проблемы):

Those traders who expected Nicolas Sarkozy and Angela Merkel to come up with a silver bullet to slay the eurozone's problems yesterday must have been smoking Amsterdam's most famous export.

– **рассматриваться как применимая на практике:** *to come into effect* (вступить в силу, в действие):

...The rules are due to come into effect in 2011 for supermarkets and 2013 for small shops.

– **оцениваться как успешная:** *to make the grade* (преуспеть, добиться успеха, добиться своего; быть на должной высоте):

Do smartphones make the grade in university?

– **рассматриваться как осуществимая:** *to come true* (сбываться, осуществляться, претворяться в жизнь, стать явью):

Space Travel Comes True.

– **иметь положительную результативность:** *to bear fruit* (приносить плоды, давать результаты):

Seeds of aid bear fruit in Kenya.

– **быть выгодной:** *grist to sb's mill* (прибыль, выгода, корысть):

We've got loads more TV, so obviously there's loads more cruddy TV around, which is grist to the mill for programmes like ours, which can look at some of the extremes and find them quite funny.

– **предоставлять кому-либо преимущество:** *to have the bulge on* (быть в более выигрышном положении, получать преимущество):

I consider that I have the bulge on him as far as you could chase a rabbit (The Four Million by Henry, O.)

– **рассматриваться как полезная:** *to come in handy* (оказаться полезным, пригодиться, прийти к стати):

Skills that come in handy. How handwriting fosters school success (By Jan Z. Olsen, OTR).

Как и в предыдущем случае, распределение идиом на группы, раскрывающих понятие функциональности применительно к оценке ситуации, носит условный характер, и встреча-

ются идиомы, которые своим семантическим наполнением могут выражать разные оттенки значения одновременно. Так, идиома *the cards are stacked in favour of smb* может показывать оценку ситуации с точки зрения ее полезности, выгоды, успешности. Например: *Right now, the cards are clearly stacked in favor of online-only retailers. While there are many honest advantages to operating at a very low overhead, their main competitive advantage is the ability to skirt local sales tax laws in most states, making their products seem artificially lower in price.*

В тематическом блоке «функциональность» выделяются идиомы, показывающие **качества человека**. К их числу относятся:

– **владение профессиональными навыками**: *stock in trade* (профессиональные навыки):

One of Abraham Lincoln's more frequently quoted sayings - among lawyers, anyway - is, "A lawyer's time and advice are his stock in trade". What held true when Lincoln practiced in central Illinois still holds true in southern Wisconsin, today. Lawyers are retained to apply their knowledge, advice, and efforts to help solve clients' problems.

– **проявление компетентности**: *to hit one's stride* (проявить себя с самой лучшей стороны, показать себя чрезвычайно компетентным, способным человеком):

Affleck hits his stride with one of the year's best films. Directing his third feature, Ben Affleck shows a deft handling of tone, especially in making difficult transitions between scenes in Tehran, Washington and Hollywood, but also gives one of his strongest performances yet in front of the camera as the film's star.

Среди идиом, демонстрирующих функциональность, отмечаются и такие случаи, которые показывают функциональные **свойства предмета**. К числу таких свойств относятся:

– **практическое назначение вещи, выгода**: *a maid of all work* (вещь, имеющая несколько назначений):

Statins: maid-of-all-work in cardiovascular diseases!

– **хорошее состояние вещи**: *up to snuff* (на должной высоте, в хорошем состоянии, в форме):

But he quickly realised that Chrysler did not have a V-8 engine that was up to snuff. Business Today (2001).

– **пригодность вещи, соответствие нормам и требованиям**: *to pass muster* (выдержать испытание, проверку, оказаться годным, приемлемым, соответствующим предъявляемым требованиям):

New rail to Boston fails to pass muster.

– **высокий спрос на вещь**: *at a premium* (пользующийся большим, повышенным спросом (о товарах), ходовой, нарасхват, модный, в большом почете):

Helium at a premium: Carlsbad business owners starting to feel pinch of the gas shortage.

– **функциональность вещи**: *to go/run/work like clockwork* (работать с точностью часового механизма):

This force is so organized and subdivided that the machinery of the school goes on day by day like clockwork. (Up From Slavery by Washington, Booker).

– **свойство вещи подходить для определенной цели**: *to hit the spot* (полностью удовлетворять, подходить):

Some cars seem to make an instant impression and this was certainly one that hit the spot with me - and none of the versatility or practicality one associates with an SUV has been sacrificed either. Volvo SUV gets it right again by The Journal (Newcastle, England).

– **полезность вещи**: *to stand smb in good stead* (пригодиться кому-либо, оказаться полезным для кого-либо, сослужить кому-либо службу):

A boy scout knife will stand you in good stead when you do not have other tools.

– **удобство вещи в применении**: *close / near at hand* (рядом, поблизости)

I always keep my calculator close at hand.

Промежуточными вариантами можно считать ряд идиом, которые могут своей семантикой раскрывать не одно, а несколько значений, например: *to double in brass* (выполнять одновременно две и более функции). В этом случае идиома имплицитно передает целый ряд значений: полезность, выгодность, способность подходить для определенной цели. Например: *The capsule collection, aptly titled Double in Brass (meaning to take on a 2nd job) has the signature TLS style at a price more agreeable to the masses. It's very much as underwear as outerwear group with the fun details we have come to expect from designers Nikki and Maayan.*

Таким образом, в идиомах английского языка в той или иной мере отражены все значения понятия «практичность» в рамках тематического блока «функциональность». К этим значениям относятся эффективность, осуществимость, соответствие цели, свойство подходить для определенной ситуации, применимость на практике, полезность, преимущество, выгодность, успешность, положительная результативность, практическое назначение, хорошее состояние, высокий спрос, профессионализм, компетентность. Каждое из значений представлено одной или несколькими английскими идиомами.

То же самое можно сказать и о двух других семантических блоках понятия «практичность»: «реализм» и «реальные факты». Широкая представленность данного понятия в английской фразеологической картине мира свидетельствует о важности данного понятия в ментальном сознании англичан и позволяет утверждать, что расхожее представление об англичанах как о нации «практического склада ума» не является стереотипом и тем самым делает выбор понятия «практичность» в качестве объекта исследования оправданным.

Что касается предлагаемых подходов к семантической классификации идиом, выражающих понятие «практичность», следует оговориться, что они являются открытой системой, по отношению к которой допустимы разного рода дополнения и коррективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2: П-Я. М., 2000. С. 1088; Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. С. 1239; Macmillan English Dictionary. Bloomsbury Publishing Plc, 2002. P. 1692; Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited, 2006. P. 1832.

2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1984. С. 944; Knowles Elizabeth. Little Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2009. P. 320. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford University Press, 2006. P. 470.

УДК 43

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЕРМАНИИ

С.Г. Катаева

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы национальной и языковой идентичности, поиск которой в силу ряда исторических, политических и культурных причин всегда оставался в центре внимания общественно-политического дискурса в Германии.

Die Deutschen taten sich immer schwer, ihre Identität befriedigend zu beschreiben
Werner Weidenfeld: *Identität*.

Проблемы национальной и языковой идентичности немцев оставались на протяжении веков в центре внимания политического дискурса в Германии. Ее перманентный поиск является специфичным немецким явлением, имеющим давнюю традицию, и может быть объяснен исторически. К причинам его существования следует отнести позднее объединение Германии и создание национального государства только лишь в конце XIX в., 12-летнее правление национал-социалистов и 40-летнее существование разделенной Германии в XX веке. Поскольку на протяжении многих столетий Германия не представляла собой ни единого государства, ни политически оформленной нации, она понималась по большей части как «культурная нация» [1], о чем свидетельствует ее толкование в словаре Брокгауза 1815 г.: “ein durch gleiche Abstammung und Sprache ausgezeichnete Teil der Menschheit”. Политической нацией, как отмечает Г. Шайер, Германия становится постепенно, в ходе освободительной борьбы против французского господства (1813–1814), оставаясь при этом и дальше в первую очередь этническим и языковым сообществом [2]. Традиционно тесная связь понятий «язык» и «нация» в Германии продолжает оставаться и в современном понимании национальной идентичности, что проявилось во вновь наметившихся в конце XX в. пуристических тенденциях.

Все это создавало трудности в определении понятия «национальной идентичности». Политолог В. Вайденфельд пишет об этом следующим образом: «Для немцев всегда было тяжело окончательно понять и описать свою идентичность. Разделение Германии придало этой традиционной немецкой проблеме дополнительный, фундаментальный вес. Не случайно старый вопрос немцев об их идентичности не утихает столетиями, и не случайно сегодня он снова ставится с особенной остротой» [3]. Эта тема перманентно присутствует в современной немецкой истории: она остается в центре политического дискурса и в разделенной и в объединенной Германии, она продолжается в связи с интеграцией Германии в Европейский Союз. Данному дискурсу сопутствовали такие определения Германии как, “ein (ewig) schwieriges Vaterland”, “Verspätete Nation”, “die traumatisierte Nation” и др. В последние десятилетия становится актуальным дискурс о “европейской идентичности” и “государственной идентичности” в связи с «европеизацией национальных идентичностей» (“Europäisierung nationaler Identitäten”) [4].

Оживление дискурса о «национальной идентичности немцев» происходит также после восторженно принятого всеми немцами спортивного события – мирового чемпионата по футболу, проходившего в Германии летом 2006 г., после которого снова стали задаваться вопросом “*Was ist des Deutschen Vaterland?*” и заговорили о рождении «нового патриотизма немцев», который скептиками сразу же был переименован в “*Partyotismus*”, “*Wellness-Patriotismus*”, “*Pop-Patriotismus*”, “*Parallelerscheinung zum rheinischen Karneval*”. Последнее объясняется настороженным отношением немцев к слову «патриотизм», как и к другим ключевым словам, относящимся к этому понятийному полю, так как политическая и культурная история Германии имела негативный опыт особого применения таких понятий как *Staat* и с ним связанных *Nation*, *Volk*, *Heimat*, *Vaterland*, *Souveränität*, *Deutschland*, *Reich*.

Неуверенность немцев в определении своей национальной идентичности [5] ярко проявлялась на протяжении всей истории: в размытом определении своего партикулярного государства как «Священной римской империи немецкой нации», существовавшей до 1806 г., в период создания немецкого рейха в конце XIX в. в форме «мумификации» «Священной Римской империи немецкой нации» [6], она проявилось в форме извращенного понятия «государства» во время национал-социализма. Особенно после 1945 г., после частично обретенного национального суверенитета и дискурса о «преодолении прошлого» (“*Vergangenheitsbewältigung*”), когда понятие «национального государства» было полностью дискредитировано его чрезмерно преувеличенным значением и якобы «народным» (“*völkisch*”) национал-социализмом, военной экспансией, культурным самовосхвалением и самовосхищением, писатели послевоенных лет Б. Брехт, Х.М. Эрценсбергер, М. Вальзер и др. выражают в своих произведениях чувство стыда и неловкости за то, что произошло в новейшей истории Германии. Эта неуверенность в своей национальной идентичности существует и в XXI в., актуализируясь в вопросах: “*Die Deutschen – eine Nation?*” [7], “*Was ist des Deutschen Vaterland?*” [8].

Поиск национальной идентичности в разделенной Германии, отягощенный проблемой языковой идентичности (существованием немецкого языка в государствах с разными политическими системами и наличием большого количества региональных и национальных вариантов), пробуждает особый интерес. В 80-е гг. вопрос об идентичности немцев становится центральной темой времени, и, как пишет Корте, «шифром современности и сигналом ощущаемого дефицита идентичности; ее поиск противостоит синдрому отчуждения между двумя немецкими государствами» [9]. Политико-культурные исследования политологов, философов, социологов, встроенные в общие исследования Германии, дают обширный материал для последующих лингвистических исследований. Ключевыми словами этой дискуссии становятся понятия “*eine deutsche Sprachnation*”, “*das nationale Selbstverständnis*”, “*Standort-Deutschland*”, “*die deutsche Frage*”, “*die deutsche Nation*”, “*das Nationalbewusstsein*”. Показательно в этом отношении высказывание писателя М. Вальзера, который упрекает молодое поколение западных немцев в их индифферентности в вопросах национального самосознания, в их недостаточной идентификации с собственной нацией и ее историей. Это новое поколение немцев он видит состоящим из «современных, спокойных, непременно эмансипированных индивидов», недоуменно задающих вопросы: «Немцы? Что это такое? Никогда не слышал. Во всяком случае, есть кельнцы, берлинцы, штуттгартцы, франки или вестфальцы, но не немцы» [10].

Такие тенденции западных немцев в конце XX столетия свидетельствуют как об исторически сложившихся и укоренившихся в их сознании традициях федерализма в Германии, так и об отмечаемых в последние десятилетия процессах «регионализации идентичности» в условиях европейской Интеграции, о рождении так называемой «территориальной идентичности» (“*politisch-territoriale Identität*”) [11]. «Неуверенная национальная идентичность» немцев на современном этапе может быть объяснена не только их традиционным федерализмом, но и следствием интенсивной западной интеграции ФРГ, начало которой в послевоенные годы было положено К. Аденауэром. Не случайно, все меньше немцев дефинируют себя со-

гласно проведенным социологическим исследованиям только как немцев, а чаще всего как «немцев и европейцев» или только «европейцев» [12]. В силу вышеназванных причин более выраженная проевропейская ориентация наблюдается в большей степени в Германии, чем во Франции с ее исторически сложившимися централистическими традициями. Это стало очевидным во время современного экономического кризиса в ЕС, когда гарантом его спасения выступила именно Германия.

В этот период философ Ю. Хабермас вслед за Д. Штернбергером выдвигает понятие «конституционного патриотизма» (*“Verfassungspatriotismus”*) в центр общественного дискурса о национальной идентичности немцев в ФРГ как идентификацию с основным законом Западной Германии [13]. В отношении восточных немцев Г. Гаусс вводит понятие «общества ниш» (*“Nischengesellschaft”*), когда большинство населения ГДР в неприятии существующего общественного строя и официального политического языка в большинстве случаев уходило в политическую апатию, в сферу личной жизни, в «приватные ниши» [14]. Позднее такую же характеристику идентичности восточных немцев дает Й. Райх, соучредитель «Нового форума» и бывший кандидат в президенты 1994 г., подчеркивая «прагматичную идентичность» граждан ГДР, жители которой с самого начала относились амбивалентно к своей стране: «они отказывали ей в идентичности, отчасти из протеста против общественной формации, отчасти из-за того, что не признавали разделения Германии. Они выработали своего рода прагматичную идентичность, уютно обустроившись в этой стране в своих нишах. В основном они жили, приспособившись, а к своему псевдонациональному государству относились с иронической дистанцией» [15]. Если внимательно проследить дебаты о национальной идентичности в 80-х гг., то, как отмечает политолог К. Зонтхаймер, можно действительно подумать, что немцам не хватает чего-то важного и на поставленный вопрос: «Чего же не хватает немцам?» он предполагает: «Наверное, неразделенного, единого народа?» [16].

Но и объединение Германии не решило этой проблемы. Наоборот, оно с новой силой обострило проблему национальной идентичности, так как «разность опыта, разных представлений и отношений восточных и западных немцев снова расставили в этой проблеме неверные акценты» [17]. После того как ГДР перестала существовать как «общество для сравнения» (*“Vergleichsgesellschaft”*), в ФРГ перестает существовать и ее так называемая «территориальная идентичность» (*“Standort-Identität”*) [18]. И снова говорят, спорят, пишут и думают немецкие интеллектуалы о собственной стране, о немецком самоопределении и национальной идентичности [19]. Следует отметить, что в Германии сложился специфический тип текста «обращение к нации, к своей стране», начало которому было положено еще в начале XIX в. немецким философом Й.Г. Фихте [20]. В этом новом общественном дискурсе о «национальной идентичности» в объединенной Германии немцы пытаются по-новому открыть, понять и интерпретировать такие понятия как «немецкий», «нация», «национальное сознание» [21]. Объединившись, немцы все еще ищут себя и связывающие их узы. Причину этого М. Дёнхофф видит в том, что немцы сорок лет провели как бы «в зале ожидания истории» (*“Im Wartesaal der Geschichte”*), «в разделенной на две части стране без настоящей столицы и с гражданами в постоянном поиске идентичности». В этой связи она задается вопросом: «Перерастет ли объединение этих двух так разно структурированных Германий с различными общественными системами, отношением к частной собственности, идеалами во что-то совсем новое? Или из этого получится просто одна ‘большая ФРГ’, как временно объединенная территория?» [22].

Новый политический дискурс 90-х гг. с постановкой вопроса “Deutsch – was ist das?” [23] показывает, что существуют, прежде всего, значительные экономические и социальные различия между обеими частями объединенной Германии, которые не позволяют говорить даже в ближайшем будущем о немецкой нации, с её осознанной, четко понимаемой идентичностью [24]. И, как утверждают политологи, для этого понадобится ставшим чужими западным и восточным немцам предположительно время не одного поколения, чтобы снова стать бли-

же друг к другу [25]. Причины этого объясняются также тем, что Германия, по утверждению Й. Райха, была скорее наспех и грубо «сколочена» (*“zusammengenagelt”*), чем органично объединена, и не была учтена «асимметрия» в мировосприятии граждан обоих немецких государств [26]. Ю. Хабермас называет эту асимметрию между востоком и западом фатальной, неизбежной ввиду слишком быстрого объединения и предостерегает в этой связи от «поспешных риторических заявлений о снятии различий, которые еще долго будут существовать между западными и восточными немцами в отношении различного опыта, накопленного за годы их раздельного существования» [27].

Свой образный прогноз дает и Г.М. Эрценсбергер, указывая на то, что «нематериальные структуры» обладают цепкой живучестью в сознании людей и имеют обыкновение «долго зимовать в их головах» [28]. Известный политолингвист Ф. Херманнс описывает объединение Германии как формальный процесс, напоминающий обычное пере(за)клеивание или смену табличек. Он пишет: «В конечном итоге еще до 3.10.1990 в ГДР произошла акция замены национальных автомобильных знаков, когда старые были просто заклеены новыми – хороший символ того, как вообще обошлись с прошлым: прошлое, от которого нельзя легко отделаться, для начала надо просто заклеить, как это было сделано со знаком “ГДР”, переклеенным на знак “Г” (Германия). Так поменяли и бывшую идентичность на новую. Причем деликатность этого действия заключалась в том, что вновь приобретенная идентичность...] была той, которая еще недавно была противоположной. ‘Граждане ГДР’ и ‘граждане ФРГ’ стали сразу, одним махом, просто н е м ц а м и» [29]. Отвечая на вопрос «Кто же относится к немцам?», В. Тойберт утверждает, что нет различий между жителем Франкфурта на Одере и жителем Франкфурта на Майне, что касается их немецкой принадлежности, но есть еще много прочего, что противоречит представлению о гомогенном национальном государстве [30].

После исторического «поворота», произошедшего в 1989/1990 гг., наблюдаются процессы дезинтеграции и трудности ориентации, которые охватили и восток, и запад Германии, хотя и в разной степени. Д. Гримм пишет по этому поводу: «Для восточных немцев изменился весь жизненный уклад, поменялась шкала ценностей, стали ненужными отработанные жизненные установки и модели поведения, а первые впечатления от нового опыта свободы оказались амбивалентными. В западной части Германии ставится под сомнение “конституционный патриотизм” западных немцев, опиравшийся на основной закон ФРГ» [31]. Сам Ю. Хабермас уже не придерживается своего ранее выдвинутого тезиса о «конституционном патриотизме», он пишет в измененной политической ситуации о начале новой идентичности в атмосфере усиления национального самосознания и почти истерических заклинаний о создании новых норм, соответствующих «патриотизму немецкой марки» как символу идентичности [32]. Он желает в этой связи для граждан ФРГ «нормальный западный тип национальной идентичности», чтобы избежать опасности нового национализма [33].

Для граждан ГДР объединение Германии принесло значительные изменения во всех жизненно важных областях их существования. «Радикальный объединительный шок» [34] в большой степени затронул и немецкий язык бывшей ГДР, составлявший «языковую идентичность» восточных немцев. Для успешного протекания процесса языковой идентификации восточных немцев в изменившихся новых условиях, в том числе в употреблении им привычного немецкого языка, когда сразу и в больших количествах появились новые названия государственных институтов и ведомств, улиц, профессий, школ, магазинов, товаров, когда надо было усваивать новые коммуникативные модели поведения, потребовалось создание в новых федеральных землях языковых консультационных пунктов при университетах, своего рода «переводческого сервиса», при переходе на западный вариант немецкого языка [35]. В 90-е гг. остро встает вопрос «языкового объединения» Германии. О проблематике научных (полито) лингвистических исследований этого времени свидетельствуют заголовки многочисленных книг и статей: *“Wer spricht das wahre Deutsch?”*, *“Durch die gemeinsame Sprache getrennt”*, *“Mit gespaltenen Zunge?”*, *“Ostdeutsch+Westdeutsch = Gesamtdeutsch?”*, *“Sprechen wir gemeinsam un-*

terschiedlich?”, “*Deutsch-deutsche Kommunikationskonflikte*” и др. Проблема «языкового объединения» Германии все еще окончательно не решена.

Федеральный канцлер ФРГ Г. Коль, обещая во время предвыборной кампании в марте 1990 г. гражданам восточных земель радужные перспективы, сформулировал часто цитируемое высказывание о «процветающих ландшафтах» при этом ничего не сказав о том, сколько и чем надо будет за это заплатить обеим сторонам [36]. После потери основной ориентации, идентичность восточных немцев основывалась на ощущении себя «гражданами второго сорта» [37]. Как отмечает Ш. Хайм, для восточных немцев слишком быстро стала их бывшая родина ГДР не более чем «просто сноской в мировой истории» [38]. Это способствовало тому, что у граждан бывшей ГДР развивается «совершенно новое чувство самосознания: идентичность ГДР после ее смерти» [39], как упрямая «идентичность сопротивления» (*Trotz-Identität*) натиску «западного общества потребления» [40]. Спустя годы после официального объединения, явно отсутствует связь между определенными экономическими успехами в восточной части Германии и психологическим объединением в сознании людей [41].

В первые годы после объединения специалисты отмечают усиление и укрепление ностальгии по ГДР, получившей название «остальгии». Как отмечает И. Кюн, в новых федеральных землях наблюдается «оживление слов, находившихся в бывшей ГДР в процессе архаизации, происходит своеобразный ренессанс ее продуктов и их названий» (42). Такой запоздалый восточный патриотизм М. Бискупек называет «фантомными болями» (43). Известный социолог из Алленсбаха Э. Ноелле-Нойман, проводящая демокопические исследования в этой области, описывает в 1997 г. данную ситуацию следующим образом: «Убеждения, ценности, цели времен ГДР как бы призрачно законсервированы. Враждебно окрашенные антикапиталистические настроения идут с востока на запад» [44]. В том виновата, как считает А. Штрмайер, политика Бонна, которая не учла и недооценила «долговременную, запечатляющую и притягательную силу политической системы ГДР» [45].

В. Шойбле, один из ведущих политиков ФРГ, упрекает «избалованное благополучием» западногерманское население в «массированных защитных рефлексах» и «возрастающем эгоизме», которые только усиливают негативный эффект от объединения [46]. Данное явление определенного «спада» объединительных настроений в немецком обществе в 90-е гг. воспринимается не всеми так драматично. Известный западногерманский лингвист М. Хельманн рассматривает «остальгию» восточных немцев по бывшей ГДР, как вполне нормальную и закономерную реакцию на столь форсированное объединение Германии и, в том числе, на их вынужденное приспособление к западному употреблению немецкого языка. Он пишет: «Если этим хотят внушить, что восточные немцы, ведущие себя таким образом, тоскуют по прошлому ГДР и хотят его возвращения, то это сомнительно. Речь скорее идет о защитной реакции на слишком сильное давление, направленное на приспособление восточных немцев к западным, скорее о самоутверждении, чем о возврате в прошлое» [47].

При этом со стороны западных исследователей часто выражается недоумение по поводу ретроспективной идеализации бывшей ГДР, поскольку объединение Германии не было односторонним актом принуждения со стороны ФРГ. Показательным примером для этого может служить статья Л. Энзеля «Почему же мы так не можем терпеть друг друга?» (1995), в который он выражает непонимание по поводу «остальгии» восточных немцев. Как отмечает Ю. Кока, в 1990 г. большинство восточных немцев добровольно проголосовали за объединение, которое изначально не было «компромиссом между ГДР и ФРГ», а подразумевало её «безоговорочную и полную интеграцию в ФРГ на основе западногерманских законов» [49]. Немецкое единство было восстановлено в октябре 1990 г. «не потому, что это было страстным желанием западной части немецкой нации, намного сильнее это было желанием населения бывшей ГДР» [50]. Тогда почему же не «срастается то, что принадлежит друг другу?» [51], а наоборот, сталкивается и резко расходится то, что должно объединяться?

Причины этого явления следует искать в разочаровании, постигшем большинство восточных немцев после «тотальной уничижительной оценки прошлого ГДР» [52]. Общее настроение людей трансформирует смелый девиз немецкой «бархатной революции» 1989 г.: «Мы единый народ» (*“Wir sind ein Volk”*), в обывательскую истину: «сегодня мы просто одно население, а не единый народ» [53]. Жалобы восточных немцев стали фактом повседневности [54], отсюда пошло и новое обозначение бывших граждан ГДР, «жалобщиков осси» (*“Jammer-Ossis”*) как оппозиции к «всезнайкам весси» (*“Besser-Wessis”*). Постоянные «жалобы и причитания восточных немцев», их «добровольный отказ» от активных действий и привели, по мнению Й. Райха, к краху ГДР [55]. Он призывает своих восточных земляков к движению на пути создания «внутреннего единства», которое не произойдет, если занять «выжидательную позицию в своих нишах, задрапированных ‘политическим раздражением’ (*Politikverdrossenheit*)». Если мы не будем двигаться, мы растаем как снеговик на солнце» [56].

Разочарованные и утратившие иллюзии граждане бывшей ГДР оказались не готовы к глобально потрясшим все устои общества изменениям и сложным проблемам новой жизни. «Проплетающиеся ландшафты» в новых землях Восточной Германии, однажды обещанные канцлером Г. Колем, постоянно упоминаются в политическом дискурсе только в ироническом смысле. Объединенная Германия являет собой по образному определению Т. Зоммера «исторический полуфабрикат», поскольку не может «срастись» за одну ночь то, что многие годы было разделенным, и нужно еще много работать, чтобы получить из него готовый продукт [57]. Этот процесс будет еще долго продолжаться, прежде чем ландшафты в новых землях, как обещано, «зацветут». Для этого, как справедливо считает В. Шойбле, западным немцам надо отказаться от «всезнаительства» и понять, что «путь к внутреннему единству не является односторонним движением, по которому должны двигаться только люди с восточной стороны; и западные немцы должны двигаться по нему в большей степени, чем им кажется» [58]. И хотя демоскопические исследования этих лет и подтверждают наличие *“Mauer in den Köpfen”*, они одновременно с этим показывают, что при всем недовольстве немцев объединением, при котором в спешке многое было упущено, они хотят жить вместе в одном государстве и это уже является конституционным признаком национального единства [59]. Амбивалентное отношение восточных немцев после объединения Германии в 90-е гг. можно выразить словами С. Райхе, председателя СДПГ в Бранденбурге: «Мы не хотим снова иметь ГДР. Но мы не дадим отобрать её у нас» [60]. Ведущие политологи также утверждают, что «культурная нация и вместе с ней немецкий язык, которые являются составной частью личной идентичности немцев, уже пережили время разделения» [61].

Общественно-политический дискурс об «идентичности» и историческом сознании немцев на востоке и западе Германии обнаружил важные различия между двумя частями Германии, хотя он часто носил характер «модной» политической темы и «выходил из берегов», особенно попадая в средства массовой информации [62]. Литература по этому вопросу необозрима: это и серьезные исследования, и тенденциозные спекуляции о восточно-западных умонастроениях и идентичности, которые, как отмечает М. Хельманн, в 90-е гг. «переживали настоящий бум» [63].

В исследованиях языковой идентичности немцев более позднего периода звучит призыв рассматривать «право восточных немцев на старые слова» не как «защиту бывшей ГДР», а как законное «право на собственную социализацию и культуру», признаваемое представителями других культур, независимо от их политической оценки [64].

Такой «активный» поиск идентичности немцев, при всей актуальности этой проблемы и объективности её причин, со стороны кажется несколько преувеличенным, а иногда и искусственно проблематизированным. Почему современный поиск немецкой идентичности переживает ренессанс как раз тогда, когда объединение Германии, казалось бы, положило конец вечному «немецкому вопросу»? Что мешает народу объединенной Германии, одной из развитых стран мира, окончательно определить свою национальную и языковую идентичность?

Или правы те, которые относят «склонность немцев к жалобам и причитаниям к их национальной добродетели» [65].

Современный поиск национальной идентичности немцев объективно может быть объяснен как специфически внутренними проблемами их самоидентификации (при связующей роли немецкого языка), наступивших после объединения двух немецких государств, так и внешними проблемами, обусловленными ролью Германии в Европе и в мировом пространстве в связи с глобальными изменениями в последние десятилетия (концом холодной войны и исчезновением идеологического противника – «лагеря социалистических стран», экономической глобализацией и мировым доминированием США), т.е. с поиском своего места во вновь формирующемся мировом порядке.

И спустя два десятилетия после падения Берлинской стены и объединения Германии срастание двух немецких языковых и коммуникативных сообществ еще не закончено. Гармонично будут срастаться две части Германии только тогда, когда исчезнут последние ментальные различия, когда восточные и западные немцы будут одинаково идентифицировать себя с единой Германией. В этом процессе окончательного объединения Германии большое значение придается «объединению немецкого языка» как важной составной части немецкой национальной идентичности, что хорошо иллюстрирует высказывание Й. Райха, гражданина бывшей ГДР: «Если я говорю о своей стране, я всегда вспоминаю две Германии, которые существуют и сегодня и еще долго будут существовать; об о д н о й стране я смогу говорить лишь тогда, когда я смогу говорить о нашей культуре, нашей истории, наших традициях, нашем искусстве и, прежде всего, о нашем общем я з ы к е. 'Единая немецкая нация' обязательно состоится, но это еще 'проект будущего'» [66].

И потому дискурс о национальной или европейской идентичности немцев будет продолжаться до тех пор, пока вновь и вновь не будут возникать риторические вопросы *“Was ist des Deutschen Vaterland?”*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Polenz P. von Zwischen «Staatsnation» und «Kulturnation» – Deutsche Begriffsbesetzungen um 1800 // Sprache und bürgerliche Nation / Hrsg.: Cherubim D., Grosse S., Mattheier K. Berlin, New York, 1998. S. 55-70.

2. Schauer H. Nationale und europäische Identität. Die unterschiedlichen Auffassungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien // Aus der Politik und Zeitgeschichte (ApuZ). № 1-2, 1997. S. 9.

3. Weidenfeld W. Die Identität der Deutschen. Fragen, Positionen, Perspektiven. Bonn, 1983. S. 9.

4. Schild J. Europäisierung nationaler politischer Identitäten in Deutschland und Frankreich // ApuZ. № 3-4, 2003. S. 31.

5. Отсюда определение немецкой идентичности как «неуверенной» (“unsichere Identität”) в противовес к ярко выраженной самоидентификации французов со своим суверенным национальным государством (“feste Identität”) (Schild 2003, 36).

6. Bergsdorf W. Wiedervereinigung der Sprache. Einige Bemerkungen zum politischen Sprachgebrauch in Deutschland // Öffentlicher Sprachgebrauch / Hrsg.: Böke K., Jung M., Wengeler M. Opladen, 1996. S. 26-27.

7. Ramm T. Die Deutschen – eine Nation // ApuZ. № 3-4, 2002. S. 32-38.

8. Fuhr E. Was ist des Deutschen Vaterland? // ApuZ. № 1-2, 2007. S. 3-7.

9. Korte K.R. Deutschlandbilder // Handbuch zur deutschen Einheit / Hrsg.: Weidenfeld W., Korte K.R. Frankfurt am Main, 1994. S. 150.

10. Walser M. Über Deutschland reden. Frankfurt am Main, 1989.

11. Schild J. Europäisierung nationaler politischer Identitäten in Deutschland und Frankreich // ApuZ. №3-4, 2003. S. 36.

12. Ibid. С 36.

13. Habermas J. Geschichtsbewusstsein und posttraditionale Identität. Die Westorientierung der Bundesrepublik // Kleine politische Schriften VI. Frankfurt am Main, 1987. S. 173.
14. Gaus G. Wo Deutschland liegt. Eine Ortsbestimmung. Hamburg, 1983. S. 157.
15. Reich J. Rede über das eigene Land. München, 1993. S. 9.
16. Sontheimer K. Zeitenwende? Die Bundesrepublik zwischen alter und alternativer Politik. Hamburg, 1983. S. 148.
17. Busse D. Deutschland, die «schwierige Nation» – Mythos oder Wirklichkeit? // Wer spricht das wahre Deutsch? / Hrsg.: Reiher R., Läser R. Berlin, 1993. S. 21.
18. Weidenfeld W., Korte K.R. Die Deutschen: Profil einer Nation. Stuttgart, 1991. S. 236.
19. Walser M. Über Deutschland reden; Reich J. Rede über das eigene Land.
20. Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation. 1807/08.
21. Busse D. Deutschland, die «schwierige Nation» – Mythos oder Wirklichkeit? // Wer spricht das wahre Deutsch? / Hrsg.: Reiher R., Läser R. Berlin, 1993; Teubert, W. Die Deutschen und ihre Identität // Sprache im Umbruch. Politischer Sprachwandel im Zeichen von «Wende» und «Vereinigung» / Hrsg.: Burkhardt, A., Fritsche, K. P. Bd. 1. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1992; Hermanns F. Ein Wort im Wandel: Deutsch – was ist das? Semiotisch-semantische Anmerkungen zu einem Wahl-Plakat der CDU (1990) // Sprache im Umbruch. Politischer Sprachwandel im Zeichen von «Wende» und «Vereinigung» / Hrsg.: Burkhardt A., Fritsche K.P. Bd. 1. Berlin/ New-York, 1992.
22. Dönhoff M. Im Wartesaal der Geschichte. Vom Kalten Krieg zur Wiedervereinigung. Stuttgart, 1993. S. 296.
23. Этот вопрос вынесен в заголовок статьи Ф. Херманса [Hermanns 1992].
24. Busse D. Op. cit. S. 21.
25. Korte K.R., Weidenfeld W. Deutsche Einheit // Handbuch zur deutschen Einheit / Hrsg.: Weidenfeld W., Korte K.R. Frankfurt am Main, 1994. S. 138.
26. Reich J. Rede über das eigene Land. S. 15-16.
27. Habermas J. Was bedeutet «Aufarbeitung der Vergangenheit heute? Bemerkungen zur «doppelten Vergangenheit» // Die Moderne – ein unvollendetes Projekt. 3. Aufl. Leipzig, 1994. S. 264.
28. Erzensberger H.M. Europa in Ruinen. Augenzeugenberichte aus den Jahren 1944–1948. München, 1995. S. 16.
29. Hermanns F. Op. cit. S. 255.
30. Teubert W. Op. cit. S. 236.
31. Grimm D. Hütet die Grundrechte! // Die Zeit, 18.04.1997. S. 44.
32. Habermas J. Der DM-Nationalismus // Die Zeit, № 14, 1990. S. 62.
33. Habermas J. Nochmals zur Identität der Deutschen // Die nachholende Revolution. Kleine Politische Schriften VII. Frankfurt am Main, 1990. S. 209.
34. Термин Вайденфельдта (Weidenfeld 1992, 382).
35. Kühn I. Sprachberatung als Hilfeleistung im Identifikationsprozess // Sprachidentität - Identität durch Sprache / Hrsg.: Janich N., Thim-Mabrey C. Tübingen, 2003. S. 91-105.
36. Stern F. Der Traum vom Frieden und die Versuchung der Macht. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert. Berlin, 1999. S. 10.
37. Teubert W. Op. cit. S. 236.
38. Heym S. «Die DDR eine Fußnote in der Weltgeschichte» // Die Wende in der DDR / Hrsg.: Maier G. Bonn, 1991. S. 87.
39. Reich J. Rückkehr nach Europa. Bericht zur neuen Lage der deutschen Nation. München/Wien, 1991. S. 251.
40. Görtemaker M. Probleme der inneren Einigung // Der Weg zur Einheit. Information zur politischen Bildung, № 250, 1996. S. 54.
41. Vernet D. Die Einheit in den Köpfen: Die Identität der Ostdeutschen und was die Westdeutschen noch lernen müssen // Deutschland, № 4, 1995. S. 3.

42. Kühn I. Aktivierung DDR-spezifischer Archaisierungen // Muttersprache, № 4, 1995. S. 315.
43. Biskupek M. Gibt es einen spezifischen Ost-Patriotismus? // APuZ № 1-2, 2007. S. 13.
44. Noelle-Neumann E. Die PDS als Kristallisationspunkt der Unterschiede // Die Zeit, 10.12.1997. S. 5.
45. Strohmeier A. Eine Situation voller Widersprüche // Presse und Sprache, 39. Jg., 1995. S. 1.
46. Schäuble W. Deutschlands Weg zur inneren Einheit // Deutschland. № 2, 1995. S. 49.
47. Hellmann M. Sprach- und Kommunikationsprobleme in Deutschland Ost und West // Sprache im Gespräch. Zu Normen, Gebrauch und Wandel der deutschen Sprache / Hrsg.: Schmirber G. München, 1997. S. 78.
48. Ensel L. «Warum wir uns nicht leiden mögen...» Was Osis und Wesis voneinander halten. – Münster, 1995.
49. Kocka J. Die Vereinigung erfolgt mit Recht zu westlichen Bedingungen // Maier G. (Hrsg.) Die Wende in der DDR. Bonn, 1991. S. 108-109.
50. Alter P. Nationalbewusstsein // Handwörterbuch zur deutschen Einheit / Hrsg.: Weidenfeld W., Korte K.R. Bonn, 1992. S. 491.
51. Так гласит известное изречение почетного председателя социал-демократической партии Германии Вилли Брандта, которое он произнес в 1989 г. на следующий день после падения Берлинской стены: «Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört».
52. Wolle S. Herrschaft und Alltag. Die Zeitgeschichtsforschung auf der Suche nach der wahren DDR // ApuZ. B. 26, 1997. S. 33
53. Kirchner K.H. Wir sind eine Bevölkerung // Politische Zeitung (PZ) «Wir in Europa». № 16, 1992. S. 4.
54. Golombeck D. Das nicht mehr geteilte Deutschland (Zu diesem Heft) // PZ «Wir in Europa». № 16, 1992. S. 3.
55. Reich J. Warum ist die DDR untergegangen? Legenden und sich selbst erfüllende Prophezeiungen // ApuZ. B. 46, 1996. S. 7.
56. Reich J. Deutschland Ost. Wegbeschreibung // Zur Kandidatur von Jens Reich (für das Amt des Bundespräsidenten am 23. Mai 1994). Berlin, 1993. S. 28.
57. Sommer Th. Der 9. November 1989. Die Zeitenwende // Deutschland, № 5, 1999. S. 10-11.
58. Schäuble W. Deutschlands Weg zur inneren Einheit // Deutschland, № 2, 1995. S. 49.
59. Noelle-Neumann E. Die PDS als Kristallisationspunkt der Unterschiede // Die Zeit, 10.12.1997. S. 5.
60. Reiche S. Ostschrippen schmecken wenigstens. Klassentreffen im Brandenburgischen // PZ. №. 91, 1997. S. 4.
61. Weidenfeld W., Korte K.R. Nation und Nationalbewusstsein // Handbuch zur deutschen Einheit / Hrsg.: Weidenfeld W., Korte K.R. Frankfurt/Main, 1994. S. 476.
62. Hellmann M. Tendenzen der sprachlichen Entwicklung seit 1989 im Spiegel der Forschung // Der Deutschunterricht, № 1, 1997. S. 23.
63. Hellmann M. Sprach- und Kommunikationsprobleme in Deutschland Ost und West // Sprache im Gespräch. Zu Normen, Gebrauch und Wandel der deutschen Sprache / Hrsg.: Schmirber G. München, 1997. S. 81.
64. Fix U. Identität durch Sprache – eine nachträgliche Konstruktion? // Sprachidentität – Identität durch Sprache / Hrsg.: Janich N., Thim-Mabrey C. Tübingen, 2003. S. 121.
65. Wegner M. Die deutsche Einigung oder das Ausbleiben des Wunders // ApuZ. B. 40, 1996. S. 13.
66. Reich J. Rede über das eigene Land. S. 16.

УДК 43

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА (на примере изречений молодежного движения «Sponti» в Германии)

Н.Д. Матарыкина

Аннотация

В статье рассматриваются приемы интертекстуальной языковой игры в изречениях молодежного движения «Sponti» в Германии, которая реализуется как посредством структурных трансформаций претекстов, так и при сохранении их структурных моделей за счет средств парадокса.

В 70-е гг. XX в. вследствие распада движения внепарламентской оппозиции появляется большое количество различных троцкистских, коммунистических, анархических и других группировок левого толка [1]. К последним можно отнести движение, получившее в немецком языке название «Sponti-Bewegung», занимавшее промежуточное положение между студенческим движением конца 60-х гг. и молодежными протестами 80-х. Как отмечает Е. Нойланд, для словоупотребления в его среде характерна, по сравнению с языком студенческого движения, большая доля обиходно-разговорных явлений и практическое отсутствие научной терминологии. На смену рациональной аргументации приходит эмоциональность, а стилеобразующими элементами выступают двусмысленность, большое количество частиц и сокращений, присутствие элементов устной речи в речи письменной. Изречения (Sponti-Sprüche), возникшие в этот период, отличаются креативностью и комичностью, основывающейся зачастую на трансформации известных фразеологизмов и нарушении смысла [2]. Данные изречения распространялись не только в СМИ, но и в виде граффити, например, на стенах домов, или лозунгов на демонстрациях. В большой мере для них характерно присутствие интертекстуальности.

Интертекстуальность может выступать как одно из проявлений языковой игры [3] или «интертекстуальной игры» [4]. Я. Андроусопоулос, рассматривая структурные преобразования, которым подвергаются известные товарные знаки и логотипы, используемые в молодежной среде в качестве наклеек, надписей на футболках и т.п., выделяет различные способы этих преобразований.

1) Первую группу составляют присоединение, отсечение и перестановка отдельных букв (звуков) со следующими возможностями реализации:

- присоединение;
- отсечение;
- присоединение и отсечение;
- перестановка;
- перестановка и отсечение.

2) Ко второй группе относятся так называемые «минимальные пары», когда разница между претекстом и интертекстом состоит лишь в одной заменяемой фонеме, в зависимости от положения в слове которой автор называет инициальные, медиальные и финальные замены.

3) Отличие третьей группы от второй заключается в количестве преобразуемых фонем/графем, которое должно быть более одной. Это квази-минимальные пары.

4) Четвертая группа охватывает субституции в узком смысле. К этой группе могут принадлежать как простые слова, так и сложные. В первом случае неизменными остаются некоторые особенности графического оформления претекста (количество графем, начальная/конечная буква), во втором случае константой является словообразовательная структура.

5) Пятая группа включает в себя «свободные» субституции, т.е. замещение лексем или составляющих композитов новыми, которые не обнаруживают прямого соответствия с внутренней структурой претекста [5].

Думается, что данная классификация применима и к другим текстовым жанрам и отчасти позволяет охарактеризовать разновидности интертекстуальной языковой игры в изречениях движения «Sponti».

Источниками интертекстуальных включений здесь часто выступают пословицы, поговорки и крылатые слова. Поскольку пословицы и поговорки имеют устойчивую структуру, появляется возможность, при незначительном изменении ее элементов, сохранить узнаваемость претекста и придать ему новый смысл. То же можно сказать и о крылатых словах, источники которых, как правило, известны широкому кругу носителей языка. Это политические лозунги, произведения классической литературы и философские сентенции.

Можно отметить, что наиболее часто встречающимися способами модификации пословиц и крылатых слов в изречениях движения «Sponti» являются свободные субституции, когда отдельные слова заменяются новыми. Так, слова из «Манифеста коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса *“Die Proletarier haben nichts... zu verlieren als ihre Ketten. Proletarier aller Länder, vereinigt euch!”* преобразуются в *“Radfahrer aller Länder vereinigt euch. Ihr habt nichts zu verlieren außer eurer Ketten”*; *“Männer aller Länder – verpisst euch”*; *“Duckmäuser aller Länder, vereinigt euch!”*; *“Wir haben nichts zu verlieren außer unserer Angst”*.

Лозунг Октябрьской революции 1917 г. в России *“Alle Macht den Sowjets!”*, получивший в 1918 г. в марксистской организации «Группа Спартак» в Германии звучание *“Alle Macht den Räten!”*, трансформируется в *“Alle Macht für mich!”*; *“Keine Macht für Niemand!”*.

Замене может подвергаться как одно слово, так и более:

Ein voller Kopf studiert nicht gern (cp. Ein voller Bauch studiert nicht gern).

Ein Schwein kommt selten allein (cp. Ein Unglück kommt selten allein).

Wut macht Mut (cp. Mut tut gut).

Ich tanke also fahr ich (cp. Ich denke, also bin ich, образованное от Cogito, ergo sum французского философа и математика Р. Декарта).

Помимо свободных субституций достаточно часто встречаются присоединение и минимальные пары, в том числе, квази-минимальные:

Aller Mannfang ist schwer (cp. Aller Anfang ist schwer).

Per PKW nach Griechenland: Beulen nach Athen tragen (cp. Eulen nach Athen tragen, выражение, образованное от Wer hat die Eule nach Athen getragen? из комедии древнегреческого комедиографа Аристофана, где сова является птицей богини мудрости Афины, покровительницы города Афины).

Призыв из «Марсельезы» *“Zu den Waffen, Bürger”* трансформируется в *“An die Waffeln, Bürger!”*.

Wut tut gut (cp. Mut tut gut).

Liegen haben kurze Beine (cp. Lügen haben kurze Beine).

Квази-минимальные пары:

Wer ARD sagt, muss BRD sagen (cp. Wer A sagt, muss auch B sagen).

Cogito ergo Husum (cp. Cogito, ergo sum; Хузум – город в Германии, расположенный в земле Шлезвиг-Гольштейн).

Иногда преобразования имеют сложный, комплексный характер. В качестве примера можно привести высказывание *“Ich summe, also bien ich”*. “Sum” из латинского “Cogito ergo

sum” трансформируется путем присоединения в “*summe*”; вторая часть данного выражения соответствует уже не латинскому, а его немецкому эквиваленту “*Ich denke, also bin ich*”, где однако происходит изменение графической формы *bin* в *bien*, что является минимальной парой с графемным преобразованием в медиальной части и способствует возникновению двойного смысла.

Iren sind auch Menschen (ср. *Irren ist menschlich*). Здесь отсечение графемы в слове *irren* сопровождается свободной субституцией слов данного выражения.

Помимо названных способов модификации существует и ряд других.

Е.Д. Смирнова, которая анализирует пословицы и поговорки в языке печатных СМИ Германии, называет такие типы их деформации, как отсечение части пословицы и добавление нового суждения [6]. Данные типы трансформации формы устойчивого выражения оказались также часто употребительными и при создании изречений в молодежной среде, причем добавление нового суждения может и не сопровождаться отсечением части пословицы:

Wer andern eine Grube gräbt, ist selbst dran schuld (ср. *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein* – пословица, восходящая, в свою очередь, к библейской цитате из книги Екклесиаст “*Aber wer eine Grube macht, der wird selbst hineinfallen; und wer den Zaun zerreißt, den wird eine Schlange stechen* (10:8); *Der Klügere gibt so lange nach, bis er der Dumme ist* (ср. *Der Klügere gibt nach*); *Arbeit ist süß, ich bin aber Diabetiker. Arbeit macht das Leben süß; Faulheit stärkt die Glieder; Arbeit ist süß, aber sauer macht lustig*” (ср. *Arbeit macht das Leben süß*, что является первой строкой стихотворения Г.В. Бурмана “*Arbeit*”).

Афоризм, приписываемый Л. Эрхарду и передающий настроение в обществе в период «экономического чуда» 50-х гг. “*Wir sind wieder wer*” приобретает форму риторического вопроса: “*Wir sind wieder wer, aber wer und vor allem wieder und wieso immer wir?*”.

Иногда в одном изречении контаминируются разные пословицы с целью достижения комического эффекта: *Ein voller Bauch fällt nicht weit vom Stamm* (ср. *Ein voller Bauch studiert nicht gern* и *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*).

Интертекстуальная языковая игра может реализовываться не только за счет изменения структурных характеристик претекста. В ряде случаев именно структура остается неизменной, получая неожиданное лексическое и смысловое наполнение. В качестве претекста выступают модели определенных типов текста, прежде всего, модели лозунга против или в поддержку чего-либо (с типичными клише в начале предложений).

Für ...:

Für den Weihnachtsmann: Weg mit den Osterhasen!

Für die sofortige Abschaffung des Alltags!

Für die sofortige Aufnahme der Mensa in den Guide Michelin.

Für genügend Zuteilung von Waldmeister an das Volk.

Für grüne Fuß- und Fliegenpilze.

Gegen ... / weg mit ...:

Gegen Massentierhaltung: Zweierpack für Gummibärchen.

Weg mit uns.

Создаваемые изречения зачастую имеют серийный характер.

В ряде случаев воспроизводится не только структура упомянутых моделей, но и сами лозунги, которые, как и пословицы, также могут получать неожиданное продолжение.

Elite? Nein danke. / Ср. Atomkraft? Nein danke.

Gegen Massentierhaltung. Zweierpack für Gummibärchen.

Baut keine neuen Atomraketen, bevor die alten nicht verbraucht sind

В следующем примере сохраняются синтаксическая и ритмическая форма стихотворного исходного текста и отдельные его слова при изменении содержательного наполнения фразы:

Wer baggert so spät am Baggerloch, es ist der Bagger, der baggert noch.

Интересен пример интертекстуальности в форме пересказа стихотворного текста, когда ссылка на исходный текст осуществляется посредством аллюзии с помощью слов, ассоциирующихся с данным текстом, а общий смысл меняется до абсурдного:

Eine Blume geht über die Wiese, sieht einen wunderschönen Menschen und reißt ihm den Kopf ab.

*Ср.: Sah ein Knab' ein Röslein stehn,
Röslein auf der Heiden;
war so jung und morgenschön,
liefer schnell, es nah zu sehn,
sah's mit vielen Freuden (J.W. Goethe).*

Стилистический эффект ошеломления, который возникает, сочетается с комическим эффектом и выполняет функцию очуждения по отношению к общезначимым ценностям.

Известно, что отличительной особенностью движения левого толка «Sponti» от других левых группировок было такое представление о революционном потенциале масс, который не нуждается в руководящей роли партии, а реализуется в спонтанных акциях, как, например, в акциях захвата молодежью домов, предназначенных для сноса, в Берлине и Франкфурте в 70-е годы. Отсюда также отрицание существующих авторитетов (ср. <http://www.uni-protokolle.de/Lexikon/Sponti-Szene.html>). Такая позиция проявляется в дистанции относительно источников интертекстуальных включений, которые представлены пословицами и крылатыми выражениями. Интертекстуальность, сочетаясь с языковой игрой и стилевым контрастом, служит созданию комического эффекта, позволяет выразить скептическое или пренебрежительное отношение не только к ценностям общества потребления, но и к идеалам, значимым для молодежного движения конца 60-х гг., таким, как борьба за права личности, охрана окружающей среды, идеи марксизма, пацифизм, и отражает анархическое мировосприятие представителей движения левого толка «Sponti» в Германии.

Таким образом, интертекстуальная языковая игра может осуществляться как посредством структурных трансформаций претекстов, так и при сохранении их структурных моделей за счет средств парадокса. Структурные трансформации претекстов могут затрагивать уровень фонемы/графемы (присоединение, отсечение, перестановка или замена звуков/букв в слове), уровень лексемы (субституция слов в устойчивом выражении), а также словосочетания и предложения (отсечение части устойчивого выражения и/или добавление нового суждения, контаминация двух устойчивых выражений). Возможны комплексные трансформации. При сохранении структуры, могут использоваться узнаваемые модели определенных типов текста (политический лозунг) с соответствующими клише, воспроизводиться ритмическая структура стихотворных претекстов.

Данным приемам интертекстуальной языковой игры соответствуют такие фигуры комизма, как каламбур, алогизм, предложение с эффектом ошеломления, парадокс (стилевой контраст, пародия). Трансформации ведут к изменениям семантики иногда до противоположной или даже абсурдной, вследствие чего изречения приобретают шутливую, насмешливую или ироническую экспрессивную окраску.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kleinert H. Mythos 1968 // Die 68er-Bewegung. Bundeszentrale für politische Bildung. März 2008 (online).
2. Neuland E. Jugendsprache. Tübingen, 2008. S. 125-127.
3. Захарова М.В. Языковая игра (современный этап) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2009. № 1. С. 34.

4. Androutsopoulos J. Intertextualität in jugendkulturellen Textsorten // Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität / Hrsg.: Klein J., Fix U. Tübingen, 1997. S. 361.
5. Androutsopoulos J. Intertextualität in jugendkulturellen Textsorten // Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität / Hrsg.: Klein J., Fix U. Tübingen, 1997. S. 360-361.
6. Смирнова Е.Д. Пословицы и поговорки в языке СМИ: на материале печатных СМИ Германии // Вестник Восточного экономико-юридического гуманитарного университета. Уфа, 2009. № 3. С. 94.

УДК 745

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ В РОМАНОВСКОЙ ИГРУШКЕ

Н.А. Прямова

Аннотация

Языческое мировоззрение славян отражалось в изделиях традиционного искусства, таких, как орнамент в вышивках и народном костюме, в изделиях из дерева и глиняных игрушках. Эти объекты народного творчества несли в себе символический смысл. Романовские глиняные игрушки в своей форме и декоре в изображении людей и животных также сохранили традиционное символическое значение.

В последние годы издается достаточно много литературы по языческим верованиям славян. Среди этих книг хотелось бы отметить труды некоторых авторов, чьи позиции в данном вопросе отличаются достаточно обоснованными и вместе с тем различными взглядами. Это книги М. Гимбуртас, Л.С. Клейна, Г. Ловмянского, Б.А. Рыбакова. Фундаментальное исследование этнографического характера представляет собой книга А.В. Гура [1].

В трудах крупнейшего исследователя языческой культуры славян, известного археолога Б.А. Рыбакова представлен богатый археологический материал и его анализ. Постоянная работа с археологическими объектами приводила его к необходимости привлечения этнографического материала и построению обобщающих научных гипотез. Не со всеми научными версиями автора об источниках и путях развития славянского язычества можно согласиться, но безусловная ценность обширного аналитического материала неоспорима.

Точки зрения М. Гимбуртас и Л.С. Клейна во многом схожи. Эти авторы полагают стоящим во главе славянского пантеона Перуна. Они приводят ряд подтверждений своей версии, опираясь в основном на свидетельства, связанные с описаниями утверждения христианства и борьбы с язычеством на Руси. Так, Л.С. Клейн пишет об одном из известных у славян обрядов: «Судя по восхождению этих обрядов к купальским, под именем Ярилы также скрывался бог, который почитался купальскими обрядами и которого заместил Иоанн Креститель. “Похороны Ярилы” мало отличаются от “похорон Костромы”, разве что большей эротичностью. Если так, то Ярило лишь эпитет Перуна, затем его ипостась» [2].

М. Гимбуртас и Л.С. Клейн уделяют мало внимания чрезвычайно распространенному демонологическому типу славянских верований. Интересная точка зрения высказана по этому вопросу в книге Г. Ловмянского. Он считает, что у славян ко времени принятия христианства не было развитого политеизма (многобожия), а существовала такая форма языческих верований, как полидоксия, т.е. вера демонологического типа. Отмечая, что «полидоксия, в отличие от политеизма, характеризуется большим консерватизмом», он пишет: «Элементы полидок-

сии долгие века сохранялись в народе и после его крещения, а потому можно исходить из того, что в раннем средневековье и вообще до более или менее прочного укоренения христианства в широких массах населения, что произошло приблизительно в XII веке, традиционные верования сохраняли в общих чертах свой изначальный характер» [3].

Справедливо замечая, что в истории религии культ «тварей» (полидоксия) является гораздо более ранним, чем культ богов (политеизм), он приходит к выводу, что в дохристианской религии славян была развита именно первая архаичная форма. «Таким образом, источники, независимо от схемы, позволяют проанализировать все четыре области полидоксии: культ природы, культ мертвых, магию и демонологию» [4]. Опираясь на таких авторов как Л. Нидерле [5] и В.Я. Петрухин [6], Г. Ловмянский пишет: «Петухи и куры, приносившиеся богам в жертву, в силу этого (имеется в виду литературный текст «Хождение Богородицы по мукам», где список объектов поклонения не подтверждается другими источниками. – П.Н.) не могли быть предметом культа и, скорее, имели значение магического средства, равно как и козлы, бараны и кони» [7]. Ученый не исключает также, что некоторые животные, имеющие особое значение в аграрном хозяйстве славян, могли быть объектами культа.

В какой связи можно рассматривать данную позицию Г. Ловмянского с традиционными образами народных глиняных игрушек? Известно, что самые ранние находки глиняных игрушек относятся к XIII–XIV вв. в Новгороде и Москве. В XVI–XVIII вв. глиняные игрушки были распространены уже достаточно широко – от знаменитых глиняных коньков и других игрушек Гончарной слободы в Москве, до раскопанных археологами в районах Суздаля, поселениях Тульской области и др. Однако говорить о языческом культе животных и отражении этого культа в глиняных игрушках в это время вряд ли возможно. Тем не менее, опосредованная, растянутая во времени, передача какого-либо варианта полидоксии (культ природы, культ мертвых, магия и демонология) в условной символической, знаковой форме находила определенное отражение в образах глиняных игрушек. Тем более что Г. Ловмянский отмечает чрезвычайную устойчивость этой религиозной формы. Очевидно и то, что проследить последовательность процесса становления и отражения некоторых форм полидоксии в таком виде традиционного народного искусства, как глиняная игрушка практически невозможно. Для этого нужны не только сами объекты, т.е. игрушки, но и какие-либо свидетельства о том содержании, которое было заложено в них их создателями. Однако история не позаботилась о том, чтобы донести до нас конкретные данные о смысловом содержании столь казалось бы «незначительных» объектов, как традиционные глиняные игрушки.

Вместе с тем, известно, что уже в XIX в. народные мастера стали забывать сакральное значение создаваемых ими изделий. Таким образом, при исследовании этого вопроса возможен лишь анализ самого объекта, т.е. традиционных глиняных игрушек и изучение сохранившихся, в некоторых случаях, обычаев, связанных с ними.

Некоторые виды народного декоративно-прикладного искусства донесли до нашего времени образы птиц и животных, являющих в условности изображения отголоски древних образов-символов. Эти образы-символы прошли в народном искусстве через обширное временное пространство. Они концентрируют в своей форме и содержании память веков, опыт тысяч поколений мастеров и воздействие разных этапов развития истории и культуры. Их художественная форма и выразительность уникальны. В создании произведения традиционного искусства роль создателя чрезвычайно важна.

Творческая позиция народного художника, будь то ткачиха, вышивальщица или гончар, представляет собой особое отношение к миру и реальному ощущению жизни. Народный художник не воспринимает мир в общих логических понятиях, но глубоко и конкретно осознает все окружающее его. Именно об этом говорят создаваемые им произведения. Передавая через тканый орнамент, лепку глиняных игрушек, резьбу узоров на доме свои представления о природе и об устройстве мироздания, безвестный мастер раскрывает не что иное, как художественно моделированное движение. Оно наполняет мир, как движение

жизни, выраженное в одухотворенной вещи. В этом народный мастер раскрывает важнейшие качества своего мироощущения.

Мифологизм мировосприятия в народном традиционном искусстве позволяет ощущать слитность человека с миром природы. П. Флоренский писал об этом чувстве единства с природой: «Послушайте, как крестьянин разговаривает со скотиною, с деревом, с вещью, со всей природою. Он ласкает, просит, умоляет, ругает, проклинает, беседует с нею, возмущается ею и порою ненавидит. Он живет с природой в тесном союзе, борется с нею и смирится перед нею. Какая-нибудь былинка не просто былинка, но нечто безмерно более значительное. Все вещи взирают друг на друга, тысячекратно отражают друг друга. Это бесчисленные существа – лесные, полевые, домовые, подовинники, сарайники, русалки, шишиги или кикиморы. Но, прежде всего, это живые существа. Они покровительствуют человеку и враждуют с ним. Они, то возвращаются в порождающие их стихии, то снова выступают из них. Нет просто еды, просто болезни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все просто и не просто. Все житейское и – не житейское» [8].

Чувство общности, слияния с природой унаследовано народной культурой с древнейших времен. У человека из народа нет высокомерия перед домашним и диким животным миром, поскольку все они равно пребывали в едином природном и сакральном пространстве. Не случайно медведя в народе называли хозяином, корову – кормилицей, землю – матушкой и т.д. Развитие духовной православной культуры и цивилизации увело нас от очеловечивания природы и равенства с ней. Важнейшее сущностное качество народной культуры – ее синкретичность, изначальная слитность языческих представлений, обычаев с природой и всеми сторонами традиционного образа жизни, в том числе и материальной стороной бытия.

В народном искусстве, связанном с традиционным укладом жизни, происходит соединение всех этих позиций в художественном образе. Создаваемый в народном искусстве образный язык несет в себе древние формы синкретизма, поэтому так часто в простых утилитарных предметах можно встретить изображение «модели мира». Народный художник создает такую модель, воплощая в ней самое главное в своем мироощущении – силы природы, космогоническое единство мира, солнце, плывущее по небу, «хляби небесные», землю с водами и все живущее на ней, образное символическое понимание добра и зла, света и тьмы. Эти модели просты, нередко примитивны и грандиозны одновременно. Так по-домашнему уютно и вместе с тем величественно выглядит расписная или резная прялка или расписная глиняная филимоновская барыня. Поразительна каждая такая модель и тем, что сами создатели ее растворены в ней как часть природы. Произведение народного мастера принимает от своего создателя качество одухотворенности, очеловечивания, но не индивидуальности. Происходит своеобразный переход, преобразование «мертвой природы», т.е. неживого материала – глины, дерева, камня, ткани к живому образу, одухотворенному объекту народного творчества. Этот мир цельно, нераздельно воплощен в произведении народного искусства, которое и есть один из ликов этого мира. В разных видах традиционного прикладного искусства эта модель имеет свой выразительный язык, который своеобразно отразился в образах народных традиционных игрушек. В народной игрушке животное всегда изображается достаточно условно. Обычно выделяются определенные анатомические признаки – форма рогов, головы, крыльев у птиц и т.д.

В русских народных традиционных глиняных игрушках изображаются обычно одни и те же животные: бык, корова, конь, баран, коза, козел, свинья, собака, петух, утка, жаворонок (птица – обобщенный образ), медведь, олень, волк. С учетом сложившихся традиций изображение некоторых животных (медведь, волк, собака и др.) популярны в одних промыслах и редки или вовсе отсутствуют в других. Однако в каждом народном промысле животные изображаются по-разному. Здесь определяющим фактором является традиция, сложившаяся в каждом конкретном районе.

За годы работы с потомственным мастером романовского гончарного и игрушечного промысла из села Пады (бывшая романовская слобода, рядом с селом Ленино) И.Ф. Гункиным

можно было заметить, что образы некоторых игрушек он лепил с каким-то особым отношением. Это были коза (козел), бык, корова, конь. В этих игрушках, скорее всего, сказывалось отношение сельского жителя к таким важным в домашнем хозяйстве животным. И.Ф. Гункин лепил оленя с рогами, подобными веткам дерева, объясняя это только тем, что они (рога) действительно похожи на ветви. Коня он лепил с изогнутой «лебединой» шеей. Корова была с изогнутыми рогами, тяжеловесная с короткими конусообразными ногами. Все значения и смыслы языческих традиций для мастера просто не существовали. Они были утрачены во времени. Но один образ в романовской игрушке со всей очевидностью подтверждает идею Г. Ловмянского о необыкновенной жизненности магического значения образов животных, как варианта полидоксии. Это романовский индюк, представляющий собой в местном обычае, полноценный объект бережной магии. Небольшого глиняного индюка-свистульку у романовских крестьян было принято класть в колыбель младенца. Считалось, что глиняный индюк охраняет ребенка. Как объяснял И.Ф. Гункин, индюк ходит рядом с индюшкой, когда она водит индюшат, и охраняет их, нападая на всякого, кто приближается к ним. Это природное поведение птицы было переосмыслено в символическом образе глиняной игрушки и перенесено романовскими крестьянами в свою жизнь как идея защиты ребенка.

Известно, что для защиты младенца от злых сил у русских крестьян существовало много средств с использованием определенного обрядового поведения и разных предметов. Начиная от момента рождения и первых лет жизни ребенка, крестьяне применяли различные обряды, в которых важную роль играли не только сакральные тексты, произносимые в определенное время, но и, например, тряпичные куклы, призванные обмануть и отвести зло, защитить еще слабого и крайне уязвимого малыша. В ряду таких защитных средств занимает свое место и романовская глиняная игрушка индюк. Использование именно этого образа-символа – редкое и удивительное явление. В наиболее полном этнографическом исследовании А.В. Гура «Символика животных в славянской народной традиции» упоминается только одна примета, связанная с индюками, не имеющая ничего общего с защитной магией.

Надо принять во внимание то, что индюки появились и стали разводиться в домашнем хозяйстве российских крестьян относительно недавно, в сравнении с другими животными и птицами, такими, как коровы, козы, свиньи, петухи и пр. Как известно из биологии индюков, они довольно прихотливы и не выносят сурового климата. Их держали в крестьянском хозяйстве в основном в районах центральной и южной России. Само слово «индюшка», «индюк» отмечается в русских словарях с середины XIX в. [9]. Таким образом, в Романове сложился обычай, очевидно возникший в недавнее время, не ранее второй половины XIX в. Романовские глиняные индюки, представленные в музейных коллекциях, выполнены в основном в начале XX века. Судя по тому, как различно выглядят эти игрушки, можно предположить, что некая единая форма не вполне сложилась. Для устоявшегося традиционного образа этой игрушки, видимо, прошло недостаточно времени с момента появления этого образа-символа в романовском промысле. Так, в коллекции глиняных игрушек Исторического музея в Москве есть два индюка, которые совершенно отличаются друг от друга. Один ярко раскрашенный длиной 26 см с двухъярусным хвостом, другой гораздо проще по декору и обычным для романовских глиняных птиц форм и размеров 11,5 см.

Точка зрения исследователя религии славян Г. Ловмянского о преимущественном распространении полидоксии в славянском язычестве, позже укоренившейся в обычаях, представляется наиболее близкой к изучению и пониманию языческой символики, нашедшей свое отражение в традиционной народной глиняной игрушке. Игрушка представляется в некотором смысле символом, отражающим определенный вид полидоксии, преобразованная коллективным творчеством и традицией в художественный образ. По-своему оригинальная и выразительная, она в сравнении с другими видами народного декоративно-прикладного искусства, сохраняет в веках языческую символику зооморфных форм.

В уникальной каргопольской глиняной игрушке Архангельской области мастера-игрушечники и сейчас лепят двуглавого коня с одной головой светлой, а другой темной – символ весеннего и осеннего солнца. В филимоновской игрушке Тульской области некоторые мастера лепят всадника, который соединен с телом коня в одно существо, символизирующее, по языческим представлениям славян, пробуждение природы и приход весны. Подобный образ есть в курской глиняной игрушке. Однако во многих промыслах народные мастера-игрушечники под влиянием более развитой формы культуры изображают этот архаичный образ в ином варианте, когда всадник восседает верхом на коне, вылепленный как самостоятельный персонаж, не соединенный с конем в единое существо. Он изображается в военном мундире или крестьянской одежде или в виде «генерала», как в романовской игрушке.

Древний языческий образ коня является одним из самых популярных и мифологизированных в народном искусстве. Солнечный символ – он изображался на самой высокой точке деревянной избы – «конек», обращенный к небу и солнцу. Именно такая символика коня наиболее широко распространена. Однако этот образ является не только солярным символом. Влекущий небесную солнечную колесницу, опускаясь на закате к земле и поднимаясь на восходе из земли, он связан с подземным, потусторонним миром. Поэтому в славянской мифологии конь – это вешнее существо. Такой образ отражен в русских сказках и былинах.

Изображение крупного и мелкого домашнего скота в народной игрушке также связано с мифологизированными представлениями, во многом обращенными к реальной жизни и значении этих животных в крестьянском хозяйстве. Ко времени появления народной игрушки языческая символика этих домашних животных была во многом утрачена. Определенное исключение здесь могут составлять изображения козла (козы), коровы, быка, барана и свиньи. Обрядовая магия плодородия в разных районах России, где в том или ином виде участвовал образ козла (козы) или свиньи сохранялась довольно долго. Так, среди ряженных во время колядок, как правило, был образ козы. «В традиционной культуре образы животных служат одним из средств представлений о мире в различных его проявлениях. Можно говорить об особом зоологическом коде языка культуры» [10].

Большинство образов-символов в глиняной народной игрушке связано с условным изображением сил природы, со сменой времен года, что было непосредственным отражением годичного земледельческого календаря славян. Так, например, значительное место в традиционной народной игрушке занимали изображения птиц. Жаворонки, петухи, утки наиболее часто встречаемые образы птиц в глиняной игрушке. Они, как и образы животных, были связаны со сменой времен года, символикой солнца, воды, земли и т.д. Особый смысл, связанный с глиняным жаворонком или просто птицей-свистулькой во всех игрушечных промыслах, свидетельствует о древнем происхождении этого образа. По поверью юго-западных славян жаворонок произошел из комочка земли, который был подброшен Богом высоко вверх. В южнорусских представлениях, например, на территории Украины, связывали прилет жаворонков с временным весенним возвращением душ предков. Землисто-серый цвет оперения этой маленькой певчей птицы, вероятно, способствовал происхождению сказаний о том, что жаворонок зимой прячется в земле, а с наступлением тепла первым взмывает в небо со своей песней. Или легенда о жаворонке, зимующем в небесах среди ангелов, а весной, когда в пасмурном небе расходятся облака, в эти голубые небесные окна пролетают жаворонки и раньше всех птиц поют в весеннем небе. Все эти сказания и легенды очень поэтичны. Однако за внешней поэтической формой проступает хтоническое значение этого образа-символа, равно как и его связь с потусторонним миром.

В наше время магическое значение свиста, издаваемого маленькой игрушкой, напоминающей птицу, почти забыто. В большей степени сохранилось представление о связи этого свиста и самого образа жаворонка с приходом весны и прилетом птиц.

Жаворонков или просто птичек лепили везде, где занимались гончарным делом. Они выполнялись предельно просто – слегка удлиненное туловище, с одной стороны маленькая ус-

ловная головка и свисток с противоположной стороны. И только в тех местах, где были игрушечные промыслы, жаворонков лепили более тщательно, добавляя некоторые детали, характерные для традиции каждого района. Романовские мастера выполняли жаворонков в нескольких вариантах. Самой простой, вероятно, исходной формой была птичка-свистулька, которую в Романове и его окрестностях называли «дробненькой». Это была игрушка маленького размера, соответствующая детской ладони, с хвостиком-свистком, гладким, без всяких украшений слегка вытянутым туловищем и сплюснутой условно вылепленной головкой, как правило, без глаз и клюва. На спинке помещались два или четыре отверстия для переливистого свиста. Эта «дробненькая» глиняная птичка похожа на многие подобные свистульки других районов России. Из воспоминаний И.Ф. Гункина и местных жителей не известно о стремлении романовских мастеров, при прокалывании дырочек для свиста, подстраивать свистульку под определенный музыкальный лад. Романовский жаворонок представляет собой достаточно оригинальную трактовку этого образа. Туловище птицы совершенно идентично типу лепки других птиц – романовских игрушек. С одной стороны овального пустотелого туловища выполняется свисток, с другой – на слегка вытянутой шее выполняется небольшая головка с клювом и своеобразным кокошником поперек головы. На спинке прокалываются четыре отверстия для переливистого свиста. В другом варианте романовского жаворонка к описанной форме добавлялись птенцы, которые размещались спереди на грудке птицы в виде птичьих головок, прикрытых снизу полоской глины, что похоже на то как птенцы выглядывают из гнезда. Подобная трактовка не встречается в глиняных игрушках других промыслов.

Но один из самых распространенных в народной культуре образов занимает особое место – это образ женщины, матери прародительницы, содержащий в себе такую важную идею для земледельца, как плодородие. Женское начало, рождающее жизнь, было особо почитаемо у славян. Такой образ-идея имеет древнейшие корни. Возможно, этот образ один из самых архаичных в языческом мире и известен почти во всех этнических культурах. Особой магической силой наделяли его народы с развитым уровнем земледелия. Для них он не только воплощал идею рождения, продолжения рода, но сливался с понятием земли рождающей. Пройдя сквозь тысячелетия, этот образ во многих вариантах воплотился в народной культуре. Древнеславянские истоки образа великой богини-Матери сохранились в вышивках русского Севера. Чаще всего встречается изображение богини с двумя конями или всадниками по сторонам. В такой же композиции иногда вместо коней изображаются птицы. В первом варианте подчеркивается идея плодородия (всадник – приход весны, пробуждение природы, начало полевых работ), во втором – женский образ приобретает космогоническое значение (птицы – символ неба, небесных божественных сил). Женский образ сочетает в себе оба мотива, поэтому часто изображается в вышивках в окружении солярных знаков в верхней части шитья и знаков воды, земли, растений – внизу. «В центральном женском персонаже орнамента северной вышивки, как бы его ни называли (мать-сыра земля, великая мать природы, Рожаница, Макошь), несомненно, изображалось божество, в котором воплощались представления о земле рождающей и о женщине, продолжающей род» [11].

В разряженных барынях, няньках и кормилицах дымковской игрушки уже трудно распознать первоисточник – древний образ богини-Матери. Также видоизмененной по отношению к более раннему архаическому образу изображалась женская фигурка в романовской народной игрушке. Однако в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга и находках археологов на территории Липецкого городища, находках жителей на землях бывшего села Романово встречается очень простой образ игрушки-бабы в колоколообразной юбке с круглой головой, ручной лепкой лица и руками на поясе или обнимающей ребенка одной рукой. У этой игрушки нет никаких лепных украшений. Она покрыта лаком по окраске одним цветом и несколькими полосками серебристого цвета или покрыта поливой одним цветом.

Современный народный мастер И.Ф. Гункин лепил ее в местном женском наряде, называя «Романушкой». Согласно традиции он изображал «Романушку» с «дитём» на руках или с жаворонком под мышкой в стилизованном местном наряде.

В коллекции романовских игрушек Липецкого краеведческого музея женские образы представлены как светские персонажи. Это барыни с тщательно вылепленными деталями модных светских нарядов XIX – начала XX века. Только в некоторых глиняных фигурках можно обнаружить связь с языческой традицией, что выражается в основном в окраске, например, изображении ветки на юбке барыни или солярного знака на мундире офицера.

Представляется достаточно архаичной и гончарная форма женской фигурки глиняной игрушки из села Доброе (Липецкая область), где нижняя часть фигурки вытягивается на гончарном круге в виде небольшой округлой чашки, затем эта гончарная форма переворачивается, и мастер лепит туловище, голову, руки. Атрибутика, как в романовской, так и в добровской игрушке, сохраняется традиционная – свистулька-птица под мышкой, руки на поясе или ребенок на руках.

Таким образом, можно сделать вывод, что языческая символика, отражающая такой древний вид верований как полидоксия, является одним из основополагающих качеств народного традиционного искусства и составляет одну из важнейших сущностных характеристик этого многообразного и сложного явления. «Конечно, нам очень трудно уловить тот исторический момент, когда исчезает содержание того или иного символа и когда начинается бессознательная традиция, сохранение одной внешней формы без знания смысла изображаемого.

Во всяком случае, такая значительная глубина памяти и стойкость традиции не дают нам права замкнуться при изучении славянского язычества в рамках исторических сведений о славянах. Нам необходимо рассмотреть отражение в народной культуре разных представлений, порожденных разными эпохами жизни человечества» [12].

Такое понятие как языческая мифология славян, достаточно часто употребляемое в связи с изучением народной игрушки, представляет собой форму, обращенную скорее к политеизму, чем более раннему варианту славянской языческой религии полидоксии. В реалиях современной жизни сельских жителей еще можно обнаружить остатки демонологических представлений и обычаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гимбуртас М. Славяне сыны Перуна. М., 2003; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции славянского язычества. СПб., 2004; Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Изд. 2-е, испр. М., 2002; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
2. Гимбуртас М. Указ. соч. С. 331.
3. Ловмянский Г. Указ. соч. С. 105.
4. Там же. С. 107.
5. Niederle L. Zivot starych Slovanu. Praha, 1916.
6. Петрухин В.Я. Ритуальные обряды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1975. № 2. С. 85-92.
7. Ловмянский Г. Указ. соч. С. 111.
8. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма. Сергиев-Посад, 1909. С. 37.
9. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М., 2003. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.
10. Гура А.В. Указ. соч. С. 22.
11. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический очерк. М., 1978. С. 159.
12. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 92.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

УДК 930.1(09)

**ИЗВЕСТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОСТОКОВЕД С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ
О ПОИСКАХ СЛАВЯН В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
И О СВОИХ КОЛЛЕГАХ-СЛАВИСТАХ**

Беседу вёл М.И. Жих, интервью записано 15 ноября 2012 года.

Кляшторный Сергей Григорьевич (родился в 1928 г. в городе Гомеле, Беларусь), ведущий российский востоковед, историк, археолог и филолог, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Автор большого числа работ по истории кочевых народов Евразии, в том числе книг: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988 (в соавторстве с А.А. Колесниковым); Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992 (в соавторстве с Т.И. Султановым); История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003; Степные империи древней Евразии. СПб., 2005 (в соавторстве с Д.Г. Савиновым); Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006; Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2009 (в соавторстве с Т.И. Султановым); Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

– *Уважаемый Сергей Григорьевич, в этом году исполняется сто десять лет со дня рождения выдающегося археолога-слависта Ивана Ивановича Ляпушкина [1]. Будет в Институте истории материальной культуры конференция (ИИМК), посвящённая его памяти [2].*

– Это правильно, что будет ему посвящена конференция, что не забывают о нём и его научном наследии.

– *Вы один из немногих людей, кто его помнит. Не могли бы Вы что-то рассказать о нём?*

– К сожалению, чего-то такого, что могло бы представлять какой-либо значительный интерес, я о нём рассказать вряд ли смогу: я – востоковед, а он – славист, научные интересы у нас были разные, поэтому не могу сказать, чтобы мы близко общались. Единственное, что нас связывало – это то, что в 1949 г. мы работали в составе одной экспедиции, Волго-Донской, под руководством Михаила Илларионовича Артамонова [3]. Формально экспедиция Ляпушкина входила в состав Волго-Донской, фактически же она была вполне самостоятельной. Я слушал все отчёты и выступления в тогдашнем ИИМКе [4], в том числе и его, вместе с ним участвовал в некоторых конференциях, но это была совсем другая сфера знаний. Это Вы могли бы его слушать более сознательно, чем я в то время его слушал.

– *А неофициально Вам с ним не случалось общаться?*

– Общался, но подробностей уже не помню, к сожалению. Так что воспоминания у меня сейчас о нём в основном больше внешние – его вид, его голос, его выступления. На занятия

его я не ходил. Он какие-то спецкурсы вёл в университете, я сейчас уже не помню точно, какие, но меня эта тематика тогда мало интересовала, я слушал только основные курсы – Артамонова Михаила Илларионовича, Пиотровского Бориса Борисовича [5], Бернштама Александра Натановича [6], моего учителя. А спецкурсы по русистике, по славистике – это было от меня далеко.

Помню некоторые смешные вещи из экспедиции. Ну, например, Иван Иванович принципиально не ел огурцов, так, во всяком случае, о нём в экспедиции толковали. Он пользовался глубочайшим уважением в археологической среде, был, насколько я знаю, очень принципиальным в научных вопросах. Его очень уважали вот за эту его принципиальность, хотя, естественно, не всем она нравилась. Научные же его взгляды меня, честно говоря, не очень интересовали потому, что далеки были от тех проблем, которыми я в те годы занимался. Когда я читаю работы по славистике, то часто встречаю там ссылки на Ляпушкина, на его мнение.

– Но вот применительно к одному вопросу, о славянах в Среднем Поволжье, Вы вступили в славистическую проблематику. Расскажите про Валентина Васильевича Седова [7] и Галину Ивановну Матвееву [8]. Вы с ними вместе отстаивали положение о славянской этнической атрибуции именьковской археологической культуры.

– С Валентином Васильевичем Седовым я был знаком более близко, хотя жил Седов в Москве, а я в Петербурге, так как нам, действительно, пришлось вместе отстаивать славянство «именьковцев».

Валентин Васильевич, ветеран Великой Отечественной войны, сражался под Сталинградом. В начале 2000-х гг. проводилась конференция, посвящённая Волго-Балтийскому пути [9], она происходила на теплоходе и в местах остановок этого теплохода между Казанью и Астраханью: в Саратове, в Самаре и других городах. Мы тогда с ним много общались, он мне подарил несколько своих книг.

Когда мы плыли на теплоходе по тем местам, где он когда-то воевал, он рассказывал, как их собирали в Астрахани (он был тогда мальчишкой восемнадцати лет), как их отправляли из Астрахани по левому берегу Волги, и тогда бандиты нападали в степи на небольшие группы красноармейцев, на обозы, грабили их... Очень интересно было слушать его воспоминания, связанные с войной.

Оппоненты Седова часто его обвиняли и обвиняют в этакой излишней славянофилии. У него свои взгляды на происхождение славян, на их историю, которые он много лет разрабатывал. Не все их разделяют, но вряд ли есть сейчас какой-либо специалист по славянской археологии, лучше владеющий материалом по всем раннеславянским культурам в совокупности.

Однажды в Казани, на одной конференции, на него «напали» молодые коллеги – как раз в связи с проблемой именьковской культуры: они оспаривали её славянскую принадлежность. Он тогда как-то вяло им отвечал – может быть, ему было всё равно. Наверное, он думал: пусть так же изучат все материалы по ранним славянам, как я, а потом критикуют. А мне было не всё равно, и я вступил в полемику.

Что же касается Матвеевой Галины Ивановны, то вся самарская археологическая школа последних десятилетий держалась на ней. Она всех выучила, она много лет экспедиционную практику организовывала. Я с ней встречался несколько раз, и она очень подробно описала всё, что меня интересовало по именьковской культуре. У неё есть полубеллетристическая книга, знаете её?

– Мемуары?

– Да, мемуары [10]. Там она описывает то, как у неё сложились взгляды о славянстве именьковской культуры, и как она пробивала эту идею в научном мире.

Когда я был в Самаре, как раз на этом кораблике, я с ней тогда познакомился лично и начал переписываться, через Дмитрия Алексеевича Сташенкова [11], её ученика и критика, кстати говоря. С Дмитрием-то я познакомился в Эрмитаже бесконечно давно...

Потом как-то меня в рамках семинара «Древние тюрки», организованного Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина совместно с Институтом толерантности Всероссийской государственной иностранной библиотеки им. М.И. Рудомино послали вместе с Ильёй Владимировичем Зайцевым [12] и Игорем Леонидовичем Кызласовым [13] в Самару, где мы должны были прочесть лекции студентам нескольких вузов. Их собрали в кинозале музея, несколько сот человек их было, и мы несколько дней читали для них лекции. И вот тогда я предложил Матвеевой провести семинар с моим участием, чтобы понять не по статьям, а услышать из уст отношение самарских археологов к хазаро-славянско-булгарской тематике, в том числе и к проблемам, связанным с именьковской культурой. Они на это охотно пошли, провели семинар. Там выступили и Матвеева, и Сташенков, и другие самарские археологи, Алексей Владимирович Богачёв [14], например. Они изложили свои позиции, а я обрисовал свои взгляды, рассказал о том, что нам для этнической атрибуции именьковского населения могут дать арабские источники.

– *Какие у Вас личные впечатления о Галине Ивановне Матвеевой?*

– Галина Ивановна держалась очень хорошо, достойно, чем невольно вызвала чувство глубокого уважения. Чувствовалась в ней педагогическая такая хватка, закалка. Чувствовалось, что это настоящий учитель, педагог и, собственно, к ней отношение было такое у всех. Невольное почтение возникало. Она, действительно, курс за курсом всех археологов обучала в течение многих лет в Самаре.

– *А собственно именьковскую тематику Вы с Галиной Ивановной обсуждали?*

– Да, конечно. Меня в первую очередь интересовал вопрос о верхней хронологической границе именьковской культуры. Я спросил у Матвеевой: «Вы датируете конец этой культуры VII веком, а у меня, на основе арабских источников, получается, что славяне в Среднем Поволжье жили в VIII веке и позднее». Она ответила: «Так это результат того, что мы пока ещё недостаточно исследовали археологически эту культуру, конечно, там есть VIII век и, может быть, даже более поздние». Собственно, VIII в. она предполагала уже в ходе своих раскопок. Словом, у нас было с ней полное согласие в том, что, по крайней мере, до X в., до полного булгарского преобладания, какие-то остатки «именьковцев» жили в Поволжье [15].

– *И она считала, что «именьковцы» – это славяне?*

– Она не просто так считала. Это была именно её идея, выдвинутая ею впервые ещё в 80-е гг., и она её с той поры отстаивала [16] – сначала в одиночку, потом её стали поддерживать другие археологи, Седов, в частности, который это представление ввёл в рамки общеславянской археологии [17].

Тут, правда, вот ещё о чём надо сказать. Пётр Николаевич Старостин [18] тоже пришёл к убеждению, что именьковская культура была славянской, но, в отличие от Матвеевой, долго этого не высказывал: его «поприжали» очень сильные оппоненты, и он, к сожалению, не решился этот тезис отстаивать.

– *Он же поначалу писал, что это тюрки были?*

– Ну, первоначально, да [19]. Однако, впоследствии он от этого отказался [20] и пришёл к мнению, что это были славяне, но долго не решался эти взгляды опубликовать, пока я не начал работу над первым томом «Истории татар» – я ведь руководил его составлением. Там он, в соавторстве со мной, написал главу об именьковской культуре, где мы заявили, что это были славяне [21]. Все собственно археологические данные и материалы принадлежат ему, я написал ту часть, которая касается письменных источников о славянах Поволжья. И он мне тогда говорил, что давно уже считает, что «именьковцы» – это славяне.

– Но ему не давали об этом написать?

– Не то, чтобы не давали... В местной археологической среде это активно оспаривается [22]. Когда Седов выступал на большой конференции в Казани, ему сильно возражали, прежде всего, Искандер Лерунович Измайлов [23] и другие. Я чувствовал, что Седов явно к этому был не готов, он ведь член-корреспондент РАН [24], всемирно известный учёный, и не думал, что так на него «накинутся», и он был несколько подавлен тем, что его взгляды на именьковскую культуру как на культуру славянскую, там вызвали резкую критику.

– Сейчас некоторые так подают дело, что это Седов первым высказал мнение, что «именьковцы» были славянами. Вот, к сожалению, даже один из учеников Галины Ивановны Матвеевой, Николай Александрович Лифанов [25] это утверждал в споре со мной.

– Ну, это нехорошо, конечно, так говорить, некорректно по отношению к Галине Ивановне Матвеевой. Она эту идею выдвинула задолго до Седова, мы с ней обсуждали это, она рассказывала, как ещё в 80-е гг. «пробивала» свои взгляды о славянской принадлежности именьковской культуры. Седов тогда и не думал об этом. Потом уже, в середине 90-х гг., он выводы Матвеевой воспринял и ввёл их в общеславянский контекст, будучи лучшим знатком славянской археологии в целом. Но славянская атрибуция именьковской культуры – это, в первую очередь, заслуга Матвеевой, Седов только поддержал её, но до того она уже много лет отстаивала славянство «именьковцев».

– Вы говорили, что он сам как-то на Матвееву не очень отчётливо ссылался в этом вопросе? Может быть, в этом причина того, что некоторые ему отдают приоритет в доказательстве славянской принадлежности именьковской культуры?

– Да, как-то он писал об этом, к сожалению, без отчётливых ссылок на Матвееву. Я же всегда, когда касался этого вопроса, ставил Матвееву на первое место. Может быть, ему это и не очень нравилось поначалу, но спорить-то бесполезно, ведь Матвеева это высказала на много лет раньше, чем он. Наверное, он хотел показать, что в рамках большой славянской археологии он – первый. Может быть, в рамках большой – и вправду он, но в рамках поволжской археологии – всё же Матвеева. Я безоговорочно признавал всегда её приоритет. Собственно, я отталкивался в основном от работ Матвеевой. Они со Старостиным блестяще знают материал, копали одними из первых именьковские памятники, ещё не думая об их славянстве, а потом оба пришли к выводу, что это славяне.

Старостин, кстати, тоже был уверен, что именьковская культура выходит за рамки VII в. [26]. Главный вопрос, который меня интересовал, был именно этот – вопрос верхней хронологической границы именьковской культуры.

Я добавил в пользу того, что «именьковцы» были славянами, аргументацию, основанную на сообщениях арабских авторов. Кроме этого я попросил Владимира Владимировича Напольских [27], который предположил заимствования из языка «именьковцев» в языки волгокамских финно-угров, яснее выразаться, потому, что он выражался неясно. Когда мы работали над первым томом «Истории татар», он начал с горячих протестов против славянской атрибуции именьковской культуры, а закончил тем, что дал мне свою статью на немецком, где всё сказано именно в полном соответствии с тем, о чём мы со Старостиным говорили [28]. Как-то его мнение менялось – не знаю, почему. То он говорит, что «именьковцы» – «протославяне»; то, что это – «балто-славяне». Он очень грамотный человек, я его считаю лучшим финно-угроведом в стране, во всяком случае, из тех, кто занимается Поволжьем, я его тогда привлёк в авторский коллектив «Истории татар», где он написал целый раздел, всю финно-угристику там расписал.

Археологи, в частности, Пётр Николаевич Старостин, прямо связывали появление в Волго-Камье определённых культур, например, ржи, или определённых типов печей с «именьковцами», а Напольских выявил славянские заимствования слов, обозначающих эти вещи, в языках местных финно-угров.

А Искандер Измайлов, он сильный оппонент, как раз нажимал на слово «балто-славянские» – не «славянские», а «балто-славянские»: «Так, может, – говорил он, – это не славяне, а балты?». Я сказал, что для IV в. можно, наверное, говорить о «балто-славянах», но для VIII в. «сакалиба» – это «сакалиба», это уже именно славяне [29].

Тогда, в начале 2000-х гг., в связи с работой над первым томом «Истории татар», я арабскими источниками о славянах в Поволжье активно занимался, ряд работ опубликовал на эту тему [30]. А ведь впервые занялся я этим вопросом ещё в начале 60-х гг., тогда я предположил, что в Поволжье проживал значительный славянский массив, ещё задолго до того, как об этом археологи заговорили. Потом, правда, я долго к этой теме не возвращался, так как не было новых данных, не было археологических подтверждений моей гипотезе. И вот, когда они появились, благодаря работам Старостина, Матвеевой и Седова, я к этому сюжету вернулся.

В 1962 г. в Москве на конференции, посвящённой арабским источникам о народах Европы [31], я сделал доклад [32] о славянах Поволжья по данным Абу Мухаммада Ахмада ибн А'сама ал-Куфи [33]. Вы этот доклад видели...

– Да, конечно.

– Сборник по материалам конференции вышел в 1964 г., но конференция была на два года раньше, в 1962 году. Занялся тогда я этим сюжетом в некоторой степени случайно. Я написал почти наугад в Анкарский университет, и профессор Акдес Нимет Курат [34] ответила. Она мне прислала результаты своих исследований труда ал-Куфи «Книга завоеваний». Причём первоначально меня интересовала только одна из её статей, которая относилась к истории Средней Азии. В «Известиях» Анкарского университета она опубликовала две прекрасные статьи о рукописи труда ал-Куфи, которая обнаружилась в Топ-Капы. Те рукописи его труда, которые были известны ранее, не содержали многих важных частей. Полную рукопись открыл Ахмет-Заки Валиди [35] в Топ-Капы в Стамбуле, когда работал над докторской диссертацией, опубликованной в 1939 г. [36]. Но он не придал ей особого значения, а дотошная Акдес Нимет Курат обнаружила, что есть в этой рукописи два совершенно неведомых историкам раздела: один касается хазарского похода Марвана в 737 г., а другой – взятия Самарканда в 712 году. Вот меня-то как раз второй фрагмент интересовал, я его в своей книге 1964 г. [37] активно использовал.

Акдес Нимет Курат оказалась очень любезной, она прислала мне оттиски своих статей, и там имелся арабский текст ал-Куфи. Тогда подобная переписка была в высшей степени непростым делом – письма пропадали, терялись по пути, – я даже удивляюсь, как до меня эти оттиски дошли. Потом у нас уже переписки не было, но я максимально использовал обе статьи: одну для доклада 1962 г., а вторую для своей монографии по Средней Азии.

Она в своих статьях опубликовала арабский текст, а я арабским языком занимался, так что перевёл его. Потом мой перевод проверил Александр Маркович Беленицкий [38], который замечательно знал, лучше всех знал арабский язык среди историков. Он нашёл у меня кое-какие ошибки в переводе, которые исправил. Опубликовал я уже точный перевод, Беленицкий одобрил. Я даже собственной жене-арабистке, переводившей труднейшие тексты, не доверил, потому, что он лучше...

– Знал арабский?

– Нет, может быть, не лучше знал арабский как таковой, но специфику этих текстов он знал великолепно. Он читал арабских авторов того времени – ат-Табари, ал-Балазури, ал-Якуби и других. Он читал всех этих авторов, и он лучше знал, как их читать, чем любой арабист-филолог, который привык к иным текстам. Большое значение при знании языка имеет специализация. Можно знать язык лучше, но хуже читать специфические определённые тексты, а можно знать язык хуже, но быть начитанным именно в этих текстах. Беленицкий, впрочем, знал классический арабский безукоризненно, как и персидский. И он исключитель-

но хорошо знал вот эти специфические тексты арабских авторов, посвящённые арабским завоеваниям, очень был в них начитан. Потом он был моим оппонентом на защите.

– И Вы пришли тогда к выводу, что те «ас-сакалиба», с которыми столкнулся Марван были именно славянами, а не тюрками или финнами, как считал А.З.В. Тоган и что жили они именно в Поволжье?

– Да, у ал-Куфи ясно сказано, что «сакалиба» – это именно конкретный народ, который он выделяет среди прочих «неверных», то есть это не совокупное обозначение каких-то неведомых северных народов, это именно конкретный народ, известный арабам, славяне. Происходить же встреча армии Марвана со славянами могла только в Поволжье. Но тогда меня никто не поддержал, так как не было археологического соответствия этому, Михаил Илларионович Артамонов, например, который был моим учителем в археологии, меня тогда критиковал за это. Но потом археологическое соответствие нашлось, и я, уже на новом уровне, вернулся к этой теме.

– И Вы уверены, что в VIII в. и ранее, в именьковское время, в Поволжье проживала крупная группировка славян?

– Ну, если не на сто процентов, то на девяносто девять. На именьковских черепках, конечно, не написано «ас-сакалиба», но иного объяснения сведений арабских авторов о славянах Поволжья я не вижу.

– Ясно. Спасибо Вам большое за этот рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И.И. Ляпушкин (1902–1968), выдающийся советский археолог-славист. Собрание его работ в электронном виде: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/477820.html>

2. Материалы этой конференции изданы: Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3-5 декабря 2012 г. СПб., 2012.

3. М.И. Артамонов (1898–1972), выдающийся советский археолог, многолетний директор Эрмитажа, специалист по истории кочевых народов от скифов до хазар.

4. Институт истории материальной культуры АН СССР, созданный в 1937 г. на базе Государственной Академии истории материальной культуры. В 1934 г. дирекция ИИМКа была переведена в Москву, а в 1959 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР с сохранением в его составе Ленинградского отделения (ЛОИА). В 1991 г. Ленинградское отделение Института археологии было преобразовано в самостоятельный археологический институт РАН, которому было возвращено прежнее название.

5. Б.Б. Пиотровский (1908–1990), выдающийся советский археолог, вел раскопки древнего государства Урарту, многолетний директор Эрмитажа.

6. А.Н. Бернштам (1910–1956), выдающийся советский востоковед и археолог.

7. В.В. Седов (1924–2004), выдающийся российский археолог-славист, автор фундаментальных концепций славянского этногенеза и складывания древнерусской народности. Собрание его работ в электронном виде: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464527.html>

8. Г.И. Матвеева (1933–2008), выдающийся российский археолог, исследователь древностей Среднего Поволжья, основатель самарской археологической школы. Выдвинула и отстаивала тезис о славянской принадлежности именьковской культуры. Собрание её работ в электронном виде: <http://imenkovo.livejournal.com/6759.html>

9. Её материалы см.: Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001.

10. Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое: записки археолога. Самара, 1998.

11. Д.А. Сташенков, известный самарский археолог, исследователь раннесредневековых древностей Среднего Поволжья, учёный секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.
12. И.В. Зайцев, известный российский востоковед, научный сотрудник Института востоковедения РАН, специалист по истории Астраханского и Крымского ханств.
13. И.Л. Кызласов, известный российский археолог, специалист по древностям средневековых кочевников, заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН.
14. А.В. Богачёв, известный самарский археолог, специалист по именьковским и кочевническим древностям Среднего Поволжья, декан факультета гуманитарного образования Самарского государственного технического университета, ученик Г.И. Матвеевой.
15. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 77–79.
16. Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М., 1988; Её же. Среднее Поволжье в IV–VII вв. С. 74–78.
17. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 49–66; Его же. Славяне в древности. М., 1994. С. 309–315; Его же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 193–197; Его же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 59–61; Его же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 245–255.
18. П.Н. Старостин (1936–2012), выдающийся казанский археолог, исследователь древностей Волго-Камья, составитель свода памятников именьковской культуры.
19. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 30–31; Его же. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
20. Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 100.
21. Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
22. Об историографической ситуации сложившейся в Татарстане вокруг этнической атрибуции именьковской культуры, о соотношении в ней научных и вненаучных факторов см.: Овчинников А.В. Славянское присутствие // Звезда Поволжья. 2009. № 19; Его же. Причины отрицания // Звезда Поволжья. 2009. № 22.
23. И.Л. Измаилов, казанский археолог и историк, оружейвед, специалист по археологии Поволжья и по истории Волжской Болгарии.
24. В.В. Седов стал членом-корреспондентом РАН в 1997 г., академиком – в 2003 году.
25. Н.А. Лифанов, самарский археолог.
26. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. С. 30–31.
27. В.В. Напольских, известный российский финно-угровед, член-корреспондент РАН.
28. Napolskih V.V. Die Vorskla-ven im unteren Kama-gebiet in der Mitte des I. Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg, 1996. S. 97–106. Русскоязычный вариант этой статьи: Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996.
29. Ср.: Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 308 и сл.
30. Кляшторный С.Г. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь; Его же. Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Са-

винов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005; Его же. Праславяне в Поволжье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.

31. Её материалы см.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I-II. М., 1964–1969.

32. Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I.

33. Средневековый арабский автор (ум. в 926 г.), автор «Книги завоеваний» («Китаб ал-футух»).

34. А.Н. Курат (1903–1971), известный турецкий востоковед.

35. Ахмет-Заки Ахметшахович Валидов (1890–1970, в эмиграции, с 1924 г., Ахметзаки Валиди Тоган), один из крупнейших турецких востоковедов российской школы.

36. Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.

37. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

38. А.М. Беленицкий (1904–1993), выдающийся советский востоковед.

СЛАВНЫЕ ИМЕНА ЛГПУ

УДК 410

«ВОЛШЕБНОЕ» СЛОВО СТАЛЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ШМАКОВА

О.В. Шаталова

Аннотация

В статье обозначаются некоторые черты речи выдающегося педагога XX в., профессора кафедры педагогики ЛГПУ С.А. Шмакова. Характеристика дается на основе частотности использования стилистических фигур, формирующих уникальную речевую манеру.

Сталь Анатолевич Шмаков. Педагогическая величина. Бесспорный авторитет. Личность.

И в то же время – для всех, кто его знал или хотя бы держал в руках его книги – тактичный собеседник, дающий право на свое мнение, на поиск своего решения, на свою ошибку, бескомпромиссно принципиальный в одном – в заповеди: «Не навреди ребенку»!

Его книги давно стали классикой, их можно использовать как справочники, как шпаргалки, как копилку идей для создания сотен и тысяч неординарных концепций. На каждой странице, в каждом слове предстает перед читателем личность уникального педагога. И дело не только в том, ЧТО он говорит. Но и в том, КАК он говорит.

«Носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использованных в них системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире называется **языковой личностью**» [1].

Языковая личность Сталя Анатолевича Шмакова – с точки зрения системного анализа используемых им в речи средств языка – удивительно многогранна и неканонична. Обращение только к некоторым книгам, таким, как: «Игра и дети», выпущенная в 1968 году издательством «Знание», ставшая на долгие годы настольной книгой вожакого и воспитателя «Лето (вопросы – ответы, подсказки – советы)» (1993 г.), «Досуг школьника» (1993 г.), без которой невозможна работа школьного педагога-организатора – позволяет увидеть зримо образ педагога, владеющего огромной научно-методической базой и имеющего громадный писательский талант. Талант человека, способного словом впечатлить, убедить, вдохновить.

Он характеризует абсолютно научные педагогические принципы, методические приемы, даже дает практические советы узкой направленности с помощью ярких эпитетов: игра – «великая и могучая, волшебная и неповторимая, овеянная солнечной романтикой», «магическая деятельность», – или невероятных образных сравнений: «Формализм, как ржа, разъедает души детей, порождает неверие и сомнение. Как грибы-поганки, еще нет-нет да пробьются к свету карточное «очко» или «чика», заманчивые и опасные игры. Игра как скрипка, нельзя по ней тренькать, как на балалайке. Ребенок в игре порою что аквалангист. Вытащи его из игры сразу и – кессонная болезнь».

Творческий подход к своей профессиональной деятельности не позволяет ему видеть в педагогике ординарное, обыденное, поэтому и приобретает все, к чему прикасается мысль Сталя Анатольевича, высоту поэтической метафоры, и каждый объект научного внимания обрисовывается как явление высокой риторики:

дети – самостоятельное *детское «племя»*, *«мир маленьких»*, *«Остров Детства»*, *«Страна Детства»* (племя, мир, Остров, Страна – и все уважительно, с заглавной буквы. Особенно интересно данное наблюдение с точки зрения современной социолингвистики, когда реальность навязчиво предлагает нам подобные метафоры, но в принципиально ином сочетании: *МИР дверей, окон, обоев, ПЛАНЕТА колготок, париков, сумок или ПЛАНЕТА СЕКОНД-ХЕНД*);

игра – *«Восьмое чудо»*;

школа – *«поэтическая фантазия Детства»*;

летний лагерь – *«кораблик, прочерчивающий свой необычный маршрут на карте жизни»*;

воспитатель – *«диспетчер, составляющий поезд игры, выписывающий путевку тому машинисту, что поведет игру»*;

методическое пособие – *«короткие эскизы»*...

Сталь Анатольевич всегда в движении. И метафоры педагогического процесса всегда романтизировано летящие, скоростные, ритмичные. Например: *«Как ошибаются, как проигрывают родители, пытающиеся на скорости курьерского поезда провезти своих детей через важнейшие промежуточные станции детства, особенно через такую «узловую станцию», как игра»*; *«Школа-досуг формирует сердцевину человеческой личности. Вечный двигатель такой школы – творчество»*.

Желание донести до адресата не только суть педагогических изысканий, но и прежде всего эмоции, передать то самое ощущение жизни, которое позволяет почувствовать атмосферу детства, в текстах Сталя Анатольевича Шмакова слышится в каждой фразе, в построении высказывания. Адресат, читатель – всегда собеседник.

И самый важный языковой прием при этом – вопросы, которые автор задает собеседнику. Таким образом, во-первых, формируется атмосфера диалога. Но, что не менее важно, автору удается за счет четко сформулированного вопроса, имеющего предельно краткую и ясную форму как с позиции используемой лексики, так и с позиции структурной организации, ясно представить логику своего рассуждения, акцентировать для собеседника наиболее значимые аспекты обсуждаемой проблемы. Например: *«Почему дети играют? Зачем? И ведь что удивительно, не устают... Откуда берется столько энергии и сил в игре? Почему дети избирательны в партнерах по играм? Почему они играют? Какие бывают игры? Вы думаете, ребята любят соперничать лишь на волейбольной или гордошной площадке?»*.

Восклицательные высказывания, построенные по образцу простого предложения неосложненной структуры способствуют формированию тех же коммуникативных параметров: диалогическая направленность речи и четкость обозначения собственной авторской позиции. *«Осторожно, игра! Ноги-то работают, опять же азарт, соперничество, кто ловчее, кто сильнее!»*; *«Познавательные игры требуют умения расшифровывать, распутывать, разгадывать, а главное – знать!»* Многочисленные ряды синонимов – от желания четче показать, донести мысль, выразить разные оттенки того или иного настроения, чувства, которое должен испытывать взрослый при вхождении в мир ребенка.

Сочетание же вопросительных и восклицательных предложений в одном текстовом отрывке создает речевую тональность особого эмоционального напряжения, что возможно только в случае глубокой личной заинтересованности автора в разрешении обсуждаемой проблемы или в привлечении внимания читателя/слушателя к необходимости ее разрешения для внутреннего, духовного самостояния личности. Например:

«А посмотрите, как разнообразна познавательная игра!

Вы думаете, это очень просто – уловить в течение короткого времени признаки какого-либо предмета?! Попробуйте, и вы убедитесь, что это не так-то просто. И вообще у вас была когда-нибудь возможность проверить, например, свое внимание, наблюдательность, волю? Знайте, это можно проверить даже в играх...

Кто есть центральная фигура, создающая и использующая мир детского досуга? Классный руководитель (классный воспитатель).

Стоп! <...> Подумайте, что даст игрушка ребенку, о чем расскажет, с чем познакомит?; Может быть, короткие и не очень короткие эскизы о романтическом лете, о школьных каникулах дадут тебе, детский лидер, педагог-организатор, пищу для раздумий? Думай, читай, спорь!».

Каждая фраза – крылатая, готовый афоризм. Но эта афористичность абсолютно гармонична, естественна, так как каждый образ – не продуман, а пережит, прочувствован.

Таким образом, выявляется в отборе слов, в построении фраз, в стилистике речи тот образ, который обладает непостижимой магией. Но эта магия мысли, чувства, ощущения жизни вполне осязаема в слове, произнесенном Магом, Волшебником Страны Детства.

И внимательное «рассматривание», «выслушивание», «примеривание» этих слов позволяет обозначить еще несколько штрихов в портрете великого педагога – одухотворенность, интеллигентность, профессионализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энциклопедия «Русский язык» / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1998. С. 671.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 019.941:930.26

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: БЕССУДНОВ А.Н., МЕЛЬНИКОВ Е.Н.,
ЗЕМЦОВ Г.Л., СМОЛЬЯНИНОВ Р.В.
ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЛИПЕЦКОГО КРАЯ.
Тула: Гриф и К, 2010. – 458 с.**

В.В. Приймак, П.Н. Щербань

Работа коллектива липецких археологов посвящена археологическим памятникам области. Она предназначена для широкого круга читателей. Предисловие, главы 1-4, 13 написаны А.Н. Бессудновым, глава 5 – Е.Н. Мельниковым и Р.В. Смольяниновым, главы 6-7, 10-12 – Е.Н. Мельниковым, главы 8-9 – Г.Л. Земцовым.

В Предисловии в популярной форме, с многочисленными фотоиллюстрациями и рисунками, изложены основные задачи археологии, преимущественно с примером из опыта полевых исследований особенностей памятников Липецкой и отчасти Воронежской областей. Интересным представляется наблюдение относительно расположения курганов эпохи бронзы – раннего железного века на противоположном от поселения берегу реки, в пределах 1-3 км (с. 16). Но несколько некорректно звучит выражение «Траншея кургана с могильным пятном и материковым выкидом из могилы» (с. 23).

Глава 2 посвящена истории археологических исследований на территории Липецкой области. Она также хорошо иллюстрирована, хотя сложно понять логику размещения фотографий и портретов. Например, фотография А.М. Обломского помещена рядом с портретом С.Д. Нечаева – краеведа, работавшего в первой половине XIX в. (с. 32). В целом это достаточно добротный очерк истории археологических исследований края. В книге можно наткнуться и на довольно интересные сведения, не отраженные в специальной литературе. В частности, речь идет об исследованиях города-крепости Белгородской черты Сокольск в начале 60-х гг. XX в. (с. 41), о чем даже не упоминается в ряде работ, посвященных памятникам археологии этой засечной линии [1]. Итогом усилий многих поколений исследователей стало открытие около 2,3 тыс. памятников на территории области.

Главы 3-5 отведены палеолиту, мезолиту и неолиту. Они богато иллюстрированы, содержат достаточно информации о памятниках археологии Липецкой области этого времени. Тем не менее, авторам приходится привлекать данные из других регионов России.

Еще более информативными являются главы, посвященные энеолиту и эпохе бронзы. Последняя по объему превышает все вместе взятые главы, посвященные доисторическим эпохам более раннего времени.

Отдельные большие разделы отведены ямной историко-культурной общности, катакомбной культуре и ее своеобразному порождению – воронежской культуре, обязанной своему появлению главным образом субстратной иванобугорской культуре эпохи энеолита. Главы, посвященные катакомбной и абашевской культурам, пожалуй, наиболее информативны, на-

сыщены иллюстрациями, показывающими разные стороны жизни населения – материальной и духовной сфер, включая множество реконструкций.

Большая глава посвящена и срубной культуре. Правда, территория ее распространения выходит далее на запад, чем это отмечено на карте (с. 205), по крайней мере, в устье Псла (левый приток Днепра) такие погребения встречаются [2]. Весьма интересные данные приводятся относительно финального этапа срубной культуры. В Подонье контакты бондарихинской и срубной культур отмечены в XII–XI вв. до н.э. и объясняются исследователями упадком последней и проникновением носителей бондарихинской культуры в ареал срубной (с. 237). Аналогичным является хронологическое соотношение финала срубной культуры и появления памятников малобудковского типа на Левобережье Днепра: от рубежа XIII–XII до середины XI вв. до н.э. [3].

В широкой округе Бельского городища (на расстоянии до 40–50 км от последнего) наряду с малобудковскими (Марки) и бондарихинскими (Хухра, Глинское-4) керамическими формами, зафиксирован набор посуды с чертами срубной культуры и отмеченных памятников (Котельва, ур. Рубежное) [4].

Глава 8 посвящена культурам раннего железного века на территории Липецкой области. Памятники среднедонской скифской культуры исследовались преимущественно южнее, на территории Воронежской области. В Липецкой области располагались городища и селища городищской культуры, характеристику которой следовало бы расширить. Примечательно, что городища юхновской культуры, ареал которой находится западнее, в Левобережном Полесье, также имели систему укреплений, состоящую из 2–3 рядов валов и рвов с напольной стороны. Значительно полнее, чем древности скифского периода, охарактеризованы сарматские, с опорой почти исключительно на памятники Липецкой области.

Раннеславянские древности первой половины I тыс. характеризуются в главе 9. Глава написана и проиллюстрирована с опорой на материалы раскопок А.М. Обломского и других исследователей на ряде памятников у г. Задонск, в частности, д. Ксизово. В качестве иллюстраций использованы и материалы Гапоновского клада, хотя древности колочинского типа бассейна р. Дон, вероятно, остались авторам работы неизвестными, а новые исследования на памятниках этого типа на р. Воронеж были возобновлены А.М. Обломским в 2011 году.

Славянские древности предгосударственного периода и древнерусские памятники рассмотрены в главе 10. Она написана по материалам популярной работы о донских славянах А.З. Винникова, где используются иллюстрации, не отражающие всей полноты материальной культуры, в частности, изумляющего своим разнообразием керамического комплекса боршевской культуры. На иллюстрации (с. 305), наряду с боршевскими вещами, показаны подковообразные фибулы. Судя по отсутствию их изображения в работах А.Н. Москаленко [5], А.З. Винникова [6], к боршевским древностям они отношения не имеют. Этот тип украшений появился в роменской культуре в очень ограниченном количестве не ранее, чем около середины X в. (Новотроицкое), а затем стал встречаться на позднем этапе роменской культуры. Несколько большее распространение эти изделия получили в XI в., судя по последним широким стационарным работам Ю.Ю. Моргунова в Посулье, А.В. Григорьева, В.П. Коваленко, А.В. Шекуна, Е.А. Шинакова в Подесенье и О.В. Сухобокова в Посеймье. Разнообразны изделия данного типа в Курском Посеймье. Эта глава, как и предыдущие, насыщена иллюстративными материалами, в частности реконструкциями.

Древностям древнерусского и золотоордынского периода посвящена глава 11 «Юго-восточное пограничье Древней Руси». Историко-географические сведения изложены довольно сжато, много места отведено хозяйству – домостроительству, сельскому хозяйству, промыслам. Охарактеризована духовная культура и торговля. В основном использованы работы Н.А. Тропина и обобщающие труды по материальной культуре Древней Руси.

Глава 12 повествует о памятниках позднего средневековья и нового времени. Имеющиеся иллюстрации (карты, фотографии и рисунки вещей) и текст, довольно лаконичны, информативны и представляют интерес для специалистов. Жаль, что в списке литературы названы не все авторы, на которых ссылаются авторы работы в подписях к иллюстрациям.

Последняя, 13 глава рассказывает о проблемах сохранения культурного наследия Липецкой области. Они, к сожалению, весьма сходны на громадных территориях разных стран, и не только постсоветских.

В приложении 1 дополнена информация по главе 12, а в приложении 2 приведены в основном законодательные акты, имеющие целью урегулирование вопросов охраны археологического наследия.

В целом книга по археологии Липецкой области может быть использована студентами и преподавателями, хотя для углубленного освоения материала (курсовые и дипломные работы, научная продукция) необходима специальная литература. Список литературы необходимо серьезно пополнить. На иллюстрациях, которые требуется доработать и зачастую переработать, нужно указывать памятники, откуда происходят вещи, обозначать авторство реконструкций и т.п.

Указанные недостатки желательно устранить, а также подготовить раздел о памятниках колочинского облика, равно как и дополнения о новых открытиях последних лет, при подготовке следующего издания, которое будет необходимым, как показывает опыт той же Воронежской области и тираж (600 экземпляров), уже в ближайшие несколько лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. Свод археологических источников. Вып. Е 1-34. М., 1971. С. 36; Шатохин И.Т. Типология оборонительных сооружений юго-западного фаса Белгородской черты // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 106-110.
2. Кулатова І.М., Скорий С.А., Супруненко О.Б. Кургани поблизу с. Волошине в пониззі Псла. Киев, 2010. С. 76-80.
3. Буйнов Ю.В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности. 1994. Харьков, 1994. С. 6-7, 12.
4. Шерстюк В.В. Кераміка зрубного часу із поселення в ур. Рубіжне поблизу Більського городища // Археологічний літопис Лівобережної України. 2005. № 1-2. С. 10-13.
5. Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981. С. 102-109.
6. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984; Его же. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995. С. 105-107. Рис. 12, 17, 20-23; Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990. С. 192-225. Рис. 53-54.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ЖИЗНИ НАШЕГО УНИВЕРСИТЕТА

Официально старт проведению университетом Года российской истории был дан в начале Месячника науки – 2 апреля, на торжественном заседании Ученого совета ЛГПУ, посвященном Году российской истории и 1150-летию зарождения российской государственности.

На совете выступили: ректор университета, профессор П.Г. Бугаков с докладом на тему «Год российской истории в жизни Липецкого государственного педагогического университета» и заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета, д.и.н., профессор В.В. Фомин с докладом на тему «Истоки российской государственности».

Реализация плана мероприятий по проведению Года российской истории началась, разумеется, раньше. Сами эти мероприятия, в которых активное участие принимали студенты ЛГПУ и других вузов г. Липецка и области, учителя и школьники г. Липецка и области, население г. Липецка и области, были разных уровней.

Международный:

– 1 марта кафедра отечественной истории совместно с Управлением внутренней политики Администрации Липецкой области провела III Международную научную конференцию «Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI века», посвященную Году российской истории. В ней приняли участие 52 ученых из Липецка, Арзамаса, Владимира, Волгограда, Воронежа, Ельца, Калининграда, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Ставрополя, Тамбова, Уссурийска, из Швеции. По итогам конференции издан сборник под редакцией д.и.н. Л.И. Земцова и д.и.н. В.В. Фомина: Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI века. Материалы III Международной научной конференции. Липецк, 1 марта 2012 г. Липецк, ЛГПУ, 2012 (23,5 п.л.);

– 7-8 декабря под девизом прекрасных и ко многому обязывающих слов великого А.С. Пушкина «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу» в ЛГПУ прошел VIII Международный форум «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (ответственные: доценты кафедры социальных и гуманитарных дисциплин факультета информационных и социальных технологий к.психол.н. Н.Я. Безбородова, к.филол.н. Н.В. Стюфляева). Цель форума: объединить усилия церкви и светских образовательных учреждений в деле духовно-нравственного воспитания молодежи; возрождение национальных традиций русской педагогики и медицины; осмысление значения духовно-нравственного начала в образовании, науке и культуре.

В работе 10 секций форума (одна из них: «Православие и русская государственность») принимали участие 182 представителя Липецкой и Елецкой епархии, Белгородской и Старооскольской епархии, ученые, преподаватели и студенты ЛГПУ, Липецкого государственного технического университета, Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Воронежского государственного университета, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ученые Арзамаса, Белгорода, Волгограда, Вологды, Воронежа, Вятки, Иркутска, Калуги, Костромы, Курска, Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Саратова, Тамбова, Тобольска, Тулы, Болгарии, Германии, Украины, преподаватели, учителя колледжей, гимназий и школ

г. Липецка и Липецкой области. На пленарном заседании прозвучали доклады, связанные с историей российской государственности и важнейшими испытаниями, которые ей пришлось пережить: «М.В. Ломоносов о начале русской государственности (К 1150-летию зарождения Российской государственности)», «Роль патриарха Гермогена в истории государства Российского (К 400-летию одоления Смуты)», «Роль Русской Православной Церкви в победе над Наполеоном (к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года)» и другие. По итогам форума будет издан сборник материалов;

– в декабре вышел сборник материалов предыдущих «Задонских Свято-Тихоновских образовательных чтений», состоявшихся также в ЛГПУ: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). Материалы VII Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк-Задонск, 25-26 ноября 2011 г. / Ред. коллегия: кандидат богословия, протоиерей О. Безруких, к.психол.н., доцент Н.Я. Безбородова, к.филол.н. Н.В. Стюфляева. Липецк, 2012 (17,12 п.л.).

Российский:

– 8 июня кафедра отечественной истории совместно с Управлением внутренней политики Администрации Липецкой области провела Межрегиональную историко-патриотическую научную конференцию «Российское государство: истоки, современность, перспективы», посвященную 1150-летию зарождения российской государственности. В ней приняли участие 69 деятелей науки, образования и культуры из Арзамаса, Владимира, Воронежа, Ельца, Иванова, Калининграда, Курска, Липецка, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Ставрополя, Старого Оскола, Тамбова, Украины, Швеции. До начала работы конференции издан сборник (ответственные редакторы – д.и.н. Л.И. Земцов, д.и.н. В.В. Фомин, к.и.н. А.Н. Бессуднов): Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. Липецк, 8 июня 2012 года. Ч. I-II. Липецк, ЛГПУ, 2012 (28,6 п.л.);

– 26 сентября в новостной программе телеканала «РЕН ТВ» было передано интервью заведующего кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессора В.В. Фомина в защиту сохранения и усадьбы великого русского историка В.Н. Татищева;

– в октябре вышел сборник под редакцией заведующего кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессора В.В. Фомина: Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., Русская панорама, 2012 (58,3 п.л.);

– 19 ноября заведующий кафедры отечественной истории, д.и.н., профессор В.В. Фомин по приглашению Администрации Архангельской области выступил на пленарном заседании ХLI Ломоносовских чтений, посвященных Году российской истории, в г. Архангельске с докладом «М.В. Ломоносов о начале Руси и Русского государства». Выступление состоялось в областном театре драмы имени М.В. Ломоносова, в котором присутствовало 600 зрителей;

– 19 ноября заведующий кафедры отечественной истории, д.и.н., профессор В.В. Фомин был награжден премией имени М.В. Ломоносова за разработку научной проблемы и цикл работ на тему «Вклад М.В. Ломоносова в развитие русской исторической науки и изучение российской государственности». Премия учреждена Администрацией Архангельской области, мэрией г. Архангельска и Ломоносовским фондом;

– 12 декабря на телеканале «РЕН ТВ» был показан фильм «Рюрик. Позабытая быль», в котором заведующий кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессор В.В. Фомин комментирует важнейшие проблемы варяго-русского вопроса, связанного с началом российской государственности.

Региональный:

– в марте была переиздана монография д.и.н., профессора кафедры всеобщей истории исторического факультета Ю.Н. Тихонова, посвященная немецкой авиашколе в г. Липецке: Тихонов Ю.Н. Засекреченный город. Липецк, 2012 (27,9 п.л.; первым изданием книга вышла в декабре 2011 г. в г. Саратове);

– в течение Года российской истории в областных изданиях печатались интервью с преподавателями кафедры отечественной истории: д.и.н. В.В. Фомин – «Русская правда», «Начало всех начал» («Липецкая газета», 1 января и 9 июня), «Любить Отечество велит Природа, Бог...» (ежемесячный общественно-политический журнал «Неоновый город», № 8); д.и.н. Л.И. Земцов – «Столыпинский рубеж» («Липецкая газета», 13 апреля); д.и.н. А.Н. Долгих – «Скажи-ка дядя, ведь не даром...» («Неоновый город», № 10 и № 11); к.и.н. Л.С. Зудина – «Дерзайте ныне ободренны...» («Липецкая газета», 28 ноября); д.и.н. В.В. Фомин и д.и.н. Л.И. Земцов – «Связь времен» («Липецкая газета», 5 декабря); к.и.н. А.Н. Бессуднов – «Мы оторвались от своих корней. К чему приводит забвение уроков прошлого» (еженедельная газета «Аргументы и факты-Липецк», 5-11 декабря), д.и.н. Л.И. Земцов – «Мыслитель мирового уровня» («Липецкая газета», 14 декабря), посвященные 1150-летию зарождения русской государственности, 400-летию преодоления Смуты, М.В. Ломоносову, 200-летию разгрома Наполеона, 190-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского, 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина и другим темам отечественной истории;

– 16 марта «Липецкая газета» в рубрике «Год истории» опубликовала статью И. Неверова «Что новенького в прошлом?», где подробно рассказывается о III Международной научной конференции «Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI века», проведенной кафедрой отечественной истории 1 марта;

– 10 апреля в «Липецкой газете» напечатана статья заведующего кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессора В.В. Фомина «Атака на память», в которой актуализируется тема борьбы в Год российской истории с фальсификаторами истории России;

– в апреле–ноябре «Радио Россия-Липецк» и «Радио Липецк-FM» передали 20 интервью преподавателей кафедры отечественной истории и кафедры новейшей истории России исторического факультета д.и.н. В.В. Фомина, д.и.н. Л.И. Земцова, д.и.н. А.Н. Долгих, д.и.н. В.Н. Томилина, к.и.н. А.Н. Бессуднова, к.и.н. Л.С. Зудиной, к.и.н. И.Д. Петришиной, посвященных Году российской истории, происхождению Руси и Русского государства, великой киевской княгине Ольге и великому киевскому князю Владимиру, Дмитрию Донскому, Смуте, К. Минину, Д.М. Пожарскому, кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову, М.В. Ломоносову, 200-летию Бородинской битвы, Н.Я. Данилевскому, 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина, 95-летию Февральской революции в России, 70-летию разгрома немецко-фашистских войск под Ельцом, Н.Ф. Ватутину, праздникам День России и День крещения Руси (25 мая 2013 г. «Радио Липецк-FM» за цикл программ 2012 г. «Имя в истории», который создавался с участием ученых исторического факультета, получило в номинации «Лучшее освещение в СМИ» первую национальную географическую премию в сфере географии, экологии и историко-культурного наследия «Хрустальный компас». Конкурс состоялся в Краснодаре и его проводило Русское географическое общество, на суд экспертам было представлено 153 проекта из России, Украины, Египта);

– 9 мая д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России В.Н. Томилин участвовал в программе телекомпании «ГТРК-Липецк», посвященной 67-летию Победы над фашизмом, и в телемарафоне телекомпании «Липецкое время», посвященном липчанам – героям Великой Отечественной войны;

– в июне вышел «Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1 (6)», посвященный Году российской истории (12,45 п.л.). В нем напечатаны статьи ученых ЛГПУ, Москвы, Швеции. Научные редакторы выпуска: д.и.н. Л.И. Земцов и д.и.н. В.В. Фомин;

– в сентябре вышла монография преподавателя кафедры отечественной истории, к.и.н. Г.Л. Земцова, посвященная малоизученному периоду в истории Липецкого края: Земцов Г.Л. Липецкий край в III–V веках. Тула, 2012 (25 п.л.);

– 11-12 октября кафедра отечественной истории в рамках II Всероссийского Фестиваля науки провела, совместно с Управлением образования и науки Липецкой области, областную

научно-практическую конференцию «Бартеневские чтения», посвященную победе России в Отечественной войне 1812 года и 100-летию со дня кончины нашего выдающегося земляка, известного историка, археографа и издателя журнала «Русский архив» П.И. Бартенева. В Чтениях приняли участие 49 представителей науки, образования, культуры и органов власти из Липецка, Москвы, Санкт-Петербурга, Арзамаса, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Калининграда, Курска, Рязани, Саратова, Тамбова, Ярославля, Украины. По итогам конференции издан сборник под редакцией д.и.н. А.Н. Долгих: Бартеневские чтения. Посвящается 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. 11-12 октября 2012 г. Липецк, ЛГПУ, 2012 (16,7 п.л.);

- в ноябрьском номере ежемесячного общественно-политического журнала «Неоновый город» (№ 11) опубликована статья д.и.н., профессора кафедры отечественной истории Л.И. Земцова «Соль земли Русской», посвященная 190-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского;

- 2 и 4 ноября телекомпания «Липецкое время» и «ГТРК-Липецк» передали интервью заведующего кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессора В.В. Фомина, посвященные Дню народного единства;

- 20 ноября в «Липецкой газете» напечатана статья заведующего кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессора В.В. Фомина «Гений и мародеры», в которой заостряется тема борьбы в Год российской истории с очернителями деятельности и творчества великого сына России М.В. Ломоносова;

- 22 ноября в рамках проведения конкурса исторических эссе «Россия от века к веку», проводимого Липецкой областной универсальной научной библиотекой в честь Года российской истории, аспирант кафедры И.А.Шевченко провел для его участников «Мастер-класс по работе с историческими источниками и методике написания исторического эссе»;

- 28 ноября преподаватели кафедры отечественной истории д.и.н., профессор В.В. Фомин и старший преподаватель М.В. Ивашов выступили с докладами «Начало земли Русской» и «Историко-археологические древности Липецкого края» на «Дне преподавателя истории и обществознания» г. Липецка и Липецкой области, организованном Липецким институтом развития образования;

- в декабре вышел «Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2 (7)», посвященный 400-летию преодоления Смуты и 200-летию разгрома Наполеона (10,7 п.л.). В нем напечатаны статьи ученых ЛГПУ, Москвы, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга. Научные редакторы выпуска: д.и.н. Л.И. Земцов и д.и.н. В.В. Фомин;

- в декабре вышла в соавторстве монография к.и.н., доцента кафедры отечественной истории А.Н. Бессуднова: Бессуднов А.Н., Е.Ю.Захарова. В поисках древностей забытого урочища: о находках и легендах окрестностей Задонска. Тула, 2012 (16,25 п.л.);

- подготовлен к печати сборник научных трудов ученых исторического факультета «Вехи минувшего» (Вып. 7), посвященный Году российской истории (ответственный редактор: д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих);

- кафедра всеобщей истории подготовила к печати сборник материалов «Круглого стола», посвященного 770-летию Ледового побоища, с участием зарубежных авторов (ответственный редактор: к.и.н., доцент М.Б. Бессуднова).

Городской:

- 19 января в рамках Года российской истории заведующий кафедрой отечественной истории, д.и.н., профессор В.В. Фомин выступил по актуальным проблемам начальной истории России перед учащимися гуманитарных классов гимназии № 19 г. Липецка;

- 31 марта, 5 и 6 апреля д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих прочитал лекции на тему «Гроза двенадцатого года» для старшеклассников и учителей лицея № 44 и школы № 3 г. Липецка;

– 11 апреля на базе ЛГПУ преподаватели кафедры отечественной истории выступили перед учителями-историками г. Липецка с лекциями по темам юбилейных дат 2012 г.: «1150 лет зарождения российской государственности» (д.и.н. В.В. Фомин), «400 лет преодоления Смуты» (к.и.н. Л.С. Зудина), «200 лет разгрома Наполеона» (д.и.н. А.Н. Долгих), «200 лет со дня рождения А.И. Герцена» (д.и.н. Л.И. Земцов);

– 16 апреля д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Л.И. Земцов прочитал учителям школы № 68 г. Липецка лекцию, посвященную 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина;

– на базе Липецкой областной научной универсальной библиотеки преподаватели кафедры отечественной истории с участием студентов провели в течение апреля-декабря 7 заседаний «КЛИО» («Клуба любителей истории Отечества»): «200 лет со дня рождения А.И. Герцена» (д.и.н. Л.И. Земцов, 5 апреля); «Столыпинские реформы: исторический опыт и уроки» (д.и.н. Л.И. Земцов, 19 апреля); «Исходяща мудрости»: «Повесть временных лет» о происхождении славян, руси и Русского государства. К Дням славянской Культуры и письменности» (д.и.н. В.В. Фомин, 10 мая); «И наши предки ковали победу. К 200-летию Бородинского сражения и разгрома Наполеона» (д.и.н. А.Н. Долгих, 20 сентября); «310 лет Нижним Липским железоделательным заводам» (д.и.н. А.Н. Долгих, к.и.н. Л.С. Зудина, 27 сентября); «И Русь вскипела как смола...: 400-летие преодоления Смуты» (к.и.н. Л.С. Зудина, 8 ноября); «Древности Липецкой земли» (к.и.н. А.Н. Бессуднов, 13 декабря). На этих заседаниях присутствовали студенты ЛГПУ, учащиеся школ и жители г. Липецка;

– в рамках областного и городского проектов «Одаренные дети» преподаватели кафедры отечественной истории (д.и.н. В.В. Фомин, д.и.н. Л.И. Земцов) и кафедры истории и теории культуры (старший преподаватель А.Р. Ломоносов) читали лекции по истории России и русскому искусству старшеклассникам г. Липецка;

– летом преподаватели кафедры отечественной истории в рамках городской программы администрации г. Липецка и городского Совета депутатов «Сквозь тысячелетия» организовали участие 20 детей в археологической экспедиции, где они прослушали лекции по истории края (ответственный: к.и.н., доцент А.Н. Бессуднов);

– 4 октября д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих прочитал лекцию на тему «Отечественная война 1812 г.: мифы и реальность» преподавателям и студентам Липецкого государственного технического университета;

– 9 октября к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Г.В. Уваров прочитал в Выставочном зале г. Липецка лекцию на тему «12-й год в истории России разных веков» преподавателям и учащимся старших классов школ г. Липецка;

– 25 октября д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих выступил на пленарном заседании III муниципальной научно-практической конференции для школьников «Путь к успеху», посвященной Году российской истории, с докладом «Год российской истории. Важнейшие события российской истории»;

– 25 октября преподаватели кафедры отечественной истории (д.и.н. В.В. Фомин и к.и.н. Л.С. Зудина) участвовали в качестве ведущих секции «История» заключительного этапа III муниципальной научно-практической конференции для школьников «Путь к успеху», посвященной Году российской истории;

– 25 октября д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих выступил перед преподавателями и студентами Липецкого муниципального института экономики и права с лекцией на тему «Отечественная война 1812 г.»;

– 21-23 ноября в ЛГПУ прошли, организованные кафедрой отечественной истории (ответственный: к.и.н., доцент Л.С. Зудина), Вторые «Ломоносовские чтения» студентов и школьников в честь выдающегося ученого, мыслителя, просветителя и патриота М.В. Ломоносова. В Чтениях приняли участие 84 студента исторического и филологического факультетов, фа-

культета физико-математических и компьютерных наук, учащиеся 7-11 классов гимназий, лицеев и школ г. Липецка;

– 14 декабря на базе ЛГПУ д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Л.И. Земцов провел 8 городскую студенческую научную конференцию «Липчане – выдающиеся мыслители и деятели России» (к 310-летию основания г. Липецка и 59 году образования Липецкой области), в которой приняли участие ученые и студенты ЛГПУ, представители научной общности г. Липецка;

– 20 декабря д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих принял участие в финале проводимой СОШ п. Лески Краснинского района Липецкой области историко-краеведческой игры «Недаром помнит вся Россия...», посвященной 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г.;

– в пропаганде исторических знаний по истории Липецкого края и России среди студентов ЛГПУ и школьников г. Липецка на протяжении всего Года российской истории активную роль играл, посредством проведения экскурсий, кабинет археологии и этнологии кафедры отечественной истории, возглавляемый старшим преподавателем М.В. Ивашовым;

– кафедра всеобщей истории участвовала в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной авиации, и организовала экскурсии для студентов 4 курса исторического факультета в Музей Липецкого авиацентра (ответственные: д.и.н., профессор Ю.Н. Тихонов и к.и.н., доцент Г.В. Уваров).

Внутривузовский:

– 12 и 20 марта на базе областного краеведческого музея д.и.н., профессор кафедры отечественной истории А.Н. Долгих прочитал лекции на тему «Гроза двенадцатого года» студентам художественно-графического факультета;

– в рамках Месячника науки, посвященного Году российской истории и 1150-летию зарождения российской государственности, кафедра истории и теории культуры 12 апреля провела в с. Троицком Липецкого района в Областном центре романовской игрушки выездную межфакультетскую научно-практическую конференцию «Отражение русской народной культуры в традиционном и профессиональном искусстве», в которой принимали участие студенты исторического и художественно-графического факультетов (к изданию готовится сборник материалов конференции);

– в рамках Месячника науки, посвященного Году российской истории и 1150-летию зарождения российской государственности, кафедра новейшей истории России провела в ЛГПУ студенческие конференции по темам: «Актуальные проблемы отечественной истории. К 1150-летию образования Российской государственности», «Год истории в России. К 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года», «История России XX века»;

– в рамках Месячника науки, посвященного Году российской истории и 1150-летию зарождения российской государственности, 18 апреля в ЛГПУ состоялась Ежегодная научно-практическая конференция преподавателей, сотрудников и студентов университета, в которой приняли участие 175 студентов;

– в рамках Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и студентов университета кафедра отечественной истории провела 18 апреля заседание 7 секций («История России IX–XVIII вв.», «Отечественная война 1812 г.», «Проблемы Российской истории первой половины XIX в.», «История России второй половины XIX – начала XX вв.», «Методика обучения истории», «Археология и этнология», «Секция преподавателей, аспирантов и соискателей»), в которых приняли участие 72 студента;

– в рамках Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и студентов университета д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории, профессор Л.А. Черешнева провела 18 апреля секционное заседание, посвященное 65-летию установления дипломатических отношений СССР и Индии;

- в рамках Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и студентов университета к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории М.Б. Бессуднова провела 18 апреля Круглый стол, посвященный 770-летию Ледового побоища;
- в рамках Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и студентов университета к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Г.В. Уваров провел 18 апреля Круглый стол, посвященный 70-летию великих битв 1942 г. Великой Отечественной и Второй мировой войн;
- в рамках Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и студентов университета к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой истории и теории культуры Н.А. Прямова провела заседание секции «История и теория мировой, отечественной и традиционной культуры»;
- 5 мая в честь 67-й годовщины Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России В.Н. Томилин провел встречу студентов исторического факультета с ветераном войны, участником Берлинской операции Л.Н. Холмецким;
- 10 октября кафедра отечественной истории в рамках II Всероссийского Фестиваля науки провела встречу студентов-историков с А.В. Косякиным, автором многосерийного историко-публицистического фильма «Французы в Отечестве», посвященного 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. В ходе встречи состоялись просмотр нескольких серий фильма и их обсуждение (своими впечатлениями о своем диалоге со студентами-историками журналист А.В. Косякин поделился на страницах «Липецкой газеты» в статье «Читая страницы истлевшие...», 17 октября);
- 11 октября заведующий кабинетом археологии и этнологии кафедры отечественной истории старший преподаватель М.В. Ивашов в рамках II Всероссийского Фестиваля науки провел для студентов факультета выставку результатов археологических раскопок 2012 г.;
- 12 октября в рамках II Всероссийского Фестиваля науки кафедры отечественной и всеобщей истории провели для студентов исторического факультета выставки трудов преподавателей за 2010–2012 гг., отражающих научные направления кафедр;
- в октябре кафедра новейшей истории России провела экскурсии студентов 1 курса в Липецкий областной краеведческий музей, где работали экспозиции, посвященные нашим землякам-участникам Отечественной войны 1812 года – Н. Муравьеву-Карскому, М. Жемчужникову, И.Ф. Вадковскому и др., экспозиции, посвященные вкладу жителей Липецкого уезда в победу над Наполеоном (ответственные: старший преподаватель Н.П. Сеницына, к.и.н., доцент Е.В. Алисов, к.и.н., доцент Б.В. Зарницкий);
- 30 ноября к.и.н., доцент, заведующий кафедрой новейшей истории России И.Д. Петришина провела студенческую конференцию, посвященную 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве;
- 19 декабря кафедра отечественной истории провела встречу-семинар с учителями СОШ № 3, 12, 68, 69 г. Липецка, где традиционно студенты-историки проходят педагогическую практику. На этом мероприятии состоялся заинтересованный разговор об активизации совместных усилий кафедры и школ в деле исторического образования учащихся всех уровней (было принято решение о заключении договоров о научно-методическом сотрудничестве кафедры с названными школами). В ходе встречи кафедра кратко отчиталась перед учителями об основных мероприятиях, проведенных ею в Год российской истории (ответственные: к.и.н., доцент Л.С. Зудина, к.пед.н., доцент В.А. Станкевич);
- в течение Года российской истории кафедра всеобщей истории организовала экскурсии на Куликово поле и по памятным местам сражений Отечественной войны 1812 года (ответственные: к.и.н., доцент М.Б. Бессуднова, к.и.н., доцент Г.В. Уваров).

КОНФЕРЕНЦИИ

Всероссийская научная конференция «Жизнь языка. Жизнь в языке»

13 марта 2013 г. кафедра русского языка и общего языкознания ЛГПУ провела Всероссийскую научную конференцию «Жизнь языка. Жизнь в языке», посвященную 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, основателя Липецкой лингвистической школы, члена Союза писателей России Василия Васильевича Щедулина.

В конференции приняли участие более 80 человек: как известные ученые, так и молодые исследователи из разных городов России – Воронежа, Санкт-Петербурга, Орла, Ельца, Тамбова, Белгорода, Тулы, Брянска, Липецка, Пензы, Мичуринска, а также с Украины (г. Каменец-Подольский).

В первой части пленарного заседания в адрес юбиляра прозвучали приветственные слова от Управления образования и науки Липецкой области, Липецкого института развития образования, ректората ЛГПУ, разных российских вузов. В докладах профессоров Е.А. Поповой (Липецк), В.К. Харченко (Белгород), доцентов Т.В. Гончаровой (Липецк), Л.П. Плехановой (Липецк) говорилось о жизненном и творческом пути профессора В.В. Щедулина, его выдающемся вкладе в отечественную науку о языке. Во второй части пленарного заседания с докладами выступили профессор В.Ю. Копров (Воронеж), В.П. Изотов (Орел), И.М. Курносова (Елец), Р.И. Хашимов (Елец).

На конференции работали пять секций: «Слово в словаре, грамматике, тексте», «Актуальные проблемы изучения синтаксиса», «Различные аспекты организации текста. Текст как часть лингво-социокультурного пространства», «Лингвокультурологические аспекты изучения языковых единиц», «Лингвометодические аспекты изучения русского языка».

Прозвучавшие на конференции доклады охватили всё многообразие идей и направлений современной лингвистики и лингводидактики. Первая секция «Слово в словаре, грамматике, тексте» затрагивала проблемы изучения слова с точки зрения лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, диалектологии. Это доклады профессора З.Д. Поповой (Воронеж), профессора Г.М. Шипицыной (Белгород), профессора Р.П. Козловой (Тамбов), профессора О.С. Зубковой (Курск), доцента Н.А. Красовской (Тула) и др. Слово в художественном и фольклорном тексте, идиолекте стало предметом рассмотрения в докладах профессора С.В. Пискуновой (Тамбов), профессора И.С. Климас (Курск), доцента В.А. Черваневой (Воронеж), доцента И.П. Черноусовой (Липецк), аспиранта Н.Ю. Назаровой (Тамбов) и др. Различные подходы к теории лексикографии были раскрыты в докладах профессора О.И. Литвинниковой (Каменец-Подольский), профессора Л.В. Алешиной (Орел), профессора М.А. Бобуновой (Курск).

С именем профессора В.В. Щедулина связан целый этап в изучении русского сложноподчиненного предложения, поэтому среди докладчиков второй секции «Актуальные проблемы изучения синтаксиса» были как ученики В.В. Щедулина, продолжающие развивать основные направления его концепции: доцент О.В. Шаталова (Липецк), доцент Е.П. Белая (Липецк), доцент Е.С. Грецкая (Липецк), доцент Т.М. Мирохина (Елец) и др., так и основатели других синтаксических школ и их последователи: профессор В.И. Казарина (Елец), доцент В.А. Бурцев (Елец), доцент Н.А. Бородина (Елец), доцент О.А. Селеменева (Елец), доцент Е.Г. Колыханова (Орел), доцент А.Л. Лебедева (Воронеж), доцент Е.Г. Скребова (Воронеж),

доцент Л.В. Чижонкова (Пенза), аспирант А.В. Михайлов (Елец), аспирант А.Р. Аль-Хаснави (Елец) и др.

Доклады третьей секции «Различные аспекты организации текста. Текст как часть лингво-социокультурного пространства» были посвящены актуальным проблемам изучения текста, являющегося главным объектом исследования современного языкознания. Это доклады профессора Л. Д. Беднарской (Орел), профессора В.П. Изотова (Орел), профессора Д.А. Романова (Тула), профессора В.Г. Руделева (Тамбов), доцента О.А. Руделевой (Тамбов), доцента И.К. Наумовой (Липецк), доцента В.М. Швецовой (Мичуринск), доцента Н.В. Угловой (Липецк), доцента О.А. Головачевой (Брянск), доцента В.В. Пашошкина (Орел), доцента П.Н. Матеро (Липецк) и др.

Разнообразные вопросы изучения слова, предложения, текста с точки зрения лингвокультурологии были представлены в докладах четвертой секции «Лингвокультурологические аспекты изучения языковых единиц». Здесь выступили с докладами профессор В.А. Ефремов (Санкт-Петербург), профессор Е.А. Попова (Липецк), профессор Г.В. Токарев (Тула), профессор С.Ю. Дубровина (Елец), доцент Т.В. Гончарова (Липецк), доцент Ю.М. Калинина (Липецк), к.филол.н. А.Ю. Скрыльникова (Липецк), к.филол.н. О.С. Шурупова (Липецк), к.филол.н. И.М. Колышкина (Липецк), аспирант О.А. Бокова (Липецк), аспирант Ю.В. Шалатонина (Липецк) и др.

В рамках пятой секции «Лингвометодические аспекты изучения русского языка» рассматривались актуальные проблемы школьной и вузовской лингводидактики. Прозвучали доклады профессора Т.Г. Бирюковой (Елец), доцента Л.П. Плехановой (Липецк), доцента И.Ю. Токаревой (Тула), доцента Н.В. Коротковой (Липецк), доцента В.А. Телковой (Елец), к.пед.н. М.Ю. Ивановой (Елец), аспиранта Т.С. Косиновой (Елец), преподавателя А.Я. Виноградчей (Липецк).

Хочется отметить высокий научный уровень сделанных на конференции докладов, доброжелательное и активное их обсуждение. По материалам конференции опубликован сборник научных трудов: «Жизнь языка. Жизнь в языке»: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения В.В. Щедулина. Липецк, 13 марта 2013 г. Ч. I-II. Липецк, ЛГПУ, 2013 (36, 8 п.л.).

Конференция, посвященная юбилею профессора Василия Васильевича Щедулина, является данью уважения и признательности друзей, коллег, учеников одному из крупнейших представителей современной науки о языке.

Е.А. Попова

Всероссийский семинар преподавателей и учителей французского языка

С 13 по 15 марта 2013 г. в ЛГПУ прошел Всероссийский семинар преподавателей и учителей французского языка, организованный Посольством Франции в России в сотрудничестве с кафедрой теории и практики французского языка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации.

В работе семинара приняли участие французские эксперты: Патрик Депланк, атташе отдела по сотрудничеству в области образования Департамента по сотрудничеству и культуре, Виржини Телье, атташе по сотрудничеству в области французского языка, Доминик Ламбер-Тизи, преподаватель института Турен (Франция).

Около ста учителей и преподавателей французского языка из 21 города России (Омск, Томск, Москва, Саратов, Волгоград, Киров, Смоленск, Астрахань, Тула, Воронеж, Екатеринбург, Орел, Елец, Новокузнецк, Тамбов, Рязань, Махачкала, Санкт-Петербург, Ставрополь,

Воронеж, Набережные Челны) приехали в Липецк с целью повышения уровня профессиональной квалификации.

С приветственной речью в день открытия семинара выступили ректор ЛГПУ П.Г. Бугаков и декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Т.Ю. Васильева.

В докладе пленарной конференции «Франция сегодня» господин Депланк детально и очень наглядно представил анализ культурной, политической, экономической и технологической среды современной Франции.

Программа трехдневного семинара затрагивала проблемы современного образования, лингвистические и культурологические вопросы, методики преподавания французского языка в вузе и школе. В ходе работы семинара одновременно работали три мастерские под руководством французских экспертов.

Занятия Патрика Депланка были посвящены работе над грамматической стороной речи, анализу и классификации ошибок при изучении иностранных языков, а также использованию юмора при изучении французского языка.

Виржини Телье представила проблемы использования артикля, проблемы дискурса и профессиональной речевой компетенции преподавателя высшей школы.

Создание мультимедийных проектов, организация работы с рекламными текстами, а также организация работы в обучении аудированию были в центре внимания Доминик Ламбер-Тизи.

Все занятия вызвали огромный интерес участников семинара и, несомненно, способствовали повышению профессионального уровня преподавателей французского языка. По завершению работы семинара стажеры получили сертификаты повышения квалификации Посольства Франции в России.

Следует также отметить, что в работе семинара приняли активное участие студенты французского отделения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ЛГПУ и студенты Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, что было положительно отмечено французскими экспертами. Лучшим студентам также были вручены сертификаты повышения квалификации Посольства Франции в России.

В рамках семинара был организован большой концерт на французском языке студентов французского отделения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации и учащихся школ города, вызвавший искреннее восхищение всех участников семинара.

Итоги и впечатления о семинаре (Bilan du séminaire de formation – Lipetsk 2013) французские эксперты опубликовали на сайте посольства Франции в России Francomania.ru (<http://www.francomania.ru/bilan-seminaire-formation-lipetsk-2013>).

М.А. Антюшина

Российская государственность и ее созидатели

*Любить Отечество велит Природа, Бог.
А знать его – вот честь, достоинство и долг*

17-18 мая 2013 г. кафедра отечественной истории ЛГПУ совместно с Управлением образования и науки Администрации Липецкой области провела областную научно-практическую конференцию по проблемам гуманитарных наук «Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.». В работе конференции приняли участие более 60 деятелей науки и образования (из них 18 докторов и 26 кандидатов наук), аспиранты, магистранты и студенты из Липецка, Волгограда, Воронежа, Ельца, Калининграда, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Рязани, Санкт-Петербурга, Тамбова, Уссурийска, Якутска, ученые ближнего и дальнего зарубежья (Украина, Швеция).

Весьма актуальными и содержательными были доклады, прозвучавшие на пленарном заседании. Так, Л.П. Грот (Швеция) показала, основываясь на данных подводной археологии,

что драккары, обнаруженные в Дании и Норвегии, по своим техническим данным не подходили для плавания по восточноевропейским рекам, а в Швеции вообще не найдено судов, способных пересекать морские пространства (там обнаружены лишь мелкие суда, пригодные для каботажного плавания). Как резюмировала исследовательница, эти результаты подводной археологии разбивают норманистские мифы о якобы плаваниях скандинавов по русским рекам, о происхождении Руси от шведских гребцов, о «скандинавских» названиях днепровских порогов, об открытии скандинавами Балто-Волжского и Балто-Днепровского речных путей и другие мифы, весьма серьезно засорившие историческую науку и общественное сознание. В.А. Волков (Москва) остановился на анализе правления Василия Шуйского, подчеркнув, что оно было временем тяжелейших потрясений и испытаний для русского народа. Д.А. Ляпин (Елец) посвятил доклад своему земляку Ф.Ф. Дорохину, побывавшему в турецком плену и написавшему в 1670-е гг. первое русское сочинение об Османской империи. Л.И. Земцов (Липецк) заострил внимание на отношении П.А. Столыпина к волостным судам.

На заседаниях трех секций вели речь, например, о политике московских князей по присоединению Владимирского княжества в 1389–1462 гг. (Л.В. Пашкова, Липецк), о земельной политике правительства России во второй половине XVIII в. (Л.С. Зудина, Липецк), о работах современного историка Л.М. Ляшенко, посвященных императору Николаю I (А.Н. Долгих, Липецк), о введении института почетного гражданства в России (В.А. Клоков, Липецк), об историческом наследии слависта и антинорманиста Ю.И. Венелина (О.И. Родина, Липецк), об отношении М.П. Погодина к антинорманизму (С.В. Пашков, Липецк), о критике Д.И. Иловайским норманской теории (А.В. Плетнева, Липецк), о фальсификациях современного норманизма (В.В. Фомин, Липецк), о формировании финансовой политики в годы правления Александра III (С.В. Упрямец, Елец), об ученом-литературоведе Е.В. Барсове (Г.В. Аксенова, Москва), об охранительной концепции в школьных учебниках истории второй половины XIX в. – начала XX в. (В.А. Станкевич, Липецк), о роли приходского священника в борьбе за трезвость в России на рубеже XIX–XX вв. (И.А. Шевченко, Липецк), о религиозно-нравственном состоянии крестьянства Орловской губернии (Н.А. Жиров, Елец), о предпринимательстве дворян Центрально-Черноземного региона в начале XX в. (Р.М. Житин, Тамбов), о дворянском роде Шиповых (Е.А. Найденова, Липецк), о деятельности елецкого краеведа Е.И. Назарова по сохранению и изучению археологических древностей (Н.А. Тропин, Елец), об обстановке в селе в Тамбовской губернии весной-летом 1917 г. (Д.В. Колчинский, Тамбов), о восстановлении патриаршества (А.А. Дёмин, Елец), о советской бюрократической элите 1920-х гг. (Л.Г. Протасов, Тамбов), о НЭПе и частной торговле в Воронежской губернии (И.Д. Петришина, Липецк), о роли Главреперткома в политической и культурной жизни СССР в 20-30-е гг. (В.Л. Гайдук, Москва), о советских государственных и партийных деятелях в очерках советского писателя Е.Д. Зозули (Д.В. Неустроев, Москва), об особенностях учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях в годы Великой Отечественной войны (Н.А. Белькова, Елец), об аграрной политике Н.С. Хрущёва (В.Н. Томилин, Липецк), об известном деятеле образования Липецкой области Т.И. Поподько (А.В. Ненахов, Елец), об истории изучения рязанско-долговской неолитической культуры (А.А. Куличков, Липецк) и иванобугорской культуры эпохи энеолита (Д.С. Михайлов, Липецк) и о многих других важных темах нашей истории.

18 мая состоялось заседание круглого стола на тему «Липецкий край в истории российской государственности», в котором участвовали преподаватели (Л.И. Земцов, В.В. Фомин) и студенты ЛГПУ (С. Бочаров, О. Жук, М. Соболева, Б. Диеперов, П. Лельчук, О. Семенова, Ю. Безрукавников), преподаватели ЕГУ им. И.А. Бунина (Н.А. Тропин, Д.А. Ляпин), писатель С.Д. Юров. Были заслушаны и обсуждены доклады по истории г. Романова, о творчестве нашего выдающегося земляка Н.Я. Данилевского, о нравственных аспектах современной жизни.

По итогам конференции будет издан сборник статей.

В.В. Фомин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРЕНКО НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – к.филол.н., доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания, старший научный сотрудник кафедры современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: достоевсковедение, лингвистика

Тел.: 8-905-043-74-22 (моб.)

E-mail: azarenko.nadezhda@yandex.ru

БОЛОТОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – д.и.н., профессор, ректор Волгоградской государственной академии повышения квалификации и переподготовки работников образования

Область научных интересов: военная история, социальная политика советского государства, история образования

Тел.: (8442) 94-99-48 (сл.)

ВОЛКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ – д.и.н., профессор кафедры основ гражданственности Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Область научных интересов: военная история России допетровского времени

E-mail: Li8@mail.ru

ГАГИН ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ – к.и.н., доцент кафедры философии и истории Академии права ФСИН (Федеральной службы исполнения наказаний) России (г. Рязань)

Область научных интересов: история Северо-Восточной Руси, история Волжской Булгарии и народов Северного Поволжья

Тел.: 8-903-838-83-44 (моб.)

E-mail: igagin@yandex.ru

ГАРШИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: краеведение, лексикология, ономастика, методика преподавания русского языка и литературы

E-mail: zobova_katya@mail.ru

ЖИХ МАКСИМ ИВАНОВИЧ – аспирант кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Область научных интересов: этногенез славян, древнерусские города, история Галицкой и Волынской земель, история средневекового Новгорода, древнерусский политогенез, общественный строй средневековой Руси

Тел.: (8906) 250-88-21 (дом.)

E-mail: max-mors@mail.ru

ЗВЕЗДОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: язык и ментальность, словообразование, краеведение, концептуальный анализ художественного текста

Тел.: 8 (4742) 72-80-30 (дом.)

ЗЕМЦОВ ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ – д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: история крестьянства и общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.

Тел.: 8(4742) 32-83-53 (сл.)

E-mail: leozem@yandex.ru

КАТАЕВА СТАЛИНА ГАВРИЛОВНА – д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой немецкого языка Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: полилингвистика, семантическая прагматика, лексикография, лингвострановедение.

Тел.: 8 (4742) 32-83-54 (сл.)

E-mail: katajew@rambler.ru

ЛАНСКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – к.филол.н., учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 14 г. Липецка

Область научных интересов: анализ художественного текста, объективация художественного пространства, произведения Л.Н. Толстого

E-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

ЛЯПИН ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ – к.и.н., доцент, декан исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Область научных интересов: социально-политическая история России XVII в., русское дворянство, история Центрального Черноземья до XVIII века

Тел.: 8 (4742) 6-02-32 (сл.)

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

МАТАРЫКИНА НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА – к.филол.н., доцент кафедры немецкого языка Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: прикладная германистика, стилистика, социальные варианты современного немецкого языка (молодежный язык)

Тел.: 8 (4742) 32-83-54 (сл.)
E-mail: natalia.ma2009@yandex.ru

ПРИЙМАК ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – исполняющий обязанности директора историко-культурного музея-заповедника «Бельск» (Украина)

Область научных интересов: археология, славяно-русские древности

ПРЯМКОВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой истории и теории культуры Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: история и восстановление промысла романовской народной глиняной игрушки

Тел.: 8-(4742) 32-83-51 (сл.)

СИРЧЕНКО ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, языковая личность, творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина

E-mail: dsir@yandex.ru.

ЧЕРНЫХ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

Область научных интересов: история России, медиевистика, славистика, кирилло-мефодиевистика, духовная культура Древней Руси, философия гуманитарных наук

Тел.: 8 903 531 71 30 (сл.)
E-mail: luxludensel@yandex.ru.

ШАТАЛОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА – к.филол.н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: синтаксис русского языка, коммуникативно-прагматические возможности предложения, теория языковой личности

Тел.: 8-904-682-2770 (моб.)
E-mail: shat_o_v@mail.ru

ШКАТОВА ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – старший преподаватель кафедры английского языка Липецкого государственного педагогического университета

Область научных интересов: лингвокультурология, фразеология

Тел.: 8-(4742)-32-83-55 (сл.)

ЩЕРБАНЬ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренка (Украина)

Область научных интересов: история средних веков

РЕФЕРАТЫ

УДК 81'42:801.7

Азаренко Н.А. **Языковая реализация двойственной метафоры Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы».** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 67-74.

В статье анализируется фигура экспрессивного синтаксиса антитеза, которая отражает мировидение Ф.М. Достоевского, предопределена творческим методом писателя и служит одним из основных художественных приемов, на которых построен не только роман «Братья Карамазовы», но и творчество писателя в целом.

Библиограф. 30 назв.

УДК 947.085.2

Болотов Н.А. **Сталинградский перелом: крах 6-й армии вермахта.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 3-7.

В статье дана характеристика этапов оборонительного и наступательного периодов Сталинградской битвы, приводятся данные о потерях 6-й армии вермахта, раскрываются причины её краха.

Библиограф. 9 назв.

УДК 947.045.6

Волков В.А. **Освобождение Москвы от поляков и Земский собор 1613 года.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 29-35.

Статья посвящена произошедшему четыре столетия назад освобождению Москвы от польских интервентов и восстановлению государственной власти под скипетром нового царского рода Романовых, первый представитель которого Михаил Федорович был избран государем на Земском соборе 1613 года. Подробно разобраны действия осаждавших Москву ополченских войск, капитуляция польского гарнизона, деятельность Земского правительства по подготовке избирательного Собора и ход ожесточенной борьбы, происходившей на его заседаниях.

Библиограф. 26 назв.

УДК 947.032.5

Гагин И.А. **«Джагфар Тарихы» о взятии Москвы Тохтамышем: версия непризнанного источника (к 630-летию исторического события).** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 18-28.

В статье, посвященной 630 годовщине сожжения Москвы полчищами золотоордынского хана Тохтамыша, рассматриваются русские письменные источники, с разных позиций раскрывающие нюансы этого важного события, а также представляется версия непризнанного источника, известного под названием «Джагфар Тарихы» («История Джагфара»). Дается краткая историческая справка появления этого источника, известного также как «Булгарские летописи», характеристика его в российской и зарубежной историографии.

Библиограф. 53 назв.

УДК 81.115

Гаршина Е.А. **Лексико-семантическая группа «сад, лес, парк, роща, огород» как вербализатор пространства в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева».** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 79-84.

Работа представляет собой концептуальный анализ художественного текста, который связан с решением ряда проблем: раскрытия реальных и сакральных смыслов лексики в романе И.А. Бунина, постижения природы художественного концепта «сад» и поиска вербализаторов пространства дворянской усадьбы в русской национальной традиции и в творчестве И.А. Бунина.

Библиограф. 30 назв.

УДК 930.1(09)

Жих М.А. **Известный российский востоковед С.Г. Кляшторный о поисках славян в Среднем Поволжье и о своих коллегах-славистах.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 114-121.

Библиограф. 38 назв.

УДК 947.02

Жих М.А. **К вопросу об этнической принадлежности кривичей.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 8-17.

Предпринятый анализ показывает, что письменные источники (русские летописи и Константин Багрянородный) четко относят кривичей к славянам. Их этноним, безусловно, является славянским, а ещё одно славянское «племя» кривичей проживало на Пелопоннесском полуострове. Материалы археологии, лингвистики и популяционной генетики также свидетельствуют о славянском происхождении кривичей. Серьёзной аргументации в пользу «балтской» гипотезы их происхождения не имеется.

Библиограф. 40 назв.

УДК 145.32

Звездова Г.В. **О специфике древнего русского слова (на материале народного месяце-слова).** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 57-66.

В статье описывается специфика древнего русского слова на материале русского месяце-слова. Автор рассматривает синкретизм как исходный принцип древнего русского словотворчества. Дана характеристика тропеистики русского народного календаря.

Библиограф. 21 назв.

УДК 947.083

Земцов Л.И. **А.А. Башмаков о необходимости изучения обычного права.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 42-48.

В статье анализируется значение сохранения обычного права и его применения в начале XX века. Приведен полный текст Записки известного государственного деятеля и исследователя обычного права А.А. Башмакова.

Библиограф. 23 назв.

УДК 43

Катаева С. Г. **Проблемы национальной и языковой идентичности в Германии.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 93-101.

В статье рассматриваются проблемы национальной и языковой идентичности, поиск которой в силу ряда исторических, политических и культурных причин всегда оставался в центре внимания общественно-политического дискурса в Германии. Осложненный наличием различий немецкого языка в разделенной Германии, он приобретает особый интерес и с объединением разгорается с новой силой. Большое внимание при этом уделяется «языковому объединению» Германии, как составной части национальной идентичности немцев.

Библиограф. 66 назв.

УДК 81.115

Ланская О.В. **Пространство сна в поэме Ю.П. Кузнецова.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 85-87.

В статье на материале стихотворения «Мне снился сон, когда в меня стреляли» через ключевые слова «сон», «ветер», «тень», «страх», «любовь» исследуется пространство, которое в тексте воспринимается как мистическое, нереальное и реальное одновременно. Это пространство земное и космическое, многослойное и символическое. Автор приходит к выводу, что ключевое слово «сон», организующее это пространство, восходит к словосочетанию «русская дремота» с семами «духовное начало», «поиски смысла бытия», к противопоставлению «добро – зло», фиксирующее духовный вектор развития одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX века.

Библиограф. 14 назв.

УДК 947.05

Ляпин Д.А. **«Большая война» 1631–1634 гг. на Верхнем Дону.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 36-41.

В статье рассматриваются события, связанные с военными действиями на территории Верхнего Дона в 1631–1634 гг., когда сюда, воспользовавшись войной России с Речью Посполитой, вторглись крупные татарско-турецкие войска.

Библиограф. 15 назв.

УДК 43

Матарыкина Н.Д. **Интертекстуальность и языковая игра (на примере изречений молодежного движения «Sponti» в Германии).** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 102-106.

В статье рассматриваются приемы интертекстуальной языковой игры в изречениях молодежного движения «Sponti» в Германии, которая реализуется как посредством структурных трансформаций претекстов, так и при сохранении их структурных моделей за счет средств парадокса.

Библиограф. 6 назв.

УДК 019.941:930.26

Приймак В.В., Щербань П.Н. **Рецензия на кн.: Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н., Земцов Г.Л., Смольянинов Р.В. Древнейшая история Липецкого края. Тула: Гриф и К, 2010. – 458 с.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 125-127.

Библиограф. 6 назв.

УДК 745

Прямкова Н.А. **Отражение языческой символики в романовской игрушке.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 107-113.

Языческое мировоззрение славян отражалось в изделиях традиционного искусства, таких, как орнамент в вышивках и народном костюме, в изделиях из дерева и глиняных игрушках. Эти объекты народного творчества несли в себе символический смысл. Романовские глиняные игрушки в своей форме и декоре в изображении людей и животных также сохранили традиционное символическое значение.

Библиограф. 12 назв.

УДК 81.115.

Сирченко Д.С. **К вопросу о сильных позициях текста на примере романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 75-78.

Статья посвящена проблеме сильных позиций текста в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Предметом анализа являются названия глав, антропонимы, топонимы, вторичные номинации. Их концептуальная информация способствует раскрытию основных идеи произведения.

Библиограф. 14 назв.

УДК 930.1(09)

Черных Е.А. **Проблема кирилло-мефодиевской традиции на Руси в исследованиях протоиерея Льва Лебедева.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 49-56.

Протоиерей Лев Лебедев (1935–1998) – один из крупнейших современных православных богословов, мыслителей и церковных историков. В статье проанализированы научно-богословские изыскания Л. Лебедева, посвящённые проблеме крещения Руси, представлена его оригинальная концепция крещения Руси, в рамках которой особое место исследователь отвёл проблеме кирилло-мефодиевской традиции на Руси.

Библиограф. 32 назв.

УДК 410

Шаталова О.В. **«Волшебное» слово Сталя Анатольевича Шмакова.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 122-124.

В статье обозначаются некоторые черты речи выдающегося педагога XX в., профессора кафедры педагогики ЛГПУ С.А. Шмакова. Характеристика дается на основе частотности использования стилистических фигур, формирующих уникальную речевую манеру.

Библиограф. 1 назв.

УДК 81'37

Шкатова В.В. **Понятие «практичность» в английских идиомах.** – ВЕСТНИК ЛГПУ, Серия ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2013. – № 1 (8). – С. 88-92.

В статье раскрывается семантическое содержание понятия «практичность» в английском языке, формулируются подходы к семантической классификации идиом, выражающих данное понятие, подробно анализируются идиомы со значением «функциональность».

Библиограф. 2 назв.

ABSTRACTS

Azarenko N.A. **Antithesis as a syntactic means of objectivization of Christian reasons in F.M. Dostoevsky's The «Brothers Karamazov».** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 67-74.

The object of analysis in the article is the antithesis as an expressive syntactic figure. Conditioned by the author's constructive method, it reflects his outlook and serves as a basic trope to underlie not only The «Brothers Karamazov», but the whole of his creative work.

Bibliography 30 titles

Bolotov N.A. **Stalingrad turning point: the failure of Wehrmacht's 6th Army.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 3-7.

The article provides the characteristic of defensive and offensive periods of the battle of Stalingrad, the data about the losses of the Wehrmacht's 6th Army and the reasons for its failure.

Bibliography 9 titles

Chernykh E.A. **The problem of Cyril-Methodius's tradition in Rus in archpriest Lev Lebedev's researches.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 49-56.

Archpriest Lev Lebedev (1935–1998) is the foremost modern orthodox theologian, thinker and church historian. The article presents scientific and theological researches of Lev Lebedev's about the problem of christianization of Russia, his original concept of christianization of Rus in connection with the problem of Cyril-Methodius' tradition in Rus.

Bibliography 32 titles

Gagin I.A. **«The History of Dzhagfar» on seizure of Moscow by Tohtamysh: version of unacknowledged source (in commemoration of the 630th anniversary of the historical event).** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 18-28.

The article devoted to the 630th anniversary of burning of Moscow by hordes of the Golden Horde khan Tohtamysh focuses on Russian written sources and reveals nuances of this important event from different angles. It also presents the version of the unacknowledged source known as «The History of Dzhagfar». The article gives brief historical information of this source, known also as «Annals of Bulgaria» and its description in Russian and foreign historiography.

Bibliography 53 titles

Garshina E.A. **The lexical-semantic group of «garden, forest, park, grove, orchard» as the representing «space» in the novel by I.A. Bunin «The life of Arsenjev».** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 79-84.

The article deals with a conceptual analysis of the literary text where the author seeks to solve a number of issues that involved investigation of an actual and sacred meaning of the words artistically used by Bunin in his novel. We also made an attempt to get into the essence of the concept of «Garden» and to find the words that make up the sounding representation of the aristocratic mansion space in the works of I.A. Bunin.

Bibliography 30 titles

Katayeva S.G. **The problems of national and linguistic identity in Germany.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 93-101.

The article deals with the problems of national and linguistic identity, the quest of which has always attracted the attention of social and political discourse in Germany due to a number of historic, political, and cultural reasons. The differences in the German language in different parts of divided Germany gives it even more appeal, and boosts interest to the issue as soon as the parts become united. A lot of attention is paid to the «linguistic unity» of Germany as a part of German national identity.

Bibliography 66 titles

Lanskaya O.V. **The space of dream in the poetry of Yu.P. Kuznetsov.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 85-87.

In the article on the material of the poem «I have dreamed a dream, when I got shot» through key words «*dream*», «*wind*», «*shade*», «*fear*», «*love*» space is investigated, which in the text is perceived as a mystic, unreal and real at the same time. This space is space-earth and space, multi-layered and symbolic. The author comes to the conclusion, that the keyword sleep, which organises this space, dates back to the phrase «a slumber» with the meaning «spiritual home», «the search for the meaning of existence», to the opposition of the «good – evil», fixing the spiritual line of development of one of the greatest Russian poets of the second half of the XX century.

Bibliography 14 titles.

Lyapin D.A. **«Great War» 1631–1634 on the Upper Don.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 36-41.

The article considers the events associated with the military actions in the territory of the Upper don in 1631–1634 str., when large Tatar-Turkish troops invaded this area taking advantage of the Russian-Polish war.

Bibliography 15 titles

Matarikina N.D. **Intertextuality and language game (the sayings of the German youth movement «Sponti» are used as examples).** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 102-106.

In the article the examples of intertextual language game from the sayings of the German youth movement «Sponti» are considered. The language game is implemented both by structural transformation of source texts and by preservation of their structural models with the help of paradox.

Bibliography 6 titles

Priymak V.V., Sherban P.N. **Book Review: Bessudnov A.N., Melnikov E.N., Zemtsov G.L. Smolyaninov R.V. Ancient History of Lipetsk Region. Tula: Stamp and K, 2010. – 458 p.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 125-127.

Bibliography 6 titles

Pryamkova N.A. **Reflect of pagan symbol in romanovsky toy.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 107-113.

Pagan beliefs of Slavs were reflected in the folk art work pieces like embroidery ornaments, wooden hut patterns, national costume, wooden and earthenware toys. These objects protected people; they symbolized fertility, change of seasons. Romanovsky earthenware toys as well as other folk crafts used to be decorated by domestic and wild animals usually depicted in a symbolic manner.

Bibliography 12 titles

Shatalova O.V. **«Magical» word by Stal Shmakov.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 122-124.

The article reflects some features of well-known educationalist, professor S.A. Shmakov's speech. It is characterized on the frequency basis of stylistic figures forming his manner of speech.

Bibliography 1 titles

Shkatova V.V. **The notion of «practicality» in English idioms.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 88-92.

The article deals with the semantic content of the notion «practicality» and its representation in English idioms. The focus of the analysis is on the idioms expressing «functionality».

Bibliography 2 titles.

Sirchenko D.S. **In terms of strong text positions on the example of the novel «Gospoda Golovlevy» by M.E. Saltykov-Shchedrin.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 75-78.

The article deals with the strong position of the text of the novel «Gospoda Golovlevy» by M.E. Saltykov-Shchedrin. The subject of analysis is the chapter titles, anthroponyms, toponyms, secondary nominations. Their conceptual information helps to reveal the main idea of the composition.

Bibliography 14 titles

Volkov V.A. **The liberation of Moscow from the Poles And the Assembly of the Land, 1613.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 29-35.

This article focuses on the liberation of Moscow from Polish invaders which happened four centuries ago and restoration of state authority under the scepter of the new royal family of the Romanovs, the first representative of which Mikhail Fedorovich was elected emperor by the Zemsky Sobor, 1613. The action of militia forces surrender besieging Moscow, the Polish garrison, the activities of the Land Government to prepare the electoral council and the course of b. Her struggle, which took place at its meetings discussed in detail.

Bibliography 26 titles

Zemtsov L.I. **A.A. Bashmakov writes about the necessity to study customary law.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 42-48.

This article analyzes the importance of conservation of customary law and its application in the early twentieth century. The complete text of the Note by a prominent statesman and customary investigator A.A. Bashmakov is adduced.

Bibliography 23 titles

Zhikh M.I. **Known Russian orientalist S.G. Klyashtorny about searches of Slavs on the average the Volga region and about the colleagues Slavists.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 114-121.

Bibliography 38 titles

Zhikh M.I. **On the issue of an ethnic origin *krivichy*.** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 8-17.

The research results show that written sources (Russian chronicles and Konstantin Bagryanorodny) definitely refer *krivichy* to Slavs. Their ethnonyme undoubtedly is slavic, and another slavic «tribe» *krivichy* lived on Peloponnesus peninsular. Archeological, linguistic and population genetics also indicate slavic origin of *krivichy*. There are no reliable arguments in favor of their Baltic origin.

Bibliography 40 titles

Zvezdova G.V. **The specifics of the ancient Russian word (on the basis of the names of the Russians months).** – Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series: humanities, 2013. – № 1 (8). – P. 57-66.

The article describes the peculiarity of the ancient Russian word on the basis of the names of the Russians months. The author considers, that syncretism is basic principle of the ancient Russian word creation. The author gives a characterization of means of expressiveness of Russian national calendar.

Bibliography 21 titles.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Вестник Липецкого государственного педагогического университета» публикуются оригинальные научные работы по фундаментальным исследованиям естественнонаучного и гуманитарного направлений. Объем работы не может превышать 30 тыс. символов (считая пробелы).

К оформлению статей, публикуемых в «Вестнике Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки», предъявляются следующие требования.

В редакцию представляются выверенный рукописный (формат А4), подписанный автором (соавторами), и электронный экземпляры статьи. Рукопись статьи должна быть набрана в редакторе MS Word for Windows (1997 или в более поздних версиях) в формате doc.: шрифт – Times New Roman, интервал – 1; абзацный отступ – 0,5 см; поля – 2 см. Перенос устанавливается строго в автоматическом режиме, расширение – по ширине. Все инициалы, сокращения – т.е., т.к., т.д. – набираются без пробела; недопустимы сокращения «нач.»: начало, «ок.»: около. Использование дефиса (-) и короткого тире (–) различается: «социально-экономическая ситуация», «70-е гг.», «XVIII–XIX вв.» (все без пробелов), «конец XVII – середина XVIII в.» (здесь с пробелами), а закавыченный текст или слово в цитатах выделяются следующим образом: « “ ” ».

В начале статьи, в левом углу указывается индекс УДК (полужирный шрифт, кегль – 14). Затем через один интервал, по центру и полужирным шрифтом набираются: прописными буквами заглавие статьи, под заглавием статьи – инициалы и фамилия автора, под ними – слово «Аннотация». После этого через один интервал набирается текст очень короткой аннотации (кегль – 12 и курсив) на русском языке и также через один интервал – текст статьи (кегль – 14).

В конце статьи в рубрике **ПРИМЕЧАНИЯ** (слово – по центру, прописными буквами, полужирным шрифтом, кегль – 12) даются без отступа сноски (пояснения, кегль – 12) в порядковом исчислении: [1] [2] [3]. В тексте статьи ссылки обозначаются в квадратных скобках, отделенных от текста пробелом. Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций и авторефератов) и на официально не оформленные средства электронной информации не допускаются.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Книги:

1. Давлешин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань, 1990. С. 35.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Его же. Собр. соч. Т. 4. Париж, 1990. С. 495-496.
3. ПСЗ-И. Т. 24. № 17603.

Статьи и изданные источники:

4. Теляк Л.В. Этические аспекты в аграрной истории России конца XIX – начала XX вв. // Исторические исследования. Самара, 1997. С. 50.
5. Журналы Комитета министров: царствование императора Александра I. 1802–1812 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. Т. 1. СПб., 1888. С. 297.

Указания на архив:

6. РГАДА. Ф. 1389. Оп. 2. Д. 647. Л. 32 об.

В конце статьи дается список сокращений, используемых в тексте и в сносках.

Список сокращений

ОИ – Отечественная история.

ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

При первом употреблении необходимо привести наименование издания полностью, указав затем принятую аббревиатуру – например: // Отечественная история (ОИ).

Вместе с электронной версией статьи в редакцию представляются авторская справка и рефераты на русском и английском языках. Реферат содержит индекс УДК, фамилию и инициалы автора, название статьи и нашего журнала, аннотацию. В конце реферата указывается число пунктов библиографии (например: Библиограф. 8 назв.; Bibliography 8 titles)

В авторской справке, которая включается в раздел «Сведения об авторах», должны быть: фамилия, имя, отчество, место проживания автора, официальное название места работы, структурное подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, область научных интересов, адрес электронной почты, контактные телефоны.

Статьи, оформленные без соблюдения названных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронная версия «Вестника» размещается на сайте Липецкого государственного педагогического университета.

Адрес редакции:
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42,
редакционно-издательский центр ЛГПУ
Тел. 8-(4742)-32-83-53
E-mail: hist55-lgpu@rambler.ru